

СОЦИАЛЬНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ
И ОБЩЕСТВО
—
SOCIAL
PSYCHOLOGY
AND SOCIETY

№ 2/2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Тема номера:
«Цифровое общество и цифровая социализация»
Тематический редактор номера А.В. Микляева

Theme of the issue
“Digital Society and Digital Socialization”
Issue editors A.V. Miklyeva

2024 г. Том 15. № 2

2024. Vol. 15. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

Ф. Зимбардо (США),
В.А. Лабунская (Россия), М. Линч (США),
И. Маркова (Великобритания),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scolar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психологический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 500 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

О.А. Гулевич (Russia),
Е.М. Дубовская (Russia),
В.А. Лабунская (Russia),
А.В. Махнач (Russia), Т.А. Нестик (Russia),
Л.А. Пергаменщик (Belarus),
И.Д. Плотка (Latvia), Н.К. Радина (Russia),
О.Е. Хухлаев (Israel), Л.А. Цветкова (Russia),
Т.И. Шульга (Russia)

Editorial Council

P.G. Zimbardo (USA),
V.A. Labunskaya (Russia), M.F. Lynch (USA),
I. Markova (Great Britain),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenshchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia)
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Science Citation Index Core (RSCI Core), Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI Database RAS, Google Scolar, Index Copernicus, East View

Publisher

Moscow State University of Psychology and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

500 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics all text and images are the property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed

in the article are those of the authors and do not necessarily reflect the views or positions of the editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований

5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Волкова Е.Н., Сорокоумова Г.В. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации

12

Манчук В.Т., Терещенко С.Ю., Шубина М.В. Проблемное использование социальных сетей: терминология, распространенность, психосоциальные факторы риска и соматическая коморбидность

28

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством

47

Кочетков Н.В., Кудряшов Д.П. Вовлеченность в киберсоциализацию молодежи и ее социально-демографические характеристики как предикторы невоплощенности в интернете

65

Нестерова А.А., Феклисова А.А. Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой

82

Шейнов В.П., Низовских Н.А., Ермак В.О. Зависимость от смартфона и ее связи с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян

100

Гоштоны М. Секс или смартфон? – Анализ связи между проблемным использованием смартфона и сексуальной активностью на основе однородных и неоднородных идентификаторов и алгоритмов машинного обучения (на английском языке)

117

Гуттерресс Я.П.Г., Агедиа Э.Д.Д., Геварра Д.Г., Джаса Я.Р.А., Виллануэва Д.М., Тан К.С. Признаки разрыва отношений: мотивация и результаты обмена паролями в социальных сетях мужчинами молодого возраста с их партнершами (на английском языке)

140

Икеда Ш. Экспериментальное исследование влияния децентрации и осознания уязвимости на восприятие человеком роботов (на английском языке)

155

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Завьялова Е.К., Бордунос А.К. Стратегический подход к оценке цифровизации систем управления человеческими ресурсами: пример российских компаний

164

Суворова И.Ю., Раханова А.А., Корзун Н.В. Создание шкалы «Принадлежность-эксклюзия»

179

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Шейнов В.П. Цифровая среда как пространство становления психики современного человека

200

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абдомасова А.Д. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: актуальные вопросы оптимизации межличностного и межгруппового взаимодействия

205

Петровский В.А. К 100-летию А.В. Петровского. Персонализация: уроки Петровского

214

CONTENTS

EDITORIAL

Miklyaeva A.V. Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research 5

THEORETICAL RESEARCH

Volkova E.N., Sorokoumova G.V. Psychological Criteria of Adolescent Well-being in the Context of Digital Socialization 12

Manchuk V.T., Tereshchenko S.Yu., Shubina M.V. Problematic Social Media Use: Terminology, Prevalence, Psychosocial and Somatic Comorbidity 28

EMPIRICAL RESEARCH

Kornienko D.S., Rudnova N.A. Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness 47

Kochetkov N.V., Kudriashov D.P. Engagement in the Cyber Socialization of Youth and its Socio-demographic Characteristics as Predictors of Unembodiment on the Internet 65

Nesterova A.A., Feklisova A.A. Phubbing: the Desire for Superficial Contacts with Others and the Avoidance of Deep Contacts with Oneself 82

Sheinov V.P., Nizovskikh N.A., Ermak V.O. Smartphone Addiction and Its Correlations with Academic Motivation, Procrastination and Self-Control in Communication among Belarusians and Russians 100

Gosztonyi M. Sex or Smartphone? – Analysis of the Relationship between Problematic Smartphone Usage and Sexual Activity Based on Homogeneous and Heterogeneous IDs and Machine Learning Algorithms 117

Gutierrez J.P.G., Aledia A.J.D., Guevarra G.G., Jasa J.R.A., Villanueva D.M., Tan K.S. Signs of an Enmeshed Relationship: Motivations and Outcomes of Social Networking Sites Password Sharing among Emerging Adult Men 140

Ikeda S. Exploratory Investigation of the Effects of Perspective Taking and Awareness of Vulnerability on Impressions of Robots 155

METHODOLOGICAL TOOLS

Zavyalova E.K., Bordunos A.K. Strategic Approach to Measuring Digitalization of Human Resource Management Systems: Example of Russian Companies 164

Suvorova I.Yu., Rakhanova A.A., Korzun N.V. The “Relatedness-Exclusion” Scale: Creation and Validation. 179

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Sheinov V.P. The Digital Environment as a Space for Developing the Psyche of a Modern Person 200

SCIENTIFIC LIFE

Abalmasova A.D. Conference in Memory of M.Y. Kondratiev: Topical Issues of Optimization of Interpersonal and Intergroup Interaction 205

Petrowskiy V.A. Honoring A.V. Petrowskiy's 100th Anniversary. Personalization: Lessons from Petrowskiy 214

КОЛОНИКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований

Микляева А.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им А.И. Герцена»),

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Статья открывает тематический выпуск «Цифровое общество и цифровая социализация», в котором обсуждаются вопросы становления личности и регуляции социального взаимодействия в условиях цифрового общества. Представлена краткая характеристика состояния и перспектив социально-психологических исследований, посвященных проблемам цифровой трансформации процессов социализации и социального взаимодействия людей.

Для цитаты: Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150201>

Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

The article opens the thematic issue “Digital Society and Digital Socialization”, which discusses the challenges for personality formation and regulation of social interaction in a digital society. This issue features the state and prospects of socio-psychological research on the problems of digital transformation of the processes of socialization and social interaction.

For citation: Miklyaeva A.V. Digital Society and Digital Socialization: Prospects for Socio-Psychological Research. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150201> (In Russ.).

Цифровые технологии стали неотъемлемой стороной жизни современного человека. Появившись изначально как инструмент обработки и обмена информацией, сегодня они позволяют людям решать значительно более широкий спектр задач, предоставляя качественно новые возможности удовлетворения всего спектра человеческих потребностей: от витальных до экзистенциальных. В результате экспансии цифровых технологий в различные сферы жизни изменяется реальность жизнеобеспечения человека, приобретая характер гибридной, или смешанной реальности, в которой происходит слияние реального и смоделированных с помощью цифровых технологий миров, когда физические и цифровые объекты сосуществуют и взаимодействуют в реальном времени, и, как следствие, претерпевают изменения процессы социального становления личности и взаимодействия людей.

Еще 15–20 лет назад эти изменения трактовались как локальные, характеризующие исключительно сферу взаимодействия человека с цифровыми технологиями, однако к сегодняшнему дню очевидно, что в условиях смешанной реальности происходит «...формирование цифровой личности как части реальной личности» [5, с. 76]. Анализируя трансформации процессов социализации, происходящие в условиях смешанной реальности, в логике культурно-исторической концепции развития психики, Г.У. Солдатова и А.Е. Войсунский предлагают рассматривать цифровые технологии в качестве современного варианта знакового опосредствования деятельности, особенности которых (в частности, мобильность, многофункциональность и персонализированность) детерминируют появление новых феноменов психического и социального

функционирования людей [4]. Современный человек — это «расширенный человек» (в терминах М. Маклюэна [2]), или «достроенный человек» (в терминах И.М. Фейгенберга [6]), который не просто использует цифровые технологии для решения тех или иных жизненных задач, но воспринимает их как неотъемлемую часть самого себя.

Гибридный характер реальности, в которой разворачивается сегодня личностное становление и общение людей, а также развитие и взаимодействие социальных групп, определяет возникновение принципиально новых социально-психологических феноменов (например, таких, как цифровая идентичность [7; 13 и др.], виртуальная самопрезентация [8; 14 и др.], киберагрессия [1; 12; 16 и др.] и многих других), отличия которых от своих «доцифровых аналогов» обусловлены качественным своеобразием взаимодействия людей в цифровых мирах. Как отмечают Т. Постмес и Р. Спирс, цифровые инструменты коммуникации «бросают вызов общепринятым представлениям о социально-психологических процессах, которые лежат в основе социального поведения, начиная от романтических отношений и заканчивая коллективными действиями» [15, с. 326].

Изучение особенностей цифровых миров как пространства реализации социально-психологической активности людей опирается на исследования феномена коммуникации, опосредованной использованием технических устройств, которые активно развиваются с 1970-х гг. В тот период была создана и получила широкое распространение теория социального присутствия [17], которая заострила внимание на возможности опосредованной коммуникации обеспечивать чувство включенности во взаимодействие с другими людьми. Было показа-

но, что ограничения количества каналов восприятия информации, определяемые техническими характеристиками опосредующего взаимодействие устройства, сокращают эффект присутствия, делая коммуникацию менее эмоционально насыщенной и обезличивая ее. Несмотря на то, что современные цифровые технологии предоставляют существенно больше инструментов для мультимодальной коммуникации в режиме реального времени, чем это было возможно несколько десятилетий назад, цифровое взаимодействие по-прежнему не позволяет за действовать все сенсорные модальности в объеме, аналогичном тому, который характерен для взаимодействия «лицом к лицу», что приводит к изменениям в процессах создания «совместной реальности», а также целостных, внутренне непротиворечивых образов самих себя у взаимодействующих субъектов, порождая принципиально новые социально-психологические эффекты [18].

Необходимо отметить, что, несмотря на выраженный интерес научно-профессионального сообщества к проблемам цифровых трансформаций процессов социализации и социального взаимодействия людей, наглядным доказательством которого является последовательный рост количества публикаций по соответствующей тематике, социально-психологические исследования в данном предметном поле находятся сегодня лишь на начальных этапах и имеют серьезные перспективы развития, прежде всего, в связи с их теоретико-методологическими основаниями.

Так, очевидна необходимость выработки единого понятийного аппарата, позволяющего упорядочить использование терминов, фактически не являющихся синонимами, но зачастую употребляемых в социально-психологических исследо-

ваниях в качестве таковых (например, «цифровая социализация», «киберсоциализация», «онлайн-социализация», «цифровая идентичность», «сетевая идентичность», «онлайн-идентичность» и др.). Решение этой задачи не только будет способствовать уточнению категориального строя современной социальной психологии, но и, без сомнения, будет иметь выраженный эвристический потенциал, подсвечивая «белые пятна» и перспективные направления исследований.

Не менее важной задачей является уточнение методологии исследований цифровой социализации. Как справедливо отмечают Х. Уилмер с соавт. [20], в современных условиях практически невозможно использовать экспериментальные методы со случайным распределением испытуемых по различным группам на основе параметров доступа к цифровым технологиям, поскольку этот параметр в подавляющем большинстве случаев будет произведен от возраста респондентов, доступности ресурсов и образа жизни. В результате в исследованиях, посвященных проблемам изменений процессов социализации под влиянием цифровых технологий, преобладают квазиэкспериментальные и корреляционные форматы, которые к тому же часто основаны не на анализе реального поведения людей в смешанной реальности, а на их самоотчетах о своем поведении. Экспериментальный исследовательский дизайн применим сегодня преимущественно для анализа кратковременных последствий взаимодействия людей с цифровыми технологиями и не позволяет изучать устойчивость этих изменений. В связи с этим представляются перспективными задачи усиления методологической проработанности социально-психологических исследований, осуществляемых в данном предметном поле, создания новых исследовательских инструментов, разра-

ботки оригинальных моделей социально-психологических экспериментов.

Но тем не менее исследования, посвященные анализу изменений процессов социализации и социального взаимодействия людей в условиях распространения цифровых технологий, несмотря на отмеченные ограничения, обладают несомненной актуальностью. Так, характеристика новых социально-психологических феноменов хотя и вызывает споры в отношении того, как «вписать» их в поле уже имеющегося социально-психологического знания, представляется крайне значимой задачей, поскольку способствует сближению психологической теории с реалиями жизни современного человека, а выявление новых закономерностей взаимодействия в условиях его опосредования использованием цифровых технологий позволяет, помимо анализа непосредственно «цифрового» взаимодействия, увидеть новые грани взаимодействия в нецифровой реальности (как, например, способствуют переосмыслению сущности феномена Я-концепции исследования селфи [3; 11; 19] или уточнению взглядов на нравственную регуляцию поведения данные о решении моральных дилемм в цифровом пространстве [9; 10]). Отдельного внимания заслуживают вопросы возможностей теорий, сложившихся в «доцифровую» эпоху, для анализа социально-психологических явлений, возникающих в условиях использования цифровых технологий.

Определенный вклад в развитие «цифровой» проблематики в социально-психологических исследованиях, по нашему мнению, вносят статьи, опубликованные в тематическом выпуске «Цифровое общество и цифровая социализация». В ряде статей представлен теоретический и эмпирический анализ новых социально-психологических фе-

номенов: невоплощенности в интернете (Кочетков Н.В., Кудряшов Д.П. «Вовлеченность в киберсоциализацию молодежи и ее социально-демографические характеристики как предикторы невоплощенности в интернете»), фальшивой самопрезентации (Корниенко Д.С., Руднова Н.А. «Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством»), фаббинга (Нестерова А.А., Феклисова А.А. «Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой»), проблемного использования социальных сетей (Манчук В.Т., Терещенко С.Ю., Шубина М.В. «Проблемное использование социальных сетей: терминология, распространность, психосоциальные факторы риска и соматическая коморбидность»), зависимости от смартфона (Шейнов В.П., Низовских Н.А., Ермак В.О. «Зависимость от смартфона и ее связи с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян»). Другие статьи раскрывают новые закономерности взаимодействия человека с различными сторонами социальной действительности (Гоштони М. «Секс или смартфон? Анализ связи между проблемным использованием смартфона и сексуальной активностью на основе однородных и неонородных идентификаторов и алгоритмов машинного обучения»; Гутъеррес Я.П.Г., Аледиа Э.Д.Д., Геварра Д.Г., Джаса Я.Р.А., Виллануэва Д.М., Тан К.С. «Признаки разрыва отношений: мотивация и результаты обмена паролями в социальных сетях мужчинами молодого возраста с их партнершами»; Завьялова Е.К., Бордунос А.К. «Стратегический подход к оценке цифровизации систем управления человеческими ресурсами: пример российских компаний»;

Икеда Ш. «Экспериментальное исследование влияния децентрации и осознания уязвимости на восприятие человеком подростков»). В выпуск также включена статья, в которой предпринята попытка анализа феномена цифровой социализации через теории психологического благополучия (Волкова Е.Н., Сорокоумова Г.В. «Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации»).

Мы надеемся, что статьи, вошедшие в тематический выпуск «Цифровое общество

и цифровая социализация», будут интересны как специалистам, изучающим изменения процессов социального становления и функционирования личности, малых и больших групп, происходящие под влиянием распространения цифровых технологий в различных сферах жизни людей, так и читателям, которые не связаны с данной тематикой научно-исследовательскими интересами, но готовы рефлексировать свой собственный «цифровой опыт» через призму результатов социально-психологических исследований.

Литература

1. Антипина С.С. Социальный интеллект и проявление киберагрессии у подростков // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4. № 2. С. 133–144. DOI:10.33910/2686-9527-2022-4-2-133-144
2. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.
3. Павлова Н.В., Филиппова Е.В. Феномен селфи и его психологический смысл для современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1. С. 109–131. DOI:10.17759/crp.2022300107
4. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
5. Солдатова Г.У., Войсунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
6. Фейгенберг И.М. Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. 123 с.
7. Хороших В.В., Чарыкова Е.Б. Факторы вариативности виртуальной самопрезентации подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 19. С. 103–112.
8. Шнейдер Л.Б., Сыманюк В.В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 7. DOI:10.54359/ps.v10i52.392
9. Barque-Duran A., Pothos E.M., Hampton J.A., Yearsley J.M. Contemporary morality: Moral judgments in digital contexts // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 75. P. 184–193.
10. Bouhnik D., Mor D. Gender differences in the moral judgment and behavior of Israeli adolescents in the internet environment // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2014. Vol. 65(3). P. 551–559. DOI:10.1002/asi.22979
11. Diefenbach S., Christoforakos L. The Selfie Paradox: Nobody Seems to Like Them Yet Everyone Has Reasons to Take Them. An Exploration of Psychological Functions of Selfies in Self-Presentation // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. Article 7. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00007
12. Ibrahim M.S., Yusuf S., Victor S.A., Abidin M.Z.Z. Towards Understanding the Personal and Situational Factors of Cyber Aggression: A Theoretical Review // Jurnal Pengajian Media Malaysia. 2024. Vol. 26. No. 1. P. 1–15.

13. *Jang W., Bucy E.P., Cho J.* Self-esteem moderates the influence of self-presentation style on Facebook users' sense of subjective well-being // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 85. P. 190–199. DOI:10.1016/j.chb.2018.03.044
14. *Molotokienė E.* The Transformation of Narrative Identity into Digital Identity: Challenges and Perspectives // *Colloquium*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 123–133.
15. *Postmes T., Spears R.* Psychology and the Internet: Building an Integrative Social Cognitive Research Agenda // *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. 2013. Vol. 24. P. 326–332.
16. *Runions K.C.* Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation // *Journal of Youth and Adolescence*. 2013. Vol. 42. No. 5. P. 751–771. DOI:10.1007/s10964-013-9936-2
17. *Short J.A., Williams E., Christie B.* The social psychology of telecommunications. London: Wiley, 1976. 195 p.
18. *Sparrow B., Chatman L.* Social Cognition in the Internet Age: Same As It Ever Was? // *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. 2013. Vol. 24. P. 273–292.
19. *Tiggemann M., Anderberg I., Brown Z.* Uploading your best self: Selfie editing and body dissatisfaction // *Body Image*. 2020. Vol. 33. P. 175–182. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.03.002
20. *Wilmer H.H., Sherman L.E., Chein J.M.* Smartphones and Cognition: A Review of Research Exploring the Links between Mobile Technology Habits and Cognitive Functioning // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Article 605. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00605

References

1. Antipina S.S. Sotsial'nyi intellekt i proyavlenie kiberagressii u podrostkov [Social intelligence and cyber-aggression in adolescents]. *Psichologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology in Education*, 2022. Vol. 4, no. 2, pp. 133–144. DOI:10.33910/2686-9527-2022-4-2-133-144 (In Russ.).
2. McLuhan M. Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: external human extensions]. Moscow: Gyperborea Publ.; Kuchkovo pole Publ., 2007. 464 p. (In Russ.).
3. Pavlova N.V., Filippova E.V. Fenomen selfi i ego psikhologicheskii smysl dlya sovremenennogo podrostka [The selfie phenomenon and its role in the life of the modern teenager]. *Konsul'tativnaya psichologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 1, pp. 109–131. DOI:10.17759/cpp.2022300107 (In Russ.).
4. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308 (In Russ.).
5. Soldatova G.U., Voiskunsky A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontsepsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Socio-Cognitive Concept of Digital Socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind]. *Psichologiya. Zhurnal Vysshhei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).
6. Feigenberg I.M. Chelovek Dostroennyi i etika. Tsivilizatsiya kak etap razvitiya zhizni Zemli [The Completed man and ethics. Civilization as a stage in the development of the life of the Earth]. Moscow: OOO "Meditinskoe informatsionnoe agentstvo" Publ., 2011. 123 p. (In Russ.).
7. Khoroshikh V.V., Charykova E.B. Faktory variativnosti virtual'noi samoprezentatsii podrostkov [Factors of variability of virtual self-presentation of adolescents]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya = Izvestiya Irkutsk State University. Series: Psychology*, 2012. Vol. 19, pp. 103–112. (In Russ.).
8. Shneider L.B., Symanyuk V.V. Pol'zovatel' v informatsionnoi srede: tsifrovaya identichnost' segodnya [User in information environment: digital identity today]. *Psichologicheskie*

issledovaniya = *Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 52, p. 7. DOI:10.54359/ps.v10i52.392 (In Russ.).

9. Barque-Duran A., Pothos E.M., Hampton J.A., Yearsley J.M. Contemporary morality: Moral judgments in digital contexts. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 75, pp. 184–193. (In Russ.).

10. Bouhnik D., Mor D. Gender differences in the moral judgment and behavior of Israeli adolescents in the internet environment. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2014. Vol. 65(3), pp. 551–559. DOI:10.1002/asi.22979

11. Diefenbach S., Christofarakos L. The Selfie Paradox: Nobody Seems to Like Them Yet Everyone Has Reasons to Take Them. An Exploration of Psychological Functions of Selfies in Self-Presentation. *Frontiers in Psychology*, 2017. Vol. 8, article 7. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00007

12. Ibrahim M.S., Yusuf S., Victor S.A., Abidin M.Z.Z. Towards Understanding the Personal and Situational Factors of Cyber Aggression: A Theoretical Review. *Jurnal Pengajian Media Malaysia*, 2024. Vol. 26, no. 1, pp. 1–15.

13. Jang W., Bucy E.P., Cho J. Self-esteem moderates the influence of self-presentation style on Facebook users' sense of subjective well-being. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 85, pp. 190–199. DOI:10.1016/j.chb.2018.03.044

14. Molotokienė E. The Transformation of Narrative Identity into Digital Identity: Challenges and Perspectives. *Colloquium*, 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 123–133.

15. Postmes T., Spears R. Psychology and the Internet: Building an Integrative Social Cognitive Research Agenda. *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*, 2013. Vol. 24, pp. 326–332.

16. Runions K.C. Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward and recreation. *Journal of Youth and Adolescence*, 2013. Vol. 42, no. 5, pp. 751–771. DOI:10.1007/s10964-013-9936-2

17. Short J.A., Williams E., Christie B. The social psychology of telecommunications. London: Wiley, 1976. 195 p.

18. Sparrow B., Chatman L. Social Cognition in the Internet Age: Same As It Ever Was? *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*, 2013. Vol. 24, pp. 273–292.

19. Tiggemann M., Anderberg I., Brown Z. Uploading your best self: Selfie editing and body dissatisfaction. *Body Image*, 2020. Vol. 33, pp. 175–182. DOI:10.1016/j.bodyim.2020.03.002

20. Wilmer H.H., Sherman L.E., Chein J.M. Smartphones and Cognition: A Review of Research Exploring the Links between Mobile Technology Habits and Cognitive Functioning. *Frontiers in Psychology*, 2017. Vol. 8, article 605. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00605

Информация об авторах

Микляева Анастасия Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена» (ФГБОУ ВО «РГПУ им А.И. Герцена»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Information about the authors

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Получена 27.06.2024

Received 27.06.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации

Волкова Е.Н.

ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»
(ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Сорокоумова Г.В.

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова» (ФГБОУ ВО НГЛУ),
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5246-5200>, e-mail: galsors@mail.ru

Цель. На основе обобщения результатов исследований психологического благополучия личности, особенностей социализации в цифровой среде, закономерностей развития в подростковом возрасте выделить критерии оценки благополучия подростков в контексте цифровой социализации.

Контекст и актуальность. Психологическое благополучие подростка в контексте изучения процессов социализации – это системная целостность его субъективных оценок удовлетворенности актуальным уровнем жизни, развитость психологических механизмов позитивного функционирования, положительные оценки основных доменов благополучия. Включение подростка в цифровую среду часто протекает без участия и контроля со стороны родителей и педагогов, а цифровые технологии становятся новым культурным орудием социализации подростков и во многом определяют качество исходов социализации независимо от действий взрослых. В условиях определенного дефицита цифровых компетенций и невозможности использовать традиционные критерии успешности социализации поиск надежных ориентиров воспитания становится важной педагогической задачей и для родителей, и для педагогов. Благополучие и в его объективных показателях, и в его субъективных презентациях может рассматриваться в качестве ориентира в оценке исходов цифровой социализации современных подростков.

Используемая методология. Теоретический анализ проблемы благополучия подростков в контексте изучения социализации.

Основные выводы. В подростковом возрасте основной вклад в психологическое благополучие в контексте социализации в цифровой среде будет вносить удовлетворение потребности в компетентности и потребности во взаимосвязи с другими людьми. На протяжении подросткового возраста доминанты значимости личностных новообразований в становлении благополучия будут варьироваться от самостоятельности, «субъектности авторства» младших подростков, коммуникативной и цифровой компетентности средних подростков до содержательной наполненности будущего и переживания социальной успешности в цифровой среде у старших подростков. Критериями психологического благополучия подростков в контексте процессов социализации в цифровой среде будут выступать: просоциальность поведения; уровень цифровой

грамотности; количество экранного времени; ощущение счастья; оптимизм; вовлеченность в общественно-полезную деятельность; доверительные взаимоотношения с другими людьми; содержательная и целевая наполненность временной перспективы.

Ключевые слова: психологическое благополучие; благополучие подростков; цифровая социализация; критерии оценки благополучия.

Для цитаты: Волкова Е.Н., Сорокуомова Г.В. Психологические критерии благополучия современных подростков в контексте изучения цифровой социализации // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 12–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202>

Psychological Criteria of Adolescent Well-being in the Context of Digital Socialization

Elena N. Volkova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Galina V. Sorokoumova

Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5246-5200>, e-mail: galsors@mail.ru

Objective. Based on the generalization of the results of research on the psychological well-being of the individual, the characteristics of socialization in the digital environment, patterns of development in adolescence, to identify criteria for assessing the well-being of adolescents in the context of digital socialization.

Background. The psychological well-being of a teenager in the context of studying the processes of socialization is the systemic integrity of his subjective assessments of satisfaction with the current standard of living, the development of psychological mechanisms of positive functioning in adolescents, positive assessments of the main domains of well-being. The inclusion of a teenager in a digital environment often takes place without the participation and control of parents and teachers, and digital technologies are becoming a new cultural tool for the socialization of adolescents and largely determine the quality of socialization outcomes regardless of the actions of adults. In conditions of a certain shortage of digital competencies and the inability to use traditional criteria for the success of socialization, the search for reliable educational guidelines becomes an important pedagogical task for both parents and teachers. Well-being, both in its objective indicators and in its subjective representations, can be considered as a guideline in assessing the outcomes of digital socialization of modern adolescents.

Methodology. Theoretical analysis of the problem of adolescent well-being in the context of the study of socialization.

Conclusions. In adolescence, the main contribution to psychological well-being in the context of socialization in the digital environment will be to meet the need for competence and the need for interaction with other people. Throughout adolescence, the dominant importance of personal neoplasms in the formation of well-being will range from independence, "subjectivity of authorship" of younger adolescents, communicative and digital competence of middle adolescents, to the meaningful fullness of the future and the experience of social success in the digital environment of older adolescents. The criteria for the psychological well-being of adolescents in the context of socialization processes in the digital environment will be: prosocial behavior; the level of digital literacy; the amount of screen time; a sense of happiness; optimism; involvement in socially useful activities; trusting relationships with other people; meaningful and targeted fullness of the time perspective.

Keywords: *psychological well-being; adolescent well-being; digital socialization; criteria for assessing well-being.*

For citation: Volkova E.N., Sorokoumova G.V. Psychological Criteria of Adolescent Well-being in the Context of Digital Socialization. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 12–27. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150202> (In Russ.).

Введение

Благополучие и в объективно оцениваемых показателях, и в его субъективных репрезентациях в наше время выступает одним из основных показателей качества жизни современного человека. В научных публикациях приводятся доказательства связи высокого уровня благополучия и успешности человека, его самореализации и позитивного функционирования [6; 7; 8; 11; 14; 25; 30; 31].

В последние десятилетия благополучие выступает как равноправный целевой показатель качества деятельности многих производственных отраслей, в частности, сферы образования: данные международных и национальных мониторингов свидетельствуют о признании важности оценки благополучия наряду с академическими достижениями школьников, если речь идет об определении качества образования и эффективности деятельности образовательных систем [4; 5; 12; 20]. Включение показателя благополучия субъектов образовательных отношений, прежде всего учащихся, в систему оценок качества, несомненно, свидетельствует о смене парадигмы в современном образовании от состояния, в котором образование рассматривается как форма подготовки ребенка к будущей жизни, к новому пониманию сущности образовательного процесса как формы проживания ребенком его собственной жизни [16]. Внедрение в образовательный процесс цифровых технологий оказывается неотъемлемой частью жизни современного ребенка и в школе,

и за ее пределами [8]. В этом контексте интерес представляют вопросы влияния цифровых технологий на благополучие подрастающего поколения и в жизни детей в целом, и в образовательной среде в частности.

Психологические механизмы влияния цифровых технологий на развитие личности растущего человека сегодня изучены недостаточно. Интерес исследователей в значительной степени связан с изучением влияния цифровых технологий на когнитивное развитие ребенка и развитие его интеллекта в ущерб изучению личностного развития. Если речь идет о когнитивном развитии, то сегодня приоритеты в оценках связаны, скорее, с доказательством преимуществ использования цифровых технологий в развитии восприятия, памяти, мышления, других когнитивных процессов [1; 19]. Исследования, направленные на изучение влияния цифровых технологий на личностное развитие, отличаются противоположными тенденциями и раскрывают негативные эффекты этого влияния, проявляющиеся, например, в росте тревожности, эмоционального напряжения, снижении саморегуляции, сужении временной перспективы, обеднении социальных связей и качества контактов [18]. Среди этих работ исследования о связи и влиянии цифровых технологий на благополучие подрастающего поколения немногочисленны.

Особенно мало исследований, выполненных в контексте изучения социализации современных подростков.

Сложилась парадоксальная ситуация, поскольку взросление современного подростка проходит в новых социальных условиях. Во-первых, процессы социализации современного ребенка происходят в новой, совмещенной с реальной жизнью цифровой и виртуальной среде. Это не просто существующие параллельно реальное и виртуальное жизненные пространства, это новая среда обитания, реальная по своим ощущениям и переживаниям для подростка, и виртуальная по способу опосредования взаимодействия. Во-вторых, в современной жизни в силу радикальных трансформаций общественной жизни школа и семья утрачивают статус социальных институтов, определяющих направление, содержание и исходы социализации детей. Социализация современных подростков происходит под влиянием других социализационных агентов с новыми формами, условиями и механизмами воздействий. В частности, новыми социализационными агентами современных детей, подростков и молодежи многие исследователи называют интернет и социальные медиа. В силу этих причин актуальной становится задача разработки критериев или критериальных ориентиров социализации подростков в новых условиях жизни и деятельности, опосредованных влиянием цифровых технологий. Мы предположили, что эти ориентиры могут быть связаны с изучением психологического благополучия современных подростков. Целью данной статьи является обоснование содержания и описание возможной критериальной основы оценки благополучия подростков в контексте изучения социализации современных подростков. Решение этой задачи и определение психологических критериев благополучия могут способствовать оптимизации процессов воспи-

тания как в семейной, так и в образовательной среде.

Метод

Основным методом исследования выступил теоретический анализ проблемы благополучия человека. Теоретический обзор был выполнен на основе анализа публикаций результатов научных исследований с использованием поисковой системы Google Scholar (Google Академия), Научной электронной библиотеки eLIBRARY, а также в базе данных APA PsycNet.

Критериями отбора исследований для анализа выступали следующие:

- соответствие содержания понятиям «субъективное благополучие», «психологическое благополучие», «прогрессирование» и их аналогам на английском языке «subjective well-being», «psychological well-being», «flourishing»;
- соответствие содержания проблеме социализации человека, социализации подростков в частности, а также социализации с учетом использования цифровых технологий;
- применимость к изучению особенностей развития личности в подростковом возрасте;
- наличие разработанной теории, теоретической концепции;
- верификация основных теоретических моделей эмпирическими исследованиями.

Конструкт психологического благополучия подростка

Критерии и индикаторы оценки самого благополучия до сих пор являются предметом научных дискуссий. В публикациях подчеркивается разнообразие терминологического и понятийного аппарата в смысловом поле этого конструкта и многообразие способов его измере-

ния [2; 14]. В одном из недавних обзоров зарубежных исследований благополучия применительно к сфере образования также было продемонстрировано разнообразие подходов в понимании этого феномена и его измерения [23]. Говоря о благополучии человека, психологи чаще всего используют два основных конструкта — субъективное благополучие и психологическое благополучие. Первый из них — субъективное благополучие (subjective well-being, SWB) — наиболее полно представлен в концепции Э. Динера (Diener, 1984) и его последователей и раскрывает вопросы удовлетворенности человека различными сферами жизни. Благополучие понимается как переживание удовольствия и избегание неудовольствия, ощущение счастья и выступает как соотношение доминирующего аффекта (позитивного или негативного) и совокупности представлений человека о своей жизни как успешной/неуспешной. Человек, чаще испытывающий удовлетворенность своей жизнью и редко — неприятные чувства, имеет высокий уровень благополучия. Человек же, у которого доминируют отрицательные эмоции, редко испытывает чувства радости и счастья, имеет низкий уровень субъективного благополучия [27]. Этот подход имеет, на наш взгляд, некоторые ограничения для решения вопроса об изучении благополучия в контексте социализации современных подростков. Несмотря на то, что эмоциональная составляющая, несомненно, выступает надежным индикатором благополучия человека, ее значение и тем более полный приоритет являются преувеличенными. Особенно это важно, если речь идет о детском и подростковом возрасте, когда общий позитивный эмоциональный настрой может маскировать недостаток в развитии личностных ресурсов и наличие проблем.

Понятие психологического благополучия (psychological well-being, PWB) связано с идеями об условиях и критериях полноценного функционирования человека. Исследователи, работающие в этой парадигме, прежде всего К. Рифф (C. Riff et al., 1996) и М. Селигман (M. Seligman, 2011), утверждают, что переживание счастья — это не только и не столько позитивные эмоции, но и ощущение самореализации человека, его самоосуществления [31; 32]. В понятии психологического благополучия в большей степени речь идет о психологических механизмах достижения удовлетворенности жизнью, каковыми могут выступать механизмы личностного развития на каждой ступени онтогенеза. Этот подход, на наш взгляд, в большей степени отвечает задачам изучения благополучия в детском, подростковом и юношеском возрасте.

В концепции психологического благополучия К. Рифф в качестве показателей психологического благополучия выделяют самопринятие человека, его позитивные отношения с социумом, личностную компетентность как способность к управлению своим окружением, наличие жизненных целей, личностный рост и автономность как самостоятельность и независимость [31]. Основная идея концепции психологического благополучия К. Рифф состоит в том, что развитость этих личностных компонентов обеспечивает позитивное функционирование личности, а также степень самореализации человека, которые отражаются на субъективном уровне через переживание удовлетворенности и счастья (Riff, Keyes, Lee, 1995). Очевидно, что эти показатели и соответствующие им механизмы личностного развития отличаются собственной динамикой, отвечающей логике общевозрастных за-

кономерностей развития личности. Например, в подростковом возрасте особый вклад в благополучие будут вносить показатели автономности, самопринятия и личностной компетентности.

Одной из авторитетных современных концепций благополучия является теория благополучия (процветания, «flourishing»), разработанная М. Селигманом (M. Seligman, 2011), центральным компонентом которой выступает модель PERMA [32]. Модель включает в себя пять основных доменов («кирпичиков») благополучия: позитивные эмоции (Positive Emotion), вовлеченность (Engagement), взаимоотношения (Relationships), смысл (Meaning), достижения (Achievement). Позитивные эмоции — один из самых важных компонентов этой модели — выражают способность человека смотреть на свое прошлое, настоящее и будущее с оптимизмом. Вовлеченность характеризует отношение человека к выполняемой деятельности как к интересному и важному делу. Отношения человека с другими людьми и социальные связи, прочные доверительные отношения отражают коммуникативную составляющую благополучия. Под смыслом понимаются идеи, ради которых живут люди, это служение чему-то большему, чем «Я». Благодаря этим идеям люди делают свою жизнь насыщенной, они развиваются и движутся в своем развитии вперед. Достижение — это чувство выполненного долга. Наличие целей и их достижение улучшают самочувствие и позволяют, по выражению М. Селигмана, процветать [32]. Высокие значения оценок этих доменов могут свидетельствовать об успешности овладения подростком цифровыми технологиями как культурными орудиями социализации в новой среде жизни.

Однако это представление о благополучии как субъективных оценках удовлетворенности жизнью, психологических механизмах удовлетворенности и счастья, доменах благополучия оставляет открытым вопрос о динамической составляющей и мотивационной основе его развития. Ответ на этот вопрос можно найти в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана (Deci, Ryan, 1985). В этой теории психологическое благополучие связано с удовлетворением трех базовых, имманентно присущих каждому человеку потребностей — потребности в автономии как стремления чувствовать себя инициатором собственных действий, самостоятельно контролировать свою жизнь и свое поведение; потребности в компетентности как желания достичь определенных внутренних и внешних результатов и быть эффективным в какой-либо деятельности; потребности во взаимосвязи с другими людьми как потребности к установлению прочных отношений на основе чувства привязанности и принадлежности к группе. Благополучие рассматривается как результат реализации, «положительный исход» этих основных потребностей [30]. Исследований об удовлетворении потребностей у современных подростков нам обнаружить не удалось. Исходя из установленных закономерностей развития личности в подростковом возрасте, можно предположить, что особую важность для подростков будет иметь удовлетворение потребности в автономии и связанные с другими людьми. Потребность в автономии может проявляться в феноменах открытия подростком для себя новой «социальной самости». Потребность в связанныности может проявляться в направленности на доверительное общение с другим человеком, прежде всего для открытия новых сторон собственного «Я»,

в противовес тому, что в свое время было названо «зрелищным общением», в котором приоритетность отдалась внешнему по отношению к личности подростка явлению и/или зрелищному событию жизни [22]. Удовлетворение потребности в компетентности, возможно, будет связано с овладением подростком необходимыми навыками для оптимизации процессов взаимодействия в новых условиях жизни в цифровой среде.

Имеются исследования психологического благополучия и в российской науке. Российские исследователи рассматривают психологическое благополучие как устойчивое свойство личности. С.А. Водяха предлагает следующие критерии психологического благополучия: положительные эмоции, тесные взаимоотношения, вовлеченность в жизнедеятельность, осмысленность жизни и позитивную самомотивацию [5]. О.А. Идобаева считает, что для каждого возраста характерны особенности психологического благополучия, которые определяются социальной ситуацией развития, ведущей деятельностью, уровнем развития психологических новообразований возраста и индивидуально-психологическими особенностями личности [11].

Установлено, что психологическое благополучие подростков опосредовано влиянием факторов разного уровня и содержания: изучаются характер межличностных и социальных отношений [4; 24]; анализируются жизнестойкость и самоэффективность [10; 21; 34], исследуются тревожность [15], восприятие собственных жизненных перспектив [3].

Обобщая результаты этих исследований, можно предположить, что психологическое благополучие подростка в контексте изучения процессов социализации — это системная целостность

его субъективных оценок удовлетворенности актуальным уровнем жизни, развитость у подростков психологических механизмов позитивного функционирования, положительные оценки основных доменов благополучия, прежде всего оптимизма и взаимоотношений с людьми. На наш взгляд, удовлетворение психологических потребностей подростка в автономии и связанности будет оказывать решающее влияние на психологическое благополучие подростка.

В этом возрасте удовлетворение базовых потребностей будет определять социально значимые достижения подростка, опосредованные его ведущей деятельностью, которой мы полагаем общественно полезную деятельность, интерес и переживание важности дела, которые сопровождаются значительным приливом энергии.

Цифровая социализация и ее особенности

Цифровая социализация — термин в обиходе наук о человеке, не имеющий пока статуса научного понятия и утвержденной дефиниции. Общим знаменателем различных точек зрения является понимание цифровой социализации как процесса овладения и присвоения человеком социального опыта путем использования информационных цифровых технологий, приобретаемого, как правило, в интернет-среде, в социальных и медиакоммуникациях [19]. Однако это зонтичное определение не учитывает, на наш взгляд, то обстоятельство, что социальный опыт, который может освоить подросток в цифровой среде, не будет опытом предшествующих поколений. Традиционное представление о процессах социализации предполагает у взрослых наличие моделей успешной адаптации к жизни, деятельности, к сре-

де функционирования. У современных взрослых успешный опыт поведения в цифровой среде либо отсутствует, либо дефицитарен по сравнению с таковым, например, у подростков. Недостаток цифровых компетенций у взрослых является серьезным ограничением в их возможности оказывать влияние на современных подростков, а непонимание системных эффектов воздействия цифровых технологий на развитие личности снижает для взрослых возможности управления процессами социализации.

Социализация в новых условиях отличается рядом особенностей. Кроме феномена размывания границ между онлайн- и офлайн-реальностями, исследователи отмечают новые социализационные явления: формирование цифровой личности или нескольких виртуальных личностей, срашивание человека с гаджетами и цифровыми устройствами, изменение границ традиционной семейной системы благодаря цифровым коммуникациям, расширение времени воздействий образовательных институтов на жизнь подростков и молодежи за пределами образовательных учреждений и другие. Эти особенности заставляют рассматривать цифровую социализацию как новое особенное явление с иными атрибутами и критериями успешности.

Один из ярких парадоксов социализации в новых условиях проявляется в том, что она разворачивается в новой реальности. Среда жизни современного человека — это не просто пространство параллельных или пересекающихся виртуальных и реальных миров. Это совмещенная онлайн- и офлайн-реальность, новая интегральная целостность, успешность функционирования в которой различна у молодого и старшего поколения. Если взрослые имеют опыт успешного функционирования в реальной жизни и

не всегда успешны и тем более эффективны в виртуальной среде и во взаимодействии с цифровыми технологиями, то молодое поколение — подростки, младшие школьники и даже дошкольники — компетентны в цифровой среде, но неопытны в реальной жизни. Поэтому возможно, что успешность исходов социализации подростков для взрослых связана с некоторыми модальностями оценок, а для самих подростков — с другими.

Предполагается, что социализация — это процесс воспроизведения, усвоения и порождения общественно полезного, общественно значимого опыта, обеспечивающего поступательное развитие общества в соответствии с неким общественным идеалом, процесс развития просоциального поведения. Напротив, нарушения социализации связаны с асоциальным поведением: девиантностью, делинквентностью, то есть с поведением, не отвечающим общественному идеалу. Однако сегодня оценить новые социальные феномены — например, хакерство, Net-дружбу, фаббинг, компьютерную игру, — как однозначно негативные или позитивные явления невозможно. Оценки влияния этих феноменов на развитие личности подростка противоречивы [9]. Между тем сами подростки считают успешность функционирования в виртуальной среде свидетельством собственной состоятельности, а феноменологический ряд цифровой активности — отражением собственной повседневности. С этой точки зрения поиск психологических критерии благополучия подростков в контексте социализации может быть связан с оценкой просоциальности поведения, в первую очередь таких его показателей, как альтруизм — бескорыстная забота о благополучии других, подчиняющееся требованиям и целенаправленное поведение.

Изучение процессов «традиционной» социализации показало, что можно обозначить три основных функции социализационного процесса: усвоение общественного опыта, его воспроизведение в действиях и поступках и социальное творчество человека. Не умаляя значения первых двух функций социализации, следует заметить, что в условиях цифровизации современной жизни возрастает значение ее третьей — креативной функции, связанной с осознанием необходимости существования человека не просто в новых условиях, а в условиях принципиальной неопределенности, быстрых и глобальных изменений. «Становление “текущего субъекта” в условиях “текущей современности” требует разработки новых моделей социализирующих процессов, определяющих практику будущего взаимодействия человека с реальностью» [17, с. 62]. С этой точки зрения, вероятно, критерии успешных исходов социализации будут смещаться в сторону субъективных критериев, выражением которых могут выступать критерии и показатели психологического благополучия в контексте позитивного функционирования личности подростка.

Одним из влиятельных факторов для положительных исходов социализации подрастающего поколения является фактор экранного времени, включающий характеристики зрительного контакта с мониторами компьютеров, планшетов, ноутбуков, экранами телевизоров, телефонов и смартфонов. Количество экранного времени сегодня выступает объективным показателем процессов цифровой социализации детей, подростков и молодежи как параметр, фиксирующий физическое пространство жизни. Существуют доказательства того, что большое количество экранного времени связано с пагубным влиянием на раздражительность,

плохое настроение, физическое здоровье, когнитивное развитие, социальную адаптацию подростков и молодежи, их академические достижения [26; 28; 29].

В исследованиях подчеркивается, что негативные исходы социализации в новых условиях в связи с количеством экранного времени должны рассматриваться в свете недостаточного понимания подростком содержания информации или контекста использования цифровых экранов.

Результат масштабных опросов, проведенных в 19 странах Европы среди детей в возрасте от 9 до 16 лет (N=21964), показал, что развлекательная деятельность с использованием цифровых технологий, такая как просмотр видео, прослушивание музыки, общение с друзьями и семьей, взаимодействие в социальных сетях и онлайн-videоигры, составляет список ежедневных занятий детей. Различия между странами значительны, однако, например, ежедневный просмотр видео варьируется между 43% детей в возрасте от 9 до 16 лет в Словакии и 82% в Литве, а прослушивание музыки в интернете варьируется между 45% в Германии и 81% в Сербии. В большинстве стран возрастная группа, играющая в онлайн-videоигры каждый день, представлена подростками 12–14 лет. В России, согласно недавнему исследованию, проведенному Г.У. Солдатовой с коллегами, практически все опрошенные подростки сообщили о ежедневном использовании сети Интернет. В выходные дни каждый четвертый подросток 11–13 лет проводит в интернете более 5 часов, а каждый третий подросток 14–16 лет сообщает о том, что проводит в Сети по 6–8 часов. При этом в досуговой деятельности российских подростков доминируют спорт, музыка, изучение иностранных языков. Цифровые хобби представлены компьютерными играми и программированием,

ими увлекается каждый третий опрошенный подросток [19]. В этом аспекте психологические критерии благополучия подростков в контексте социализации связаны как с оценкой продолжительности экранного времени, так и с оценкой изменений когнитивного, физического, эмоционального и социального модусов развития личности подростка.

Успешность цифровой социализации опосредована психологической доступностью для человека инфокоммуникационных технологий, то есть развитием соответствующих компетенций. Поэтому цифровая грамотность [35] как совокупность технических и эксплуатационных навыков использования Сети и цифровых устройств, навыков навигации и обработки информации, навыков создания и производства контента, навыков общения и взаимодействия в Сети является важным фактором успешности социализации современного человека. Уровень развития цифровой грамотности выступает необходимым условием реализации креативной функции социализации — функции порождения нового социального опыта в цифровой среде и в реальной жизни, неразрывно связанной сегодня с этой средой. Поэтому цифровая грамотность также выступает психологическим критерием благополучия подростков в контексте их социализации.

Заключение

Качественное своеобразие подросткового возраста связано с началом включения человека во взрослую жизнь с освоением соответствующих этой жизни норм и правил. В традиционном подходе к социализации модели, которые представляют подростку ближайшее окружение и в целом общество, являются для подростка ориентиром в освоении общественных норм и ценностей. Поскольку

никакого места, кроме детского, в системе отношений со взрослыми (с родителями, педагогами) подросток занять не может, он ищет новые формы самоопределения в тех сообществах, где его ролевая определенность и статус еще не установлены. Цифровая среда представляет собой широкое поле возможностей такого рода. Для современных подростков характерен приоритет социализации именно в цифровой среде, прежде всего в силу ролевой и статусной неопределенности этой среды. Здесь-то и складывается новая социальная ситуация развития, здесь осваивается новая совокупность норм, на основе которых строятся социальные взаимоотношения. И в цифровой среде, и в новых условиях жизни общение по-прежнему является ведущей деятельностью подростка и направлено на активное самопознание и самоопределение [22]. Однако ресурсы и способы обеспечения этих процессов изменились, будучи в значительной мере опосредованными цифровыми технологиями познания и взаимодействия.

Социализация в цифровой среде для подростка — это социализация, основанная на независимости и самовыражении, которая более всего напоминает самоактуализацию и воплощение субъектности [12]. В силу этих причин развитие у современного подростка психологических механизмов достижения благополучия — оптимизма, уверенности в своей компетентности, способности ставить и достигать цели, так же как и понимание смысла происходящего, способность строить доверительные отношения с людьми могут довольно точно отражать успешность его социализации. Обобщая результаты исследований психологического благополучия личности, особенностей социализации в цифровой среде, закономерностей развития в

подростковом возрасте, можно сделать следующие выводы о критериальной основе оценки благополучия подростков в контексте цифровой социализации. Мы полагаем, что наряду с традиционными критериями просоциальности поведения и критериями, раскрывающими психологическое благополучие подростков в

контексте позитивного функционирования, важными будут критерии, отражающие благополучие и успешность функционирования именно в цифровой среде, такие как уровень цифровой грамотности и количество экранного времени как показатель наполненности и распределения времени жизни подростка.

Литература

1. *Алехин А.Н., Пульцина К.И.* Влияние информационных технологий на когнитивное развитие детей: обзор современных исследований [Электронный ресурс] // Психология человека в образовании. 2020. № 4. DOI:10.33910/2686-9527-2020-2-4-366-371
2. *Антонова Н.А., Ерицян К.Ю., Цветкова Л.А.* Субъективное благополучие подростков и молодежи: концептуализация и измерение // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 187. С. 69–78.
3. *Арчакова Т.О., Веракса А.Н., Зотова О.Ю., Перелыгина Е.Б.* Субъективное благополучие у детей: инструменты измерения и возрастная динамика // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 6. С. 68–76. DOI:10.17759/pse.2017220606
4. *Ахрямкина Т.А., Чаус И.Н.* Психологическое благополучие учащихся в образовательной среде: монография. Самара: СФ ГБОУ ВПО МГПУ, 2012. 104 с.
5. *Водяха С.А.* Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 70–74.
6. *Галашева О.С., Головей Л.А.* Психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью в связи с социально-психологической адаптацией подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN323.pdf>
7. *Головей Л.А., Данилова М.В.* Структура субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте // Известия Саратовского университета. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2019. Том 8. № 1(29). С. 38–45. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-1-38-45
8. *Данилова М.В., Рыкман Л.В.* Психоэмоциональное благополучие и особенности саморазвития подростков с разным семейным статусом // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 5. С. 40–50. DOI:10.17759/pse.2018230505
9. *Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Бабына Д.А.* Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиа исследованиях «цифровой молодежи» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 4. DOI:1030547/vestnikjourn.4.2022.4778
10. *Ерзин А.И., Епанчинцева Г.А.* Самоэффективность, проактивность и жизнестойкость в обучении (влияние на академические интересы и достижения студентов) // Современное образование. 2016. № 2. С. 65–83. DOI:10.7256/2409-8736.2016.2.15968
11. *Идобаева О.А.* Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М.: МГЛУ, 2013. 52 с.
12. *Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н.* Факторы психологического благополучия российской молодежи // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 4. С. 24–35. DOI:10.17759/pse.2022270403
13. *Каменская В.Г., Томанов Л.В.* Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 139–159. DOI:10.17759/exppsy.2022150109

14. Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г. Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2018. Т. 26. С. 77–88. DOI:10.26516/2304-1226.2018.26.77

15. Подольский А.И., Карабанова О.А., Идобраева О.А., Хейманс П. Психоэмоциональное благополучие современных подростков: опыт международного исследования // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 9–20.

16. Поливанова К.Н. Новый образовательный дискурс: благополучие школьников // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 26–34. DOI:10.17759/chp.2020160403

17. Сапогова Е.Е. «Текущий субъект» в «текущей современности»: проблемы социализации в условиях неопределенности // Проблемы современного образования. 2023. № 1. С. 54–66. DOI:10.31862/2218-8711-2023-1-54-66

18. Семенова Н.Б. Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2022. № 1. С. 22–32.

19. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарыкова С.В. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие: коллективная монография. М.: Изд-во Акрополь, 2022. 356 с. ISBN 978-5-98807-102-0.

20. Струкова А.С., Поливанова К.Н. Благополучие в образовании: современные теории благополучия, исторический контекст и эмпирические исследования // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 3. С. 137–148. DOI:10.17759/jmfp.2023120313

21. Титова О.И., Холодцева Е.Л. Жизнестойкость как фактор социально-психологической адаптации одаренных школьников // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Том 2. № 4(8). С. 43–70.

22. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста. М.: ЮРАЙТ, 2016. 406 с.

23. Шаминов Р.М., Бескова Т.В. Методика диагностики субъективного благополучия личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 8. DOI:10.54359/ps.v11i60.277

24. Azizan N.H.B., Mahmud Z.B. A systematic review on determinants of subjective well-being // Environment – Behaviour Proceedings Journal. 2018. Vol. 3. P. 1–9. DOI:10.21834/e-bp.v3i7.1228

25. Bradburn N.M. The measurement of psychological well-being // Health Goals and Health Indicators: Policy, Planning, and Evaluation. 2019. P. 84–94. DOI:10.4324/9780429050886-6

26. Canadian Paediatric Society DHTFOO. Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world // Paediatr Child Health. 2017. Vol. 22. No. 8. P. 461–468.

27. Diener E., Kjell O.N.E. Abbreviated Three-Item Versions of the Satisfaction with Life Scale and the Harmony in Life Scale Yield as Strong Psychometric Properties as the Original Scales // Journal of Personality Assessment. 2021. Vol. 103(2). P. 183–194. DOI:10.1080/00223891.2020.1737093

28. Domingues-Montanari S. Clinical and psychological effects of excessive screen time on children // J Paediatr Child Health. 2017. Vol. 53(4). P. 333–338. DOI:10.1111/jpc.13462

29. Marsh S., Ni Mhurchu C., Maddison R. The non-advertising effects of screen-based sedentary activities on acute eating behaviours in children, adolescents, and young adults. A systematic review // Appetite. 2013. No. 71. P. 259–273. DOI:10.1016/j.appet.2013.08.017

30. Ryan R. Self-determination theory in schools of education: Can an empirically supported framework also be critical and liberating? [Электронный ресурс] // Theory and Research in Education. 2009. Vol. 7(2). P. 263–272. DOI:10.1177/1477878509104331

31. Ryff C. Psychological Well-Being // Encyclopedia of Gerontology. 1996. Vol. 2. P. 365–369.

32. Seligman M. PERMA and the building blocks of wellbeing // The Journal of Positive Psychology. 2018. Vol. 13(4). P. 333–335. DOI:10.1080/17439760.2018.143746634
33. Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O., Suchkov D.D., Sychev O.A. Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum [Электронный ресурс] // Personality and Social Psychology Bulletin. 2017. Vol. 43(9). P. 1215–1238. DOI:10.1177/0146167217711915
34. Singh B., Udainiya R. Self-Efficacy and Well-Being of Adolescents // Journal of the Indian Academy of Applied Psychology. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 227–232.
35. Vissenberg J., d'Haenens L., Livingstone S. Digital literacy and online resilience as facilitators of young people's wellbeing? A systematic review // European Psychologist. 2022. Vol. 27(2). P. 76–85. DOI:10.1027/1016-9040/a000478

References

1. Alekhin A.N., Pul'tsina K.I. Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na kognitivnoe razvitiye detei: obzor sovremennoykh issledovanii [Elektronnyi resurs] [The influence of information technologies on the cognitive development of children: a review of modern research]. *Psichologiya cheloveka v obrazovanii = Human psychology in education*, 2020, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-kognitivnoe-razvitiye-detey-obzor-sovremennoykh-issledovanii> (Accessed 27.03.2024). (In Russ.).
2. Antonova N.A., Eritsyan K.Yu., Tsvetkova L.A. Sub"ektivnoe blagopoluchie podrostkov i molodezhi: kontseptualizatsiya i izmerenie [Subjective well-being of adolescents and youth: conceptualization and measurement]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 2018, no. 187, pp. 69–78. (In Russ.).
3. Archakova T.O., Veraksa A.N., Zotova O.Yu., Perelygina E.B. Sub"ektivnoe blagopoluchie u detei: instrumenty izmereniya i vozrastnaya dinamika [Subjective well-being in children: measurement tools and age dynamics]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and Education*, 2017. Vol. 22, no. 6, pp. 68–76. DOI:10.17759/pse.2017220606 (In Russ.).
4. Akhryamkina T.A., Chaus I.N. Psikhologicheskoe blagopoluchie uchashchikhsya v obrazovatel'noi srede: monografiya [Psychological well-being of students in the educational environment: Monograph]. Samara: SF GOU VPO MGPU, 2012. 104 p. (In Russ.).
5. Vodyakha S.A. Prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya studentov [Predictors of psychological well-being of students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*, 2013, no. 1, pp. 70–74. (In Russ.).
6. Galasheva O.S., Golovei L.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie i udovletvorennost' zhizn'yu v svyazi s sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsiei podrostkov [Psychological well-being and life satisfaction in connection with the socio-psychological adaptation of adolescents]. *Mir nauki. Pedagogika i psichologiya = The world of science. Pedagogy and psychology*, 2023. Vol. 11, no. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN323.pdf> (In Russ.).
7. Golovei L.A., Danilova M.V. Struktura sub"ektivnogo blagopoluchiya i udovletvorennosti zhizn'yu v podrostkovom vozraste [The structure of subjective well-being and life satisfaction in adolescence]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psichologiya razvitiya = Izvestiya Saratov University Series Acmeology of education. Developmental psychology*, 2019. Vol. 8, no. 1(29), pp. 38–45. DOI:10.18500/2304-9790-2019-8-1-38-45 (In Russ.).
8. Danilova M.V., Rykman L.V. Psikhoemotsional'noe blagopoluchie i osobennosti samorazvitiya podrostkov s raznym semeinym statusom [Psychoemotional well-being and features of self-development of adolescents with different family status]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2018. Vol. 23, no. 5, pp. 40–50. DOI:10.17759/pse.2018230505 (In Russ.).
9. Dunas D.V., Salikhova E.A., Tolokonnikova A.V., Babyna D.A. Ustanovlenie povestki dnya i effekt freimingu: o neobkhodimosti kontseptual'nogo edinstva v media issledovaniyakh «tsifrovii

molodezhi» [Setting the agenda and the framing effect: on the necessity of conceptual unity in media studies of “digital youth”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika = Bulletin of the Moscow University. Episode 10. Journalism*, 2022, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-povestki-dnya-i-effekt-freyminga-o-neobhodimosti-kontseptualnogo-edinstva-v-mediaissledovaniyah-tsifrovoy-molodezhi> (Accessed 30.03.2024). (In Russ.).

10. Erzin A.I., Epanchintseva G.A. Camoeffektivnost', proaktivnost' i zhiznestoikost' v obuchenii (vliyanie na akademicheskie interesy i dostizheniya studentov) [Self-efficacy, productivity and resilience in learning (influence on academic interests and achievements of students)]. *Sovremennoe obrazovanie = Modern education*, 2016, no. 2, pp. 65–83. DOI:10.7256/2409-8736.2016.2.15968 (In Russ.).

11. Idobaeva O.A. Psikhologo-pedagogicheskaya model' formirovaniya psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti: avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk [Psychological and pedagogical model of formation of psychological well-being of a personality. Dr. Sci. (Psychology) diss]. Moscow: MGLU, 2013. 52 p. (In Russ.).

12. Isaeva O.M., Akimova A.Yu., Volkova E.N. Faktory psikhologicheskogo blagopoluchiya rossiiskoi molodezhi [Factors of psychological well-being of Russian youth]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2022. Vol. 27, no. 4, pp. 24–35. (In Russ.).

13. Kamenskaya V.G., Tomanov L.V. Tsifrovye tekhnologii i ikh vliyanie na sotsial'nye i psikhologicheskie kharakteristiki detei i podrostkov [Digital technologies and their influence on the social and psychological characteristics of children and adolescents]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2022. Vol. 15, no. 1, pp. 139–159. (In Russ.).

14. Laktionova E.B., Matyushina M.G. Teoreticheskii analiz podkhodov k issledovaniyu problemy pozitivnogo funktsionirovaniya lichnosti: schast'e, psikhologicheskoe blagopoluchie, sub'ektivnoe blagopoluchie [Theoretical analysis of approaches to the study of the problem of positive personality functioning: happiness, psychological well-being, subjective well-being]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psichologiya = Izvestiya Irkutsk State University. Psychology series*, 2018. Vol. 26, pp. 77–88. (In Russ.).

15. Podol'skii A.I., Karabanova O.A., Idobaeva O.A., Kheimans P. Psikhoemotsional'noe blagopoluchie sovremennoykh podrostkov: opyt mezhdunarodnogo issledovaniya [Psychoemotional well-being of modern adolescents: the experience of international research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psichologiya = Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology*, 2011, no. 2, pp. 9–20.

16. Polivanova K.N. Novyi obrazovatel'nyi diskurs: blagopoluchie shkol'nikov [A new educational discourse: the well-being of schoolchildren]. *Kul'turno-istoricheskaya psichologiya = Cultural and historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 26–34. (In Russ.).

17. Sapogova E.E. «Tekuchii sub'ekt» v «tekuchei sovremennosti»: problemy sotsializatsii v usloviyakh neopredelennosti [“Fluid subject” in “fluid modernity”: problems of socialization in conditions of uncertainty]. *Problemy sovremennoego obrazovaniya = Problems of modern education*, 2023, no. 1, pp. 54–66. (In Russ.).

18. Semenova N.B. Sovremennye predstavleniya o roli sotsial'nykh faktorov v razvitiu internet-zavisimogo povedeniya u detei i podrostkov (po materialam zarubezhnykh issledovanii) [Modern ideas about the role of social factors in the development of Internet-dependent behavior in children and adolescents (based on foreign research materials)]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2022, no. 1, pp. 22–32. (In Russ.).

19. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E., Teslavskaya O.I., Chigarkova S.V. Rozhdennye tsifrovymi: semeinyi kontekst i kognitivnoe razvitiye: kollektivnaya monografiya [Born digital: family context and cognitive development]. A collective monograph. Moscow: Publishing House Acropolis, 2022. 356 p. ISBN 978-5-98807-102-0. (In Russ.).

20. Strukova A.S., Polivanova K.N. Blagopoluchie v obrazovanii: sovremennye teorii blagopoluchiya, istoricheskii kontekst i empiricheskie issledovaniya [Well-being in education: modern theories of

well-being, historical context and empirical research]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 137–148. (In Russ.).

21. Titova O.I., Kholodtseva E.L. *Zhiznestoikost' kak faktor sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii odarennyykh shkol'nikov* [Zhiznestoikost' kak faktor sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii odarennyykh shkol'nikov]. *Institut psichologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2017. Vol. 2, no. 4(48), pp. 433–470.

22. Tolstykh N.N., Prikhozhan A.M. *Psikhologiya podrostkovogo vozrasta* [Psychology of adolescence]. Moscow: YURAYT, 2016. 406 p. (In Russ.).

23. Shamionov R.M., Beskova T.V. *Metodika diagnostiki sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Elektronnyi resurs]* [Methods of diagnosis of subjective well-being of a person]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2018. Vol. 11, no. 60, p. 8. DOI:10.54359/ps.v11i60.277 (In Russ.).

24. Azizan N.H.B., Mahmud Z.B. A systematic review on determinants of subjective well-being. *Environment – Behaviour Proceedings Journal*, 2018. Vol. 3, pp. 1–9. DOI:10.21834/e-bpj.v3i7.1228

25. Bradburn N.M. The measurement of psychological well-being. *Health Goals and Health Indicators: Policy, Planning, and Evaluation*, 2019, pp. 84–94. DOI:10.4324/9780429050886-6

26. Canadian Paediatric Society DHTFOO. Screen time and young children: Promoting health and development in a digital world. *Paediatr Child Health*, 2017. Vol. 22, no. 8, pp. 461–468.

27. Diener E., Kjell O.N.E. Abbreviated Three-Item Versions of the Satisfaction with Life Scale and the Harmony in Life Scale Yield as Strong Psychometric Properties as the Original Scales. *Journal of Personality Assessment*, 2021. Vol. 103(2), pp. 183–194. DOI:10.1080/00223891.2020.1737093

28. Domingues-Montanari S. Clinical and psychological effects of excessive screen time on children. *J Paediatr Child Health*, 2017. Vol. 53(4), pp. 333–338. DOI:10.1111/jpc.13462

29. Marsh S., Ni Mhurchu C., Maddison R. The non-advertising effects of screen-based sedentary activities on acute eating behaviours in children, adolescents, and young adults. A systematic review. *Appetite*, 2013, no. 71, pp. 259–273. DOI:10.1016/j.appet.2013.08.017

30. Ryan R. Self-determination theory in schools of education [Elektronnyi resurs]. *Theory and Research in Education*, 2009. Vol. 7(2), pp. 263–272. DOI:10.1177/1477878509104331

31. Ryff C. Psychological Well-Being. *Encyclopedia of Gerontology*, 1996. Vol. 2, pp. 365–369.

32. Seligman M. PERMA and the building blocks of wellbeing. *The Journal of Positive Psychology*, 2018. Vol. 13(4), pp. 333–335. DOI:10.1080/17439760.2018.143746634

33. Sheldon K.M., Osin E.N., Gordeeva T.O., Suchkov D.D., Sychev O.A. Evaluating the dimensionality of self-determination theory's relative autonomy continuum [Электронный ресурс]. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2017. Vol. 43(9), pp. 1215–1238. DOI:10.1177/0146167217711915

34. Singh B., Udainiya R. Self-Efficacy and Well-Being of Adolescents. *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*, 2009. Vol. 35, no. 2, pp. 227–232.

35. Vissenberg J., d'Haenens L., Livingstone S. Digital literacy and online resilience as facilitators of young people's wellbeing? A systematic review. *European Psychologist*, 2022. Vol. 27(2), pp. 76–85. DOI:10.1027/1016-9040/a000478

Информация об авторах

Волкова Елена Николаевна, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Сорокуомова Галина Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» (ФГБОУ ВО НГЛУ), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5246-5200>, e-mail: galsors@mail.ru

Information about the authors

Elena N. Volkova, Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9667-4752>, e-mail: envolkova@yandex.ru

Galina V. Sorokoumova, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages, Pedagogy and Psychology of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5246-5200>, e-mail: galsors@mail.ru

Получена 08.04.2024

Received 08.04.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Проблемное использование социальных сетей: терминология, распространность, психосоциальные факторы риска и соматическая коморбидность

Манчук В.Т.

Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8374-7385>, e-mail: man417@rambler.ru

Терещенко С.Ю.

Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Шубина М.В.

Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6724-1058>, e-mail: marg-shubina@mail.ru

Цель. Проанализировать проблемы, связанные с терминологией и диагностикой проблемного использования социальных сетей (*Problematic social media use – PSMU*) у подростков, обобщить данные о его распространенности, психосоциальной и соматической коморбидности.

Контекст и актуальность. Последние десятилетия характеризуются стремительным внедрением интернета в повседневную жизнь. Бесконтрольное использование социальных сетей, приводящее к негативным последствиям, рассматривается как *PSMU*. Согласно современной биopsихосоциальной модели, в основе его формирования лежит взаимодействие биологических, психологических и социальных факторов. Среди негативных последствий *PSMU*, по данным как отечественных, так и зарубежных исследователей, определяется широкий круг психосоциальных и психосоматических проблем.

Основные выводы. Обзор литературы показывает, что *PSMU* затрагивает значительную часть популяции (7–26% – в зависимости от методики измерения и географически-культуральных факторов) с превалированием в коллектиivistских обществах и у представителей женского пола. Для диагностики данной патологии Европейская исследовательская группа “European network for problematic usage of the Internet” предлагает использовать опросник *Social Media Disorder Scale (SMDS)*, который показал высокую валидность и надежность. В качестве факторов риска *PSMU* рассматриваются такие личностные характеристики, как нарциссизм, нейротизм, импульсивность, низкий уровень самоконтроля, низкая самооценка, боязнь пропустить важное. Установлена коморбидность *PSMU* с тревожно-депрессивными расстройствами, синдромом дефицита внимания с гиперактивностью, обсессивно-компульсивным расстройством.

ством, социальной фобией, агрессивным поведением, чувством одиночества и суицидальными идеями. Показана ассоциация PSMU с расстройствами сна и соматическими жалобами (хроническими болевыми синдромами, снижением иммунитета). Тем не менее в настоящий момент большинство исследований сосредоточено на генерализованной интернет-зависимости (без учета потребляемого контента). Кроме того, недостаточно данных о психосоматической коморбидности PSMU, особенно у подростков, что указывает на высокую актуальность подобных исследований.

Ключевые слова: проблемное использование социальных сетей; интернет-зависимость; шкала проблемного использования социальных сетей; самооценка; боязнь пропустить важное; уровень самоконтроля; импульсивность; тревожно-депрессивные расстройства; психосоматика.

Финансирование. Работа выполнена в рамках темы государственного задания ЕГИСУ № 124020100064-6.

Для цитаты: Манчук В.Т., Терещенко С.Ю., Шубина М.В. Проблемное использование социальных сетей: терминология, распространенность, психосоциальные факторы риска и соматическая коморбидность // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150203>

Problematic Social Media Use: Terminology, Prevalence, Psychosocial and Somatic Comorbidity

Valerii T. Manchuk

Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8374-7385>, e-mail: man417@rambler.ru

Sergei Yu. Tereshchenko

Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Margarita V. Shubina

Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6724-1058>, e-mail: marg-shubina@mail.ru

Objective. *The research is aimed at analyzing of the problems associated with the terminology and diagnosis of problematic social media use (PSMU) in adolescents, and summarizing data on its prevalence, psychosocial and somatic comorbidity.*

Background. *The last decades are characterized by the rapid introduction of the Internet into everyday life. Uncontrolled use of social media leading to negative consequences is considered PSMU. According to the modern biopsychosocial model, its formation is based on a combination of biological, psychological and social factors. Among the negative consequences of PSMU, according to data from both domestic and foreign researchers, a wide range of psychosocial and psychosomatic problems are identified.*

Conclusions. *A literature review shows that PSMU affects a significant proportion of the population (7–26% – depending on measurement methodology and geographical and cultural factors) with a predominance in collectivist societies and in females. To diagnose this pathology, the European research*

group “European network for problematic usage of the Internet” suggests using the Social Media Disorders Scale (SMDS) questionnaire, which has shown high validity and reliability. Personal characteristics such as narcissism, neuroticism, impulsivity, low self-control, low self-esteem, and fear of missing out are considered risk factors for PSMU. Comorbidity of PSMU with anxiety-depressive disorders, attention deficit hyperactivity disorder, obsessive-compulsive disorder, social phobia, aggressive behavior, loneliness and suicidal ideation has been established. The association of PSMU with sleep disorders and somatic complaints (chronic pain syndromes, decreased immunity) has been shown. However, most studies have been conducted abroad and focus on generalized Internet addiction (excluding content consumed). In addition, there is insufficient data on the psychosomatic comorbidity of PSMU, especially in adolescents, which indicates the high relevance of such studies.

Keywords: problematic use of social networks; Internet addiction; Social Media Disorder Scale (SMDS); self-esteem; fear of missing out; self-control level; impulsivity; anxiety and depressive disorders; psychosomatics.

Funding. The work was performed within the framework of the Topic of the state task of the Unified State Accounting Information System No. 124020100064-6.

For citation: Manchuk V.T., Tereshchenko S.Yu., Shubina M.V. Problematic Social Media Use: Terminology, Prevalence, Psychosocial and Somatic Comorbidity. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150203> (In Russ.).

Введение

За последние два десятилетия наблюдается быстрый рост использования интернета, особенно среди подростков и молодых взрослых [7]. Широкое распространение технологий интернета в повседневной жизни несет в себе множество преимуществ: быстрый доступ к огромным массивам информации и разнообразным сервисам, быстрое распространение новостей в глобальном масштабе, внедрение интернет-технологий, связанных со здоровьем и т.д. Однако у некоторых пользователей интернета возникает проблема зависимости от интернета или «проблемного/компульсивного использования интернета», что приводит к потере контроля над временем интернет-активности и возникновению различных психосоциальных и психосоматических проблем [38]. В период эпидемии COVID-19 усилилась озабоченность психологов, педагогов и медицинских работников влиянием проблемного использования интернета

на социальное и общественное здоровье, так как людям чаще приходилось использовать интернет, и те, кто изначально был подвержен зависимости, проявляли еще больше признаков патологического поведения при использовании Сети [18]. Эта тенденция особенно затронула первые поколения, выросшие в мире интернета и гаджетов – подростков и молодых взрослых [48].

Терминология

Возникший в 90-х годах феномен интернет-зависимости (ИЗ) [63] до сих пор провоцирует многочисленные дебаты в научном сообществе в отношении его клинических и социальных аспектов. С точки зрения классической психологии и психиатрии онлайн-зависимость представляет собой относительно новый вид поведенческой зависимости, не связанный с химическими веществами и пока не имеющий общепринятого формального определения. В литературе можно встретить различные термины

для обозначения этого явления, такие как «проблемное использование интерактивных средств массовой информации» [51], «проблемное использование интернета», «патологическое использование интернета», «компульсивное использование интернета» и «интернет-зависимость». В недавнем обзоре эксперты Европейской исследовательской группы рекомендуют использовать термин «проблемное использование интернета» (Problematic Internet Use, PIU) как наиболее подходящий в настоящее время [18].

Все эти термины относятся к генерализованному PIU (PIUgen) без привязки к конкретным контенту и технологии. На данный момент выделяют пять основных специфических видов онлайн-активности, которые могут быть потенциально аддиктивными: проблемное использование видеоигр (PUGame), проблемное использование социальных сетей (problematic social media use, PSMU), проблемное использование порнографии в интернете, азартные игры в интернете и навязчивый поиск и серфинг в интернете [36].

Среди различных форм аддиктивного поведения только PUGame признано официально как ментальное расстройство (*Internet Gaming Disorder*, DSM-5; American Psychiatric Association, 2013; *Gaming Disorder*, ICD-11, 2019). Однако в последнее время также выделяют другие специфические формы PIU, такие как азартные игры, онлайн-покупки, потоковое вещание, киберхондрия, кибербуллинг и цифровое накопительство [18].

Данные об определении и критериях диагностики PSMU недавно были суммированы соавтором настоящего обзора, профессором С.Ю. Терещенко в его англоязычной статье “Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review” [56]. Ниже мы при-

водим русскоязычную адаптацию этих ключевых положений:

«PSMU представляет собой поведенческую зависимость, специфичную форму PIU, которая проявляется в избыточном, проблемном использовании социальных сетей. Это явление характерно в первую очередь для современных подростков и молодых взрослых, которые выросли в эпоху цифровизации общества. Европейская исследовательская группа «European network for problematic usage of the Internet» предлагает следующее определение [18].

PSMU – персистирующее состояние потери контроля при использовании социальных сетей, проявляющееся:

- Нарушением контроля над взаимодействием с социальными сайтами в плане времени, частоты, продолжительности использования;
- Преобладанием времени, проведенного в социальных сетях, над другими жизненными интересами и занятиями;
- Негативными последствиями – значительным дистрессом или ухудшением в личных, семейных, социальных, образовательных, профессиональных видах деятельности или других важных сферах функционирования;
- Продолжением или усилением использования социальных сетей, несмотря на негативные последствия, такие как плохая успеваемость в школе, негативное влияние на здоровье, социальная изоляция, межличностные конфликты, пренебрежение своими обязанностями;
- Длительностью – использование социальных сетей может быть непрерывным или эпизодическим и повторяющимся, но проявляется в течение длительного периода (не менее 12 месяцев).

Хотя формальные критерии диагностики PSMU в настоящее время не установлены, существующие методы ва-

лидации с использованием опросников основаны на классических симптомах аддикций [46]. В настоящее время существует общее согласие относительно диагностических критериев, которые позволяют четко разграничить патологическую составляющую зависимости от адаптивного использования интернета подростками: клинический диагноз PSMU, а также PIUgen должны включать шесть явных признаков [36]:

- Значимость: рост значимости социальной сети для подростка в его системе интересов и ценностей; использование социальной сети приводит к позитивному изменению эмоционального состояния;
- Компульсивность и потеря контроля: навязчивое (компульсивное) стремление к использованию социальной сети, потеря контроля времени, чрезмерное использование социальной сети (особенно при одновременном сокращении выделяемого времени для других видов деятельности);
- Толерантность: необходимость тратить все больше времени на общение в социальной сети, в том числе для купирования эпизодов дисфории;
- Симптомы отмены: изменение настроения (абstinенция) при отсутствии доступа в социальную сеть (депрессия, тревога, агрессивность);
- Конфликт, негативные последствия: потеря предыдущих интересов и развлечений в результате чрезмерного пребывания в социальной сети; потеря образовательных, культурных, спортивных и других возможностей в результате чрезмерного использования социальной сети; споры и ложь в отношении использования социальной сети; продолжение использования социальных сетей, несмотря на негативные последствия;
- Обострения: быстрый возврат к использованию сети после абstinенции,

безуспешные самостоятельные попытки контролировать использование социальной сети (рецидивы)» [56, с. 163].

Современные исследования в области патологической интернет-активности направлены на изучение не только и не столько PIUgen, но в первую очередь ее специфических видов, таких как PUgame и PSMU [52]. Новый подход предлагает анализ выборок с использованием инструментов для одновременной оценки PIUgen, PUgame и PSMU [50]. До недавнего времени было проведено всего два исследования с одновременным анализом PIUgen, PUgame и PSMU у взрослых [34; 37], в то время как подростковые популяции в таких исследованиях не были изучены. В 2022 году нами были получены данные, указывающие на существование двух возможных паттернов психосоциальных проблем интернет-зависимых подростков: один характерен для PIUgen и PSMU, а другой, значительно отличающийся по психосоциальному паттерну, — исключительно для PUgame [26]. Эти результаты подтверждают идею о необходимости отказа от термина «генерализованная ИЗ» как отдельного психологического конструкта [52; 59]. Наши данные подтверждают, что концепция генерализованной ИЗ мало оправдана, и термин «ИЗ» в этой связи может быть неправильно использован и интерпретирован.

Распространенность

Последние суммированные данные показывают, что средняя распространенность PSMU среди подростков 29 европейских стран составляет 7,4% [17]. В недавнем систематическом обзоре С. Ченг и др. (C. Cheng et al.) [42] показана высокая этногеографическая гетерогенность распространенности PSMU в пределах 5–26%: основными модифицирующими факторами были метод классификации

зависимости (монотетическая/политическая модели и значение порогового уровня) и географически-культуральные факторы. Наибольшие уровни распространенности PSMU регистрируются в коллективистских обществах в странах Азии и Африки [42]. Данные распространенности, полученные авторами опросника Social Media Disorder Scale (SMDS), составили для голландской подростковой когорты 7,3–11,6% [61]. В других работах с использованием SMDS получены схожие результаты: в голландской выборке в лонгитюдном исследовании – 9,9–10,0% [58], в репрезентативной выборке 3408 финских подростков – 9,4% [44]. Недавний кросс-национальный анализ психометрических характеристик опросника SMDS у подростков 44 стран показал высокие уровни его валидности и надежности [21]. Отечественными авторами В.П. Шейновым и А.С. Девицким также был разработан надежный и валидный опросник для определения PSMU на основе предложенной ими трехфакторной модели, включающей «психологическое состояние», «коммуникацию» и «получение информации», который положительно коррелирует с тревожностью, депрессией, одиночеством, экстраверсией, женским полом и отрицательно связан с самооценкой, удовлетворенностью жизнью и возрастом [12].

В 2022 году нами было показано, что распространенность PSMU, оцененная на основе результатов опросника SMDS, составила 8,0% [26], что мало отличается от цифр распространенности, характерных для большинства европейских и восточноазиатских стран [17].

В нашей выборке девочки значительно чаще соответствовали критериям наличия PSMU, что подтверждается и другими отечественными исследователями [10; 13; 15]. В то же время в уже упомянутых исследованиях голландских подростков

не было выявлено зависимости распределенности PSMU от пола [58; 61]. Однако данные целого ряда исследований корреспондируют с нашими данными: превалирование PSMU у девочек также было выявлено у немецких [62], венгерских [47], финских [44], южнокорейских [32] подростков, а также среди испанских учащихся 17–25 лет [25]. Интересно, что гендерные различия в потребляемом контенте сохраняются и во взрослом возрасте: обследование 23533 взрослых в Норвегии показало связь PUgame с мужским полом, а PSMU – с женским [59]. Преобладание женского пола среди лиц с PSMU исследователи объясняют тем, что решающую роль в его формировании играет «психологическое состояние» пользователя Сети, причем его роль более значима у девушек, по сравнению с юношами [13]. Кроме того, в русскоязычном социуме отмечено значительное влияние пола на связи PSMU с такими психосоциальными характеристиками, как уверенность в себе, эмоциональный интеллект и стиль поведения в конфликтных ситуациях [11; 14].

Психологические особенности личности, предрасполагающие к формированию PSMU

Современная биопсихосоциальная модель формирования поведенческих зависимостей, постулирующая участие большого количества биологических, психологических и социальных факторов в формировании аддиктивного поведения, вполне может быть применима к PSMU [1; 8; 36; 56]. Большой вклад в понимание психологических основ формирования интернет-зависимого поведения привнесли труды отечественных психологов В.Л. Малыгина, В.П. Шейнова, Г.У. Солдатовой, И.В. Абакумова, Ю.Д. Бабаева, Е.П. Белинской, А.Е. Вой-

скунского, А.Е. Жичкина, Д.В. Иванова, Д.И. Кутюгина, В.Л. Силаева, О.Г. Филатова, Д.В. Зотовой, В.А. Розанова и др. [2; 5; 7; 10–14] (подробный анализ вклада отечественной психологии приведен в обзоре Н.В. Кочеткова [3]).

Для индивидов с аддиктивным онлайн-поведением был установлен определенный личностный профиль, основанный на 5-факторной модели личности, включающий высокие показатели по шкалам нейротизма (эмоциональной нестабильности, беспокойства, раздражительности) и экстраверсии (активности, направленной во внешний мир) и низкие показатели по шкалам сознательности/добросовестности (самоконтроля), согласия/доброжелательности (социальной ответственности), открытости опыта (оригинальности) [1; 10].

Предполагается, что корневые характеристики личности, такие как экстравертность и интровертность, могут вовлекаться в формирование PSMU разными способами: если экстраверты с высокой самооценкой используют социальные сети для расширения уже существующих социальных связей, то интроверты с низкой самооценкой и низкой удовлетворенностью жизнью, а также высоким уровнем одиночества ищут дополнительные социальные контакты в русле теории компенсации [1; 36]. В обоих случаях мотивом для использования социальных сетей является увеличение «социального капитала». Тем не менее большинство авторов отмечает связь PSMU с экстраверсией и импульсивностью [2; 13]. Кроме того, в качестве факторов риска формирования PSMU могут выступать нарциссизм и нейротизм [2; 7; 10; 36].

Необходимо различать интенсивное адаптивное использование социальных сетей и PSMU. Адаптивное интенсивное использование социальных сетей не не-

сет явных негативных последствий, мало влияет на параметры благополучия и во многих индивидуальных случаях может играть позитивную роль в развитии подростка путем увеличения его «социального капитала» [7]. Так, М. Бонель-Ниссим и Д. Альт (M. Boniel-Nissim и D. Alt) установили, что интенсивное адаптивное использование социальной сети характерно для студентов с позитивными качествами психического здоровья и большей семейной поддержкой, тогда как PSMU сопряжено с чувством одиночества, низкой удовлетворенностью жизнью, которая тесно связана с низкой самооценкой, и меньшей поддержкой от друзей [20]. Такие же взаимосвязи были отмечены отечественными и белорусскими исследователями [2; 6; 11; 13]. Кроме того, было установлено, что в основе PSMU может лежать не стремление к компенсации общения, а объединение подростков с общими игровыми интересами [6].

Самооценка является важнейшей составляющей психологического благополучия подростка. Было установлено, что индивиды с более низким уровнем самооценки имели более высокие показатели компульсивного использования интернета [33]. Согласно недавнему (2022 г.) метаанализу именно самооценка (self-esteem) и удовлетворенность жизнью (life satisfaction) являются двумя наиболее частыми параметрами, используемыми для оценки связи PSMU и общего благополучия (well-being) [29].

Импульсивность и самоконтроль связаны с широким спектром особенностей поведения. Люди с высоким самоконтролем лучше контролируют свои мысли, регулируют свои эмоции и подавляют свои импульсы, чем люди с низким самоконтролем [55]. Низкий уровень самоконтроля и высокая импульсивность тесно связаны с делинквентностью, пре-

ступностью, антисоциальным и экстернализирующим поведением, виктимизацией и аддиктивными расстройствами. Поскольку самоконтроль включает успешное регулирование импульсов, исследователи часто приравнивают низкий самоконтроль к импульсивности, хотя в принципе сила импульса и самоконтроль или сдержанность вносят независимый вклад в то, будет ли поведение реализовано [23]. Для оценки уровня самоконтроля и импульсивности часто используют широко известный опросник “Barratt Impulsiveness Scale” [55]. Характерно, что снижение самоконтроля (импульсивное использование социальной сети) указывается в качестве кардинального признака PSMU Европейской исследовательской группой “European network for problematic usage of the Internet” [18]. Большим количеством исследований показано, что PSMU тесно ассоциировано с низким уровнем самоконтроля/высоким уровнем импульсивности [10].

Боязнь пропустить важное (Fear of Missing Out, FoMO) — относительно новый психологический феномен, описывающий чувство опасения индивида, что он упускает информацию, события, опыт, которые важны для него. При этом опасение также включает и то, что другие могут получить более удовлетворительный опыт, когда субъект не участвует в общей деятельности и не владеет полной информацией, и характеризуется сильным желанием остаться с другими в общем информационном поле и общей области деятельности [40]. FoMO привлекло большое внимание исследователей в связи с его высокой частотой и уникальным вкладом в формирование PSMU [24]. Так, недавний (2021 г.) метаанализ показал, что корреляция между FoMO и PSMU очень высока и превышает таковую для других важнейших фак-

торов, таких как чувство одиночества, депрессия и стресс [64].

Кроме того, в зависимости от принятия или отвержения существующих социальных норм жизни различают два типа поведения в социальных сетях: про-социальное и антисоциальное. На основании логико-категориального анализа данных зарубежных исследований И. Погожина с соавт. установили характеристики антисоциального цифрового поведения. В коммуникативной сфере — это снижение очной коммуникации и рост интернет-общения. В эмоциональной — чувство одиночества; низкий уровень удовлетворенности жизнью и слабая эмпатия; высокие показатели социальной тревожности и импульсивности; отрицательные эмоции, депрессия, бессонница; низкий уровень развития эмоционального интеллекта; психологическое выгорание. В мотивационной — низкая самоэффективность, недостаток силы воли, неверные когнитивные установки (поиск одобрения, склонность к обвинению, перфекционизм). В когнитивной — заниженная самооценка, низкие показатели самоидентичности, плохая успеваемость [10]. Установлена также связь PSMU с такими чертами личности, как низкая асертивность у юношей ($r = -0,226$, $p < 0,001$) и незащищенность от манипуляций у девушек ($r = 0,175$, $p < 0,05$) [13; 14].

Также выявлено, что PSMU часто ассоциировано с другими поведенческими зависимостями, такими как пищевая зависимость, зависимость от покупок, гейминг [2], а также с зависимостью от смартфона [14], компьютерных и азартных игр [26].

Психиатрическая коморбидность

Большим количеством исследований показана выраженная коморбидность PSMU с широким спектром психопато-

логических состояний [2; 10; 13; 20; 59]. Так, в крупномасштабном поперечном исследовании, включающем 23533 респондентов в возрасте от 16 до 88 лет, выявлены положительные корреляции между PSMU и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ), обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР), тревогой и депрессией [59]. Недавний (2022 г.) метаанализ Х. Шенон и др. (H. Shannon et al.) также показал, что PSMU обнаруживает связь с депрессией, тревогой и стрессом [46]. Такие же результаты были получены и белорусскими исследователями на примере студентов медицинского колледжа [13]. Исследование, проведенное среди населения Швеции, установило положительную взаимосвязь PSMU со Шкалой психологического дистресса Кесслера (Кесслер-6), OR 1,11 (1,05–1,17) [28].

Исследование А.Дж. Тормоен и др. (A.J. Tørgmoen et al.) [19], включавшее препрезентативную выборку учащихся 8–11 классов в Норвегии (N = 37268), показало ассоциацию времени, проведенного в социальных сетях, с риском членовредительства, который возрастал при проведении в сетях 3 и более часов в день (ОШ = 1,49 (ДИ 1,39–1,60)). Однако в метаанализе 2021 года не было установлено никакой связи между частотой использования социальных сетей и самоповреждающими мыслями и поведением (self-injurious thoughts and behaviors (SITBs)), включающими суицидальные мысли, планы самоубийства, попытки самоубийства и несуицидальные членовредительства [54]. Тем не менее была выявлена связь между кибервиктимизацией и всеми SITBs [54]. Российские авторы в недавнем обзоре, посвященном проблеме связи суицидального поведения подростков с использованием интернета, также приходят к выводу о двойкой роли

социальных сетей в зависимости от посещаемых сайтов. С одной стороны, это поддержка, психологическая помощь, с другой — ознакомление и поощрение SITBs [4]. Кроме того, среди отрицательных сторон использования социальных сетей широко обсуждаются проявления травли подростками друг друга (кибербуллинг), распространение и употребление психоактивных веществ [15; 53], а также пропаганда поведения, связанного с нервной анорексией на фоне развития неудовлетворенности своим телом [53].

Данные о психиатрической и психосоматической коморбидности у интернет-зависимых подростков в Российской Федерации крайне ограничены: опубликованные результаты исследований рассмотрены в основном с точки зрения социальной и психологической феноменологии. Нами в 2022 году было показано, что PIUgen ассоциирована со специфической и социальной фобией, ОКР, генерализованным тревожным расстройством, депрессией, СДВГ и оппозиционным расстройством поведения [9].

Соматическая коморбидность

С начала изучения ИЗ и до настоящего времени предпринимаются попытки оценить ее негативное влияние на детей и подростков, прежде всего в отношении психического здоровья и социального функционирования, но также и в отношении соматических компонентов здоровья и благополучия. Недавние метаанализы показали существенное снижение как психологического, так и соматического компонентов качества жизни при проблемном использовании интернета (PIU) и смартфонов [39]. В подростковой популяции показано негативное влияние PIU на качество жизни, связанное со здоровьем [49]. Общие психосоматические жалобы были ассоциированы с PSMU в

репрезентативной выборке подростков Люксембурга и с PIU при обследовании 17599 китайских студентов [41]. Общая соматизация была связана с интернет-зависимым поведением у молодых лиц из Италии и Тайваня [30; 46]. PSMU было ассоциировано с сочетанными соматическими симптомами (сочетание в разных вариантах цефалгий, дурсалгий, болей в животе и головокружений) в репрезентативной выборке итальянских подростков [45]. В исследовании X.-Т. Вэй и др. (H.-T. Wei et al.) [57] была показана ассоциация ИЗ с хроническими болевыми синдромами, которые авторы связывают с психосоматическими заболеваниями и мышечным перенапряжением.

Значительное количество исследований показало наличие ассоциации между PIU и головной болью. Так, Пааккири и др. (Paakkari et al.) показали прогрессирующий рост частоты встречаемости головной боли параллельно с ростом степени PSMU в репрезентативной выборке финских подростков [44]. Ранее была выявлена положительная связь между интенсивностью использования социальных сетей и головной болью [22]. В нашем недавнем исследовании также была выявлена заметная связь мигрени с PSMU, при отсутствии таковой с PUgame [16]. Кроме того, многочисленными исследованиями установлена ассоциация рецидивирующих болей в спине с избыточным использованием персональных компьютеров/смартфонов и PIU, в том числе PSMU [44; 60].

Нами впервые установлена взаимосвязь нарушений режима и качества ночного сна и дневной сонливости у подростков с PIU при разных видах потребляемого контента: выявлены поздний отход ко сну, позднее пробуждение, сокращение продолжительности ночного сна, увеличение времени засыпания и частые ночные про-

буждения, а также более выраженная дневная сонливость [31]. Из изученных нами параметров сна наиболее чувствительно реагирующими на наличие PIU у подростков, вне зависимости от потребляемого контента (в том числе и при PSMU), являются показатели шкал дневной сонливости и ночных пробуждений. Наибольшее влияние на качество сна было зафиксировано у мальчиков 12–14 лет с PUgame – в этой группе были изменены пять из шести исследуемых нами параметров оценки сна. Несомненным преимуществом нашего исследовательского проекта мы считаем использование одновременно трех инструментов, позволяющих оценить не только недифференцированную PIUgen, но и верифицировать преимущественный контент зависимости с оценкой степени дневной сонливости [31].

Кроме того, у интернет-зависимых лиц было выявлено общее снижение иммунных функций, что авторы связывают с общим фактором риска – стрессом, который может влиять на активность симпатоадреналовой оси и повышать продукцию кортизола [43]. Характерно, что высокая активность симпатического отдела вегетативной нервной системы была показана российскими исследователями при анализе сердечного ритма у подростков с PIU [35]. Также в недавнем корейском исследовании была установлена связь PIU с бронхиальной астмой у подростков [27].

Заключение

В настоящем обзоре мы хотели привлечь внимание специалистов к относительно недавно появившемуся феномену неадаптивного использования социальных сетей. Было показано, что PSMU затрагивает значительную часть популяции (7–10%) как в России, так и в других странах с аналогичным внедрением цифровых технологий общения. В качестве

факторов риска наиболее активно исследуются такие личностные характеристики, как нарциссизм, импульсивность, низкая самооценка, боязнь пропустить важное. Многочисленными исследованиями установлена коморбидность PSMU с тревожно-депрессивными расстройствами и даже с суициальными идеациями. Кроме того, отдельными исследованиями показана коморбидность PSMU с расстройствами сна и соматическими жалобами.

Тем не менее остаются нерешенными многие вопросы, связанные с PSMU. Так, до сих пор сложно провести четкую грань между причинами и следствиями, а также пользой и вредом при формировании данного социального явления. Край-

не недостаточно изучена взаимосвязь PSMU с психосоматической патологией. Не разработаны общепринятые меры профилактики и реабилитации. Также по-прежнему некоторые авторы в своих исследованиях не производят разделения PIUgen в зависимости от используемого контента, что может привести к неверной интерпретации результатов и невозможности адекватного сопоставления и сравнения с результатами других авторов из-за неоднородности их выборок. Все это требует проведения дальнейших исследований в этих направлениях. Мы надеемся, что представленный обзор вызовет интерес у широкого круга психологов, психиатров и педиатров.

Литература

1. Аицуборов А.В., Дубатова И.В. Встречимся в сети или на приеме у психиатра? К вопросу зависимости от социальных сетей // Интерактивная наука. 2019. № 5(39). С. 8–21. DOI:10.21661/r-496807
2. Зотова Д.В., Розанов В.А. Патологическое использование и зависимость от социальных сетей – анализ с позиций феноменологии аддиктивного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Том 10. № 2. С. 158–183. DOI:10.21638/srpu16.2020.204
3. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 27–54. DOI:10.17759/sps.2020110103
4. Любов Е.Б., Зотов П.Б. Интернет и самоповреждения подростков: кто виноват – что делать // Суицидология. 2019. Т. 10. № 3(36). С. 3–18. DOI:10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-3-18
5. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Антоненко А.А. Индивидуально-психологические свойства подростков как факторы риска формирования интернет-зависимого поведения // Медицинская психология в России. 2015. Том 30. № 1. С. 1–22.
6. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков / Д.С. Корниенко, Н.А. Руднова, Т.О. Гордеева и др. // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2. С. 28–48. DOI:10.17759/sps.2023140203
7. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
8. Терещенко С.Ю., Смольникова М.В. Нейробиологические факторы риска формирования интернет-зависимости у подростков: актуальные гипотезы и ближайшие перспективы // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 55–71. DOI:10.17759/sps.2020110104
9. Характеристика психического статуса интернет-зависимых подростков: гендерные и возрастные особенности / Н. Семенова, С. Терещенко, Л. Эверт, М. Шубина // Профилактическая медицина. 2022. Том 25. № 8. С. 83–89. DOI:10.17116/profmed20222508183

10. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ / И. Погожина, А. Подольский, О. Идобраева и др. // Вопросы образования. 2020. Вып. 3. С. 60–94. DOI:10.17323/1814-9545-2020-3-60-94

11. Шейнов В.П., Девицын А.С. Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с уверенностью в себе, эмоциональным интеллектом и поведением в конфликтах // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2023. Т. 8. № 1. С. 60–89. DOI:10.38098/irpan.opwp_2023_26_1_003

12. Шейнов В.П., Девицын А.С. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей // Системная психология и социология. 2021. № 3(38). С. 41–55. DOI:10.25688/2223-6872.2021.38.2.04

13. Шейнов В.П., Дятчик Н.В. Зависимость от социальных сетей и личностные свойства учащихся колледжа // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2021. № 15. С. 98–103.

14. Шейнов В.П., Тарелкин А.И. Взаимосвязи зависимости студентов от социальных сетей с психологическим неблагополучием // Психология человека в образовании. 2022. Том 4. № 2. С. 188–204. DOI:10.33910/2686-9527-2022-4-2-188-204

15. Шубин С.Б. Психологические особенности цифровой активности подростков на примере социальных сетей: обзор иностранных исследований // Педагогика и психология образования. 2020. № 3. С. 173–190. DOI:10.31862/2500-297X-2020-3-173-191

16. Шубина М.В., Терещенко С.Ю., Горбачева Н.Н. Частота встречаемости головных болей у детей с интернет-зависимостью // Российский журнал боли. 2022. Т. 20. № 4. С. 6–14. DOI:10.17116/pain2022200416

17. Adolescents' Intense and Problematic Social Media Use and Their Well-Being in 29 Countries / M. Boer, R. Van Den Eijnden, M. Boniel-Nissim et al. // J Adolesc Health. 2020. Vol. 66. № 6s. P. S89–S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014

18. Advances in problematic usage of the internet research — A narrative review by experts from the European network for problematic usage of the internet / N.A. Fineberg, J.M. Menchón, N. Hall et al. // Comprehensive Psychiatry. 2022. Vol. 118. P. 152346. DOI:10.1016/j.comppsych.2022.152346

19. A nationwide study on time spent on social media and self-harm among adolescents / A.J. Tørmoen, M.Ø. Myhre, A.T. Kildahl et al. // Sci Rep. 2023. Vol. 13. № 1. P. 19111. DOI:10.1038/s41598-023-46370-y

20. Boniel-Nissim M., Alt D. Problematic Social Media Use and Intensive Social Media Use Among Academic Students During the COVID-19 Pandemic: Associations With Social Support and Life Satisfaction // Front. Educ. 2022. Vol. 7. P. 876774. DOI:10.3389/feduc.2022.876774

21. Cross-national validation of the social media disorder scale: findings from adolescents from 44 countries / M. Boer, R.J. Van Den Eijnden, C. Finkenauer et al. // Addiction. 2022. Vol. 117. № 3. P. 784–795. DOI:10.1111/add.15709

22. Deogade S.C., Saxena S., Mishra P. Adverse health effects and unhealthy behaviors among dental undergraduates surfing social networking sites // Ind Psychiatry J. 2017. Vol. 26(2). P. 207–214. DOI:10.4103/ipp.ipp_67_15

23. Duckworth A.L., Kern M.L. A meta-analysis of the convergent validity of self-control measures // Journal of Research in Personality. 2011. Vol. 45. № 3. P. 259–268. DOI:10.1016/j.jrp.2011.02.004

24. Fear of missing out and problematic social media use as mediators between emotional support from social media and phubbing behavior / J. Fang, X. Wang, Z. Wen, J. Zhou // Addict Behav. 2020. Vol. 107. P. 106430. DOI:10.1016/j.addbeh.2020.106430

25. Gender differences in the addiction to social networks in the Southern Spanish university students / P. Aparicio-Martínez, M. Ruiz-Rubio, A.-J. Perea-Moreno et al. // Telematics and Informatics. 2020. Vol. 46. P. 101304. DOI:10.1016/j.tele.2019.101304

26. Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with

Psychosocial Problems / S. Tereshchenko, E. Kasparov, N. Semenova et al. // Int J Environ Res Public Health. 2022. Vol. 19. № 13. P. 7593. DOI:10.3390/ijerph19137593

27. Han C.H., Chung J.H., Lee S.J. Association between Asthma and Internet Addiction Status in Korean Adolescents // J Thorac Dis. 2021. Vol. 13. № 2. P. 968–976. DOI:10.21037/jtd-20-2342

28. Henzel V., Häkansson A. Hooked on virtual social life. Problematic social media use and associations with mental distress and addictive disorders // PLoS One. 2021. Vol. 16. № 4. P. e0248406. DOI:10.1371/journal.pone.0248406

29. Huang C. A meta-analysis of the problematic social media use and mental health // Int J Soc Psychiatry. 2022. Vol. 68. № 1. P. 12–33. DOI:10.1177/0020764020978434

30. Internet Addiction and Related Clinical Problems: A Study on Italian Young Adults / L. Zamboni, I. Portoghesi, A. Congiu et al. // Front Psychol. 2020. Vol. 11. P. 571638. DOI:10.3389/fpsyg.2020.571638

31. Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study / S. Tereshchenko, E. Kasparov, M. Smolnikova et al. // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18. № 19. P. 10397. DOI:10.3390/ijerph181910397

32. Internet addiction in Gulf countries: A systematic review and meta-analysis / A.M. Al-Khani, J. Saquib, A.M. Rajab et al. // J Behav Addict. 2021. Vol. 10. № 3. P. 601–610. DOI:10.1556/2006.2021.00057

33. Is compulsive internet use related to sensitivity to reward and punishment, and impulsivity? / G.J. Meerkerk, R.J.J.M. Van Den Eijnden, I.H.A. Franken, H.F.L. Garretsen // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26. № 4. P. 729–735. DOI:10.1016/j.chb.2010.01.009

34. Is it meaningful to distinguish between generalized and specific Internet addiction? Evidence from a cross-cultural study from Germany, Sweden, Taiwan and China / C. Montag, K. Bey, P. Sha et al. // Asia-Pacific Psychiatry. 2015. Vol. 7. № 1. P. 20–26. DOI:10.1111/appy.12122

35. Krivonogova O., Krivonogova E., Poskotinova L. Heart Rate Variability, Time Estimation and Internet-Dependent Behaviour in 16–17-Year-Old Adolescents: A Study in Russian Arctic // Life (Basel). 2021. Vol. 11. № 6. P. 497. DOI:10.3390/life11060497

36. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online social networking and addiction — a review of the psychological literature // Int J Environ Res Public Health. 2011. Vol. 8. № 9. P. 3528–3552. DOI:10.3390/ijerph8093528

37. Lopez-Fernandez O. Generalised versus specific internet use-related addiction problems: A mixed methods study on internet, gaming, and social networking behaviours // International journal of environmental research and public health. 2018. Vol. 15. № 12. P. 2913. DOI:10.3390/ijerph15122913

38. Manifesto for a European research network into Problematic Usage of the Internet / N.A. Fineberg, Z. Demetrovics, D.J. Stein et al. // Eur Neuropsychopharmacol. 2018. Vol. 28. № 11. P. 1232–1246. DOI:10.1016/j.euroneuro.2018.08.004

39. Masaeli N., Billieux J. Is Problematic Internet and Smartphone Use Related to Poorer Quality of Life? A Systematic Review of Available Evidence and Assessment Strategies // Curr Addict Rep. 2022. Vol. 9. № 3. P. 235–250. DOI:10.1007/s40429-022-00415-w

40. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out / A.K. Przybylski, K. Murayama, C.R. Dehaan, V. Gladwell // Computers in Human Behavior. 2013. Vol. 29. № 4. P. 1841–1848. DOI:10.1016/j.chb.2013.02.014

41. Predictors of Problematic Social Media Use in a Nationally Representative Sample of Adolescents in Luxembourg / C. Van Duin, A. Heinz, H. Willems // Int J Environ Res Public Health. 2021. Vol. 18(22). DOI:10.3390/ijerph182211878

42. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values / C. Cheng, Y.C. Lau, L. Chan, J.W. Luk // Addict Behav. 2021. Vol. 117. P. 106845. DOI:10.1016/j.addbeh.2021.106845

43. Problematic Internet Usage and Immune Function / P. Reed, R. Vile, L.A. Osborne et al. // PLoS One. 2015. Vol. 10. № 8. P. e0134538. DOI:10.1371/journal.pone.0134538

44. Problematic Social Media Use and Health among Adolescents / L. Paakkari, J. Tynjälä, H. Lahti et al. // International journal of environmental research and public health. 2021. Vol. 18. № 4. P. 1885. DOI:10.3390/ijerph18041885

45. Problematic social media use: associations with health complaints among adolescents / C. Marino, M. Lenzi, N. Canale et al. // Ann Ist Super Sanita. 2020. Vol. 56(4). P. 514–521. DOI:10.4415/ann_20_04_16

46. Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis / H. Shannon, K. Bush, P.J. Villeneuve et al. // JMIR Ment Health. 2022. Vol. 9. № 4. P. e33450. DOI:10.2196/33450

47. Problematic social media use: Results from a large-scale nationally representative adolescent sample / F. Bányai, Á. Zsila, O. Király et al. // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. № 1. P. e0169839. DOI:10.1371/journal.pone.0169839

48. Problematic use of the internet during the COVID-19 pandemic: Good practices and mental health recommendations / B. Gjoneska, M.N. Potenza, J. Jones et al. // Comprehensive Psychiatry. 2022. Vol. 112. P. 152279. DOI:10.1016/j.comppsych.2021.152279

49. Profiles of Problematic Internet Use and Its Impact on Adolescents' Health-Related Quality of Life / J.M. Machimbarrena, J. González-Cabrera, J. Ortega-Barón et al. // Int J Environ Res Public Health. 2019. Vol. 16(20). DOI:10.3390/ijerph16203877

50. *Reer F., Festl R., Quandt T.* Investigating problematic social media and game use in a nationally representative sample of adolescents and younger adults // Behaviour & Information Technology. 2021. Vol. 40. № 8. P. 776–789. DOI:10.1080/0144929X.2020.1724333

51. *Rich M., Tsappis M., Kavanagh J.R.* Problematic interactive media use among children and adolescents: Addiction, compulsion, or syndrome? / In: Young K.S., de Abreu C.N. (eds.) // Internet Addiction in Children and Adolescents: Risk Factors, Assessment, and Treatment. New York (NY): Springer Publishing Company, LLC, 2017. P. 3–28.

52. *Ryding F.C., Kaye L.K.* "Internet addiction": A conceptual minefield // International Journal of Mental Health and Addiction. 2018. Vol. 16. № 1. P. 225–232. DOI:10.1007/s11469-017-9811-6

53. Social Media Usage and Development of Psychiatric Disorders in Childhood and Adolescence: A Review / I. Cataldo, B. Lepri, M.J.Y. Neoh et al. // Front Psychiatry. 2021. № 11. P. 508595. DOI:10.3389/fpsyg.2020.508595

54. Social media use and self-injurious thoughts and behaviors: A systematic review and meta-analysis / J. Nesi, T.A. Burke, A.H. Bettis et al. // Clin Psychol Rev. 2021. Vol. 87. P. 102038. DOI:10.1016/j.cpr.2021.102038

55. Taking stock of self-control: a meta-analysis of how trait self-control relates to a wide range of behaviors / D.T. De Ridder, Lensvelt- G. Mulders, C. Finkenauer et al. // Pers Soc Psychol Rev. 2012. Vol. 16. № 1. P. 76–99. DOI:10.1177/1088868311418749

56. *Tereshchenko S.Y.* Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review // World J Psychiatry. 2023. Vol. 13. № 5. P. 160–173. DOI:10.5498/wjp.v13.i5.160

57. The association between online gaming, social phobia, and depression: an internet survey / H.-T. Wei, M.-H. Chen, P.-C. Huang, Y.-M. Bai // BMC Psychiatry. 2012. Vol. 12. № 1. P. 92. DOI:10.1186/1471-244X-12-92

58. The impact of heavy and disordered use of games and social media on adolescents' psychological, social, and school functioning / R. Van Den Eijnden, I. Koning, S. Doornwaard et al. // J Behav Addict. 2018. Vol. 7. № 3. P. 697–706. DOI:10.1556/2006.7.2018.65

59. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study / C.S. Andreassen, J. Billieux, M.D. Griffiths et al. // Psychology of Addictive Behaviors. 2016. Vol. 30. № 2. P. 252. DOI:10.1037/adb0000160

60. The relationship between smartphone addiction and musculoskeletal pain prevalence among young population: a cross-sectional study / R. Mustafaoglu, Z. Yasaci, E. Zirek et al. // Korean J Pain. 2021. Vol. 34(1). P. 72–81. DOI:10.3344/kjp.2021.34.1.72

61. Van Den Eijnden R.J., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The social media disorder scale // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 61. P. 478–487. DOI:10.1016/j.chb.2016.03.038
62. Warthberg L., Kriston L., Thomasius R. Internet gaming disorder and problematic social media use in a representative sample of German adolescents: Prevalence estimates, comorbid depressive symptoms and related psychosocial aspects // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 103. P. 31–36. DOI:10.1016/j.chb.2019.09.014
63. Young K.S. Psychology of computer use: XL. Addictive use of the Internet: a case that breaks the stereotype // Psychol Rep. 1996. Vol. 79. № 3. Pt 1. P. 899–902. DOI:10.2466/pr.0.1996.79.3.899
64. Zhang Y., Li S., Guoliang Y. The relationship between social media use and fear of missing out: A meta-analysis // Acta Psychologica Sinica. 2021. Vol. 53. № 3. P. 273–290. DOI:10.3724/sj.1041.2021.00273

References

1. Antsyborov A.V., Dubatova I.V. Vstrechimsya v seti ili na prieme u psikhiatra? K voprosu zavisimosti ot sotsial'nykh setei [Shall we meet online or at an appointment with a psychiatrist? On the issue of addiction to social networks]. *Interaktivnaya nauka = Interactive Science*, 2019, no. 5(39), pp. 8–21. DOI:10.21661/r-496807 (In Russ.).
2. Zotova D.V., Rozanov V.A. Patologicheskoe ispol'zovanie i zavisimost' ot sotsial'nykh setei-analiz s pozitsii fenomenologii addiktivnogo povedeniya [Pathological use and dependence on social networks — analysis from the perspective of the phenomenology of addictive behavior]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psichologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 158–183. DOI:10.21638/spbu16.2020.204 (In Russ.).
3. Kochetkov N.V. Internet-zavisimost' i zavisimost' ot kompyuternykh igr v trudakh otechestvennykh psikhologov [Internet addiction and dependence on computer games in the works of domestic psychologists]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 27–54. DOI:10.17759/sps.2020110103 (In Russ.).
4. Lyubov E.B., Zотов P.B. Internet i samopovrezhdeniya podrostkov: kto vinovat — chto delat' [Internet and self-harm in adolescents: who is to blame — what to do]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2019. Vol. 10, no. 3(36), pp. 3–18. DOI:10.32878/suiciderus.19-10-03(36)-3-18 (In Russ.).
5. Malygin V.L., Khomeriki N.S., Antonenko A.A. Individual'no-psikhologicheskie svoistva podrostkov kak faktory riska formirovaniya internet-zavisimogo povedeniya [Individual psychological properties of adolescents as risk factors for the formation of Internet addictive behavior]. *Meditinskaya psichologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*, 2015. Vol. 30, no. 1, pp. 1–22. (In Russ.).
6. Kornienko D.S. et al. Odinochestvo i sotsial'naya podderzhka kak kharakteristiki sotsial'nogo zdorov'ya i faktory zavisimosti ot sotsial'nykh setei u podrostkov [Loneliness and social support as characteristics of social health and factors of dependence on social networks in adolescents]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 28–48. DOI:10.17759/sps.2023140203 (In Russ.).
7. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308 (In Russ.).
8. Tereshchenko S.Yu., Smol'nikova M.V. Neirobiologicheskie faktory riska formirovaniya internet-zavisimosti u podrostkov: aktual'nye gipotezy i blizhaishie perspektivy [Neurobiological risk factors for the development of Internet addiction in adolescents: current hypotheses and immediate prospects]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 55–71. DOI:10.17759/sps.2020110104 (In Russ.).
9. Semenova N. et al. Kharakteristika psikhicheskogo statusa internet-zavisimykh podrostkov: gendernye i vozrastnye osobennosti [Characteristics of the mental status of Internet-addicted

adolescents: gender and age characteristics]. *Profilakticheskaya meditsina = Preventive medicine*, 2022. Vol. 25, no. 8, pp. 83–89. DOI:10.17116/profmed20222508183 (In Russ.).

10. Pogozhina I. et al. Tsifrovoe povedenie i osobennosti motivatsionnoi sfery internet-pol'zovatelei: logiko-kategorial'nyi analiz [Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical-categorical analysis]. *Voprosy obrazovaniya = Educational issues*, 2020. Vol. 3, pp. 60–94. DOI:10.17323/1814-9545-2020-3-60-94 (In Russ.).

11. Sheinov V.P., Devitsyn A.S. Vzaimosvyazi zavisimosti ot sotsial'nykh setei s uverennost'yu v sebe, emotsiynym intellektom i povedeniem v konfliktakh [Relationships between dependence on social networks and self-confidence, emotional intelligence and behavior in conflicts]. *Institut psichologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psichologiya i psichologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 2023. Vol. 8, no. 1, pp. 60–89. DOI:10.38098/ipran.opwp_2023_26_1_003 (In Russ.).

12. Sheinov V.P., Devitsyn A.S. Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot sotsial'nykh setei [Development of a reliable and valid social network addiction questionnaire]. *Sistemnaya psichologiya i sotsiologiya = Systemic psychology and sociology*, 2021, no. 3(38), pp. 41–55. DOI:10.25688/2223-6872.2021.38.2.04 (In Russ.).

13. Sheinov V.P., Dyatchik N.V. Zavisimost' ot sotsial'nykh setei i lichnostnye svoistva uchashchikhsya kolledzha [Dependence on social networks and personal properties of college students]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical sciences*, 2021, no. 15, pp. 98–103. (In Russ.).

14. Sheinov V.P., Tarelkin A.I. Vzaimosvyazi zavisimosti studentov ot sotsial'nykh setei s psichologicheskim neblagopoluchiem [Relationship between students' dependence on social networks and psychological distress]. *Psichologiya cheloveka v obrazovani = Human Psychology in Education*, 2022. Vol. 4, no. 2, pp. 188–204. DOI:10.33910/2686-9527-2022-4-2-188-204 (In Russ.).

15. Shubin S.B. Psichologicheskie osobennosti tsifrovoi aktivnosti podrostkov na primere sotsial'nykh setei: obzor inostrannykh issledovanii [Psychological features of digital activity of adolescents using the example of social networks: a review of foreign research]. *Pedagogika i psichologiya obrazovaniya = Pedagogy and psychology of education*, 2020, no. 3, pp. 173–190. DOI:10.31862/2500-297X-2020-3-173-191 (In Russ.).

16. Shubina M.V., Tereshchenko S.Yu., Gorbacheva N.N. Chastota vstrechaemosti golovnykh bolei u detei s internet-zavisimost'yu [Frequency of occurrence of headaches in children with Internet addiction]. *Rossiiskii zhurnal boli = Russian Journal of Pain*, 2022. Vol. 20, no. 4, pp. 6–14. DOI:10.17116/pain2022200416 (In Russ.).

17. Boer M. et al. Adolescents' Intense and Problematic Social Media Use and Their Well-Being in 29 Countries. *J Adolesc Health*, 2020. Vol. 66, no. 6s, pp. S89–S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014

18. Fineberg N.A. et al. Advances in problematic usage of the internet research – A narrative review by experts from the European network for problematic usage of the internet. *Comprehensive Psychiatry*, 2022. Vol. 118, p. 152346. DOI:10.1016/j.comppsych.2022.152346

19. Tørmoen A.J. et al. A nationwide study on time spent on social media and self-harm among adolescents. *Sci Rep*, 2023. Vol. 13, no. 1, p. 19111. DOI:10.1038/s41598-023-46370-y

20. Boniel-Nissim M., Alt D. Problematic Social Media Use and Intensive Social Media Use Among Academic Students During the COVID-19 Pandemic: Associations With Social Support and Life Satisfaction. *Front. Educ*, 2022. Vol. 7, p. 876774. DOI:10.3389/feduc.2022.876774

21. Boer M. et al. Cross-national validation of the social media disorder scale: findings from adolescents from 44 countries. *Addiction*, 2022. Vol. 117, no. 3, pp. 784–795. DOI:10.1111/add.15709

22. Deogade S.C., Saxena S., Mishra P. Adverse health effects and unhealthy behaviors among dental undergraduates surfing social networking sites. *Ind Psychiatry J*, 2017. Vol. 26(2), pp. 207–214. DOI:10.4103/ijp.ipj_67_15

23. Duckworth A.L., Kern M.L. A meta-analysis of the convergent validity of self-control measures. *Journal of Research in Personality*, 2011. Vol. 45, no. 3, pp. 259–268. DOI:10.1016/j.jrp.2011.02.004

24. Fang J. et al. Fear of missing out and problematic social media use as mediators between emotional support from social media and phubbing behavior. *Addict Behav*, 2020. Vol. 107, p. 106430. DOI:10.1016/j.addbeh.2020.106430

25. Aparicio-Martínez P. et al. Gender differences in the addiction to social networks in the Southern Spanish university students. *Telematics and Informatics*, 2020. Vol. 46, p. 101304. DOI:10.1016/j.tele.2019.101304

26. Tereshchenko S. et al. Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age-Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems. *Int J Environ Res Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 13, p. 7593. DOI:10.3390/ijerph19137593

27. Han C.H., Chung J.H., Lee S.J. Association between Asthma and Internet Addiction Status in Korean Adolescents. *J Thorac Dis*, 2021. Vol. 13, no. 2, pp. 968–976. DOI:10.21037/jtd-20-2342

28. Henzel V., Håkansson A. Hooked on virtual social life. Problematic social media use and associations with mental distress and addictive disorders. *PLoS One*, 2021. Vol. 16, no. 4, p. e0248406. DOI:10.1371/journal.pone.0248406

29. Huang C. A meta-analysis of the problematic social media use and mental health. *Int J Soc Psychiatry*, 2022. Vol. 68, no. 1, pp. 12–33. DOI:10.1177/0020764020978434

30. Zamboni L. et al. Internet Addiction and Related Clinical Problems: A Study on Italian Young Adults. *Front Psychol*, 2020. Vol. 11, p. 571638. DOI:10.3389/fpsyg.2020.571638

31. Tereshchenko S. et al. Internet Addiction and Sleep Problems among Russian Adolescents: A Field School-Based Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 19, p. 10397. DOI:10.3390/ijerph181910397

32. Al-Khani A.M. Internet addiction in Gulf countries: A systematic review and meta-analysis. *J Behav Addict*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 601–610. DOI:10.1556/2006.2021.00057

33. Meerkerk G.J. et al. Is compulsive internet use related to sensitivity to reward and punishment, and impulsivity? *Computers in Human Behavior*, 2010. Vol. 26, no. 4, pp. 729–735. DOI:10.1016/j.chb.2010.01.009

34. Montag C. et al. Is it meaningful to distinguish between generalized and specific Internet addiction? Evidence from a cross-cultural study from Germany, Sweden, Taiwan and China. *Asia Pacific Psychiatry*, 2015. Vol. 7, no. 1, pp. 20–26. DOI:10.1111/appy.12122

35. Krivonogova O., Krivonogova E., Poskotinova L. Heart Rate Variability, Time Estimation and Internet-Dependent Behaviour in 16-17-Year-Old Adolescents: A Study in Russian Arctic. *Life (Basel)*, 2021. Vol. 11, no. 6, p. 497. DOI:10.3390/life11060497

36. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online social networking and addiction – a review of the psychological literature. *Int J Environ Res Public Health*, 2011. Vol. 8, no. 9, pp. 3528–3552. DOI:10.3390/ijerph8093528

37. Lopez-Fernandez O. Generalised versus specific internet use-related addiction problems: A mixed methods study on internet, gaming, and social networking behaviours. *International journal of environmental research and public health*, 2018. Vol. 15, no. 12, p. 2913. DOI:10.3390/ijerph15122913

38. Fineberg N.A. et al. Manifesto for a European research network into Problematic Usage of the Internet. *Eur Neuropsychopharmacol*, 2018. Vol. 28, no. 11, pp. 1232–1246. DOI:10.1016/j.euroneuro.2018.08.004

39. Masaeli N., Billieux J. Is Problematic Internet and Smartphone Use Related to Poorer Quality of Life? A Systematic Review of Available Evidence and Assessment Strategies. *Curr Addict Rep*, 2022. Vol. 9, no. 3, pp. 235–250. DOI:10.1007/s40429-022-00415-w

40. Przybylski A.K. et al. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out. *Computers in Human Behavior*, 2013. Vol. 29, no. 4, pp. 1841–1848. DOI:10.1016/j.chb.2013.02.014

41. Van Duin C. et al. Predictors of Problematic Social Media Use in a Nationally Representative Sample of Adolescents in Luxembourg. *Int J Environ Res Public Health*, 2021. Vol. 18(22), p. 11878. DOI:10.3390/ijerph182211878

42. Cheng C. et al. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. *Addict Behav*, 2021. Vol. 117, p. 106845. DOI:10.1016/j.addbeh.2021.106845

43. Reed P. et al. Problematic Internet Usage and Immune Function. *PLoS One*, 2015. Vol. 10, no. 8, p. e0134538. DOI:10.1371/journal.pone.0134538

44. Paakkari L. et al. Problematic Social Media Use and Health among Adolescents. *International journal of environmental research and public health*, 2021. Vol. 18, no. 4, p. 1885. DOI:10.3390/ijerph18041885

45. Marino C. et al. Problematic social media use: associations with health complaints among adolescents. *Ann Ist Super Sanita*, 2020. Vol. 56(4), pp. 514–521. DOI:10.4415/ann_20_04_16

46. Shannon H. et al. Problematic Social Media Use in Adolescents and Young Adults: Systematic Review and Meta-analysis. *JMIR Ment Health*, 2022. Vol. 9, no. 4, p. e33450. DOI:10.2196/33450

47. Bányai F. et al. Problematic social media use: Results from a large-scale nationally representative adolescent sample. *PLoS ONE*, 2017. Vol. 12, no. 1, p. e0169839. DOI:10.1371/journal.pone.0169839

48. Gjoneska B. et al. Problematic use of the internet during the COVID-19 pandemic: Good practices and mental health recommendations. *Comprehensive Psychiatry*, 2022. Vol. 112, p. 152279. DOI:10.1016/j.comppsych.2021.152279

49. Machimbarrena J.M. et al. Profiles of Problematic Internet Use and Its Impact on Adolescents' Health-Related Quality of Life. *Int J Environ Res Public Health*, 2019. Vol. 16(20), p. 3877. DOI:10.3390/ijerph16203877

50. Reer F., Festl R., Quandt T. Investigating problematic social media and game use in a nationally representative sample of adolescents and younger adults. *Behaviour & Information Technology*. 2021. Vol. 40, no. 8, pp. 776–789. DOI:10.1080/0144929X.2020.1724333

51. Rich M., Tsappis M., Kavanagh J.R. Problematic interactive media use among children and adolescents: Addiction, compulsion, or syndrome? In: Young K.S., de Abreu C.N. (eds.). *Internet Addiction in Children and Adolescents: Risk Factors, Assessment, and Treatment*. New York (NY): Springer Publishing Company, LLC, 2017, pp. 3–28.

52. Ryding F.C., Kaye L.K. "Internet addiction": A conceptual minefield. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2018. Vol. 16, no. 1, pp. 225–232. DOI:10.1007/s11469-017-9811-6

53. Cataldo I. et al. Social Media Usage and Development of Psychiatric Disorders in Childhood and Adolescence: A Review. *Front Psychiatry*, 2021, no. 11, p. 508595. DOI:10.3389/fpsyg.2020.508595

54. Nesi J. et al. Social media use and self-injurious thoughts and behaviors: A systematic review and meta-analysis. *Clin Psychol Rev*, 2021. Vol. 87, pp. 102038. DOI:10.1016/j.cpr.2021.102038

55. De Ridder D.T. et al. Taking stock of self-control: a meta-analysis of how trait self-control relates to a wide range of behaviors. *Pers Soc Psychol Rev*, 2012. Vol. 16, no. 1, pp. 76–99. DOI:10.1177/1088868311418749

56. Tereshchenko S.Y. Neurobiological risk factors for problematic social media use as a specific form of Internet addiction: A narrative review. *World J Psychiatry*, 2023. Vol. 13, no. 5, pp. 160–173. DOI:10.5498/wjp.v13.i5.160

57. Wei H.-T. et al. The association between online gaming, social phobia, and depression: an internet survey. *BMC Psychiatry*, 2012. Vol. 12, no. 1, p. 92. DOI:10.1186/1471-244x-12-92

58. Van Den Eijnden R. et al. The impact of heavy and disordered use of games and social media on adolescents' psychological, social, and school functioning. *J Behav Addict*, 2018. Vol. 7, no. 3, pp. 697–706. DOI:10.1556/2006.7.2018.65

59. Andreassen C.S. et al. The relationship between addictive use of social media and video games and symptoms of psychiatric disorders: A large-scale cross-sectional study. *Psychology of Addictive Behaviors*, 2016. Vol. 30, no. 2, p. 252. DOI:10.1037/adb0000160

60. Mustafaoglu R. et al. The relationship between smartphone addiction and musculoskeletal pain prevalence among young population: a cross-sectional study. *Korean J Pain*, 2021. Vol. 34(1), pp. 72–81. DOI:10.3344/kjp.2021.34.1.72
61. Van Den Eijnden R.J., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The social media disorder scale. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 61, pp. 478–487. DOI:10.1016/j.chb.2016.03.038
62. Wartberg L., Kriston L., Thomasius R. Internet gaming disorder and problematic social media use in a representative sample of German adolescents: Prevalence estimates, comorbid depressive symptoms and related psychosocial aspects. *Computers in Human Behavior*, 2020. Vol. 103, pp. 31–36. DOI:10.1016/j.chb.2019.09.014
63. Young K.S. Psychology of computer use: XL. Addictive use of the Internet: a case that breaks the stereotype. *Psychol Rep*, 1996. Vol. 79, no. 3. Pt 1, pp. 899–902. DOI:10.2466/pr0.1996.79.3.899
64. Zhang Y., Li S., Guoliang Y. The relationship between social media use and fear of missing out: A meta-analysis. *Acta Psychologica Sinica*, 2021. Vol. 53, no. 3, pp. 273–290. DOI:10.3724/sj.1041.2021.00273

Информация об авторах

Манчук Валерий Тимофеевич, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8374-7385>, e-mail: man417@rambler.ru

Терещенко Сергей Юрьевич, доктор медицинских наук, профессор, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Шубина Маргарита Валерьевна, младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН), Научно-исследовательский институт медицинских проблем Севера (НИИ МПС), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6724-1058>, e-mail: marg-shubina@mail.ru

Information about the authors

Valerii T. Manchuk, Doctor of Medicine, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8374-7385>, e-mail: man417@rambler.ru

Sergei Yu. Tereshchenko, Doctor of Medicine, Professor, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1605-7859>, e-mail: legise@mail.ru

Margarita V. Shubina, Junior Researcher, Federal Research Center “Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”, Research Institute of Medical Problems of the North, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6724-1058>, e-mail: marg-shubina@mail.ru

Получена 22.06.2023

Received 22.06.2023

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством

Корниенко Д.С.

ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Руднова Н.А.

ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Цель. Проанализировать связи характеристик фальшивой самопрезентации в социальной сети с формальными характеристиками, мотивами использования социальных сетей, включенностью социальных сетей в ежедневную активность и одиночеством.

Контекст и актуальность. Активное использование социальных сетей связано с необходимостью представить собственный виртуальный образ. В социальных сетях предоставляется больше возможности для обмана в самопрезентации. Недостаточно изученными являются самопрезентация, направленная на демонстративность, стремление понравиться или обмануть, а также связи такой фальшивой самопрезентации с другими психологическими характеристиками и особенностями использования социальной сети.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между показателями фальшивой самопрезентации, временем, проводимым в социальных сетях, количеством социальных сетей, количеством друзей в социальных сетях, мотивами использования социальных сетей, показателями интеграции социальных сетей в ежедневную активность и одиночеством. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный и регрессионный анализ.

Участники. 432 подростка (54% девушки) от 13 до 18 лет ($M = 15,6$; $SD = 1,18$).

Методы (инструменты). Вопросы о формальных характеристиках использования социальных сетей. Шкала интеграции социальных медиа, Шкала мотивов использования социальной сети, Трехпунктовая шкала одиночества, пункты Шкалы самопрезентации в социальной сети.

Результаты. Обнаруживается специфика во взаимосвязях характеристик фальшивой самопрезентации. Стремление понравиться и демонстративная самопрезентация обнаруживают сходные взаимосвязи, в отличие от обманной самопрезентации. Предикторами фальшивой самопрезентации являются время, проводимое в социальных сетях, высокая интеграция социальных сетей в ежедневную активность, игровой мотив и переживание одиночества.

Основные выводы. Фальшивая самопрезентация обнаруживает связи как с формальными характеристиками использования социальных сетей, так и с мотивационными характеристиками и одиночеством.

Ключевые слова: самопрезентация; социальные сети; фальшивая самопрезентация; подростки; одиночество; обман; демонстративность.

Для цитаты: Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 47–64. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>

Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness

Dmitriy S. Kornienko

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dsorney@mail.ru

Natalia A. Rudnova

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Objective. *Analyzing the correlations between the attributes of deceptive self-representation on a social network and formal attributes, motivations for utilizing social networks, the incorporation of social networks into everyday routines, and feelings of loneliness.*

Background. *The frequent utilization of social networks is linked to the necessity of projecting one's digital persona. Social networks offer more possibilities for deceit in self-representation. Insufficient research has been conducted on self-presentation that is intended to be demonstrative, with the goal of impressing or deceiving others, as well as the correlation between such false self-presentation and other psychological traits and patterns of social media usage.*

Study design. *The study investigated the correlation between measures of deceptive self-presentation, duration of social media usage, quantity of social media platforms, number of social media connections, reasons for using social media, measures of social media integration into daily routines, and feelings of loneliness. The correlation and regression analyses were used to assess the existence and characteristics of the association.*

Participants. *A total of 432 adolescents, with 54% being girls, were included in the study. Their ages ranged from 13 to 18 years old, with a mean age of 15,6 years and a standard deviation of 1,18.*

Measurements. *Questions pertaining to the formal attributes of social media utilization. The items that comprise the study include the Social Media Integration Scale, the Social Network Use Motives Scale, the Three-Item Loneliness Scale, and the Social Network Self-Presentation Scale.*

Results. *Specificity is revealed in the relationships between the characteristics of false self-presentation. A desire to make an impression and the act of displaying oneself both share comparable connections, in contrast to the act of presenting oneself in a deceitful manner. Factors that can be used to anticipate deceptive self-presentation include the duration of social network usage, the extensive incorporation of social networks into everyday activities, motives related to gaming, and experiences of loneliness.*

Conclusions. *False self-presentation is linked to the formal aspects of social network usage, motivational traits, and feelings of loneliness.*

Keywords: *self-presentation; social media; teenagers; loneliness; deception; false self-presentation; demonstrativeness.*

For citation: Kornienko D.S., Rudnova N.A. Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 47–64. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204> (In Russ.).

Введение

Социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни и новой средой цифровой социализации, в которой происходят процессы, сходные реальности. Современные исследования социальных сетей показывают, что ограничение их использования, как и социальная депривация в реальной жизни, являются факторами стресса [1; 2]. В частности, это подтверждается исследованиями социальной изоляции в условиях пандемии COVID-19 – именно виртуальное общение и использование гаджетов для удовлетворения социальных потребностей позволили снизить негативные последствия самоизоляции [3; 13].

Одним из феноменов, проявляющихся в цифровой социальной среде и сходных с реальным взаимодействием, является самопрезентация или представление собственного образа в социальной сети. Самопрезентация в социальном взаимодействии первоначально описана И. Гофманом [6] и понимается как тактика предоставления информации и процесс управления ею для создания впечатления о себе. Согласно когнитивному подходу, самопрезентация объясняется стремлением к достижению согласованного и последовательного взгляда на мир и на себя (например, в теории когнитивного баланса Ф. Хайдера). В личностном подходе самопрезентация определяется диспозиционными факторами и может рассматриваться как самостоятельная черта или как характеристика, состоящая из более частных черт, связанных с различными аспектами управления впечатлением о себе и направленностью на других (например, в концепции самомониторинга М. Снайдера (M. Snyder)) [10; 14].

Распространение социальных сетей привело к возникновению концепций, объясняющих цифровую самопрезен-

тацию, и инструментов, позволяющих измерить аспекты самопрезентации. В частности, М. Михикян и коллеги [27] рассматривают самопрезентацию на основе теории идентичности Э. Эрикссона и когнитивного подхода к Я-концепции С. Хартера и Е. Хиггинса (S. Harter, T.E. Higgins) [27], выделяя в самопрезентации три Я: реальное, идеальное и фальшивое. При этом фальшивое Я разделяется на: Я-обманное, Я-демонстративное и Я-стремящееся понравиться. Разные Я могут быть одновременно представлены в самопрезентации и не противопоставляться друг другу.

Исследователи используют различные определения самопрезентации в социальных сетях, подчеркивая отдельные аспекты данного феномена. В данном исследовании самопрезентация в социальной сети рассматривается как способ представления информации пользователем социальной сети для создания и управления впечатлением о себе. Самопрезентация в социальных сетях реализуется через представление различной (реалистичной или нереалистичной) информации в сетях и может преследовать различные цели – от простых информационных до стремления обмануть, создав нереалистичный образ. В данной работе акцент делается на фальшивой самопрезентации в социальной сети, выделенной на основе работы М. Михикяна и коллег [27], которая включает три аспекта – обманную самопрезентацию, демонстративную самопрезентацию и стремление понравиться. Обманная самопрезентация направлена на создание образа, значительно отличающегося от реального, или даже представление себя другим человеком. Демонстративная самопрезентация заключается в стремлении показать больше характеристик индивидуальности независимо от того, есть ли они

у человека на самом деле или нет. Стремление понравиться как аспект самопрезентации в социальной сети направлено на предъявление только тех характеристик, которые вызовут положительную реакцию у аудитории.

Пользователями социальных сетей во всем мире являются подростки и молодые люди, поэтому значительная доля фактов относительно цифровой самопрезентации получена на выборке этой возрастной группы. Особенности самопрезентации подростков связаны с динамичностью самооценки, противоречием в принятии себя и ситуативно-отрицательным отношением к собственной личности. В результате в их реальной и виртуальной самопрезентации увеличивается стремление управлять впечатлением, демонстрируя нереалистичный образ себя. Однако по мере стабилизации самооценки самопрезентация становится все более реалистичной и позитивной (например, [16]). По результатам качественного исследования особенностей самопрезентации подростков в социальной сети выявлено, что подростки, в отличие от юношей, склонны кискажению информации в социальной сети, но при этом в юношеском возрасте в большей степени выражена самопрезентация, направленная на демонстрацию собственных достижений и желание понравиться [12].

Обнаруженные на выборке студентов половые различия показывают, что виды самопрезентации – реалистичная, идеализированная или ложная – выражены больше у женщин [5]. При этом навязчивое использование социальных сетей, проявление поведения, близкого к зависимому от сетей, являются фактором, способствующим идеализированной и ложной самопрезентации, но снижающим реалистичную самопрезентацию, что может быть связано с желания-

ием получить одобрение от аудитории и усиливающейся зависимостью от одобрения [8].

Исследования личностных характеристик и особенностей самопрезентации у студентов показывают, что одни черты личности (например, нарциссизм, психопатия и макиавеллизм) усиливают стремление представить нереалистичный образ и манипулировать представлением о себе, тогда как реалистичный образ в большей степени связан с экстраверсией, сознательностью, открытостью и нарциссизмом [5; 8; 16]. При исследовании реалистичной демонстративной самопрезентации обнаружено, что она связана со стремлением к демонстрации совершенства, причем как для других, так и для самого себя, тогда как фальшивая обманная самопрезентация ставит цель скрыть какие-то характеристики от других или представить характеристики, которых нет [8].

В основе самопрезентации могут быть мотивы поиска социального одобрения и поддержки, в том числе от незнакомых людей, поиска близости с другими и социального контроля, проявляющегося через реакции общества на презентацию себя [23]. Самопрезентация может рассматриваться и как самостоятельный мотив использования социальных сетей. Так, мотив самопрезентации наиболее выражен в ситуации, когда необходимо представить более привлекательную или альтернативную социальную идентичность для компенсации принадлежности к группе с низким статусом. В таком случае мотив самопрезентации сливается с мотивом принадлежности к группе [16].

Множество исследований онлайн-самопрезентации уделяют внимание тому, как связаны характеристики самопрезентации (идеальной или реалистичной) с самооценкой, использованием социальных

сетей или ресурсов сети Интернет, однако вне исследовательского поля остается вопрос об обмане в самопрезентации. Вместе с тем многие авторы подчеркивают, что онлайн-самопрезентация может формировать нереалистичный образ за счет больших возможностей манипулирования виртуальным образом. В связи с этим в данном исследовании основной акцент был сделан на особенностях самопрезентации, которые описывают различные стратегии представления фальшивого Я и их связи с формальными и содержательными характеристиками использования социальных сетей и показателями психологического благополучия.

На основании обзора современных исследований можно выдвинуть следующие предположения:

1. Предыдущие исследования показали, что особенности организации индивидуального профиля социальных сетей могут оказывать влияние на то, как осуществляется самопрезентация [24]. В некоторых международных социальных сетях пользователи стремятся создать более деловой образ в связи с более взрослой аудиторией или более открытый и раскованный, например, за счет демонстрации различных фотографий. Социальная сеть «ВКонтакте» занимает промежуточное положение, так как в ней взаимодействие подростков идет как со сверстниками, так и с известными людьми [9]. *Это позволяет предполагать, что в зависимости от социальной сети будут наблюдаться различия в самопрезентации.*

2. Использование социальных сетей снижается по мере сформированности образа Я: подростки меньше экспериментируют с виртуальными идентичностями, становятся менее эмоционально привязанными и меньше используют социальные сети. *В контексте феномена самопрезентации можно полагать, что*

большее стремление к фальшивой самопрезентации образа Я будет связано с большей интеграцией социальных сетей в ежедневную активность подростков.

3. Исследования частоты и мотивов использования социальных сетей показывают их отрицательную связь с самооценкой, однако эта связь определяется спецификой мотива использования социальной сети и может не проявляться, например, при выраженности мотивов публикации собственного контента [19; 33]. Учитывая то, что самооценка положительно связана с реалистичной самопрезентацией и достоверностью образа Я [4], *можно полагать, что характеристики фальшивой самопрезентации могут обнаруживать специфические связи с мотивами использования социальных сетей.*

4. Обман в самопрезентации вызван социальными мотивами, например, стремлением к популярности и одобрению, что особенно важно для подростков [26], а не стремлением обмануть, что в результате приводит к демонстрации себя в более позитивном свете [25]. Кроме того, было установлено, что обман может являться индикатором негативных эмоциональных переживаний, состояний и одиночества в подростковом возрасте [22], *поэтому можно ожидать, что подростки, использующие фальшивую самопрезентацию, будут в большей степени переживать одиночество и оторванность от других.* Учитывая это, интерес представляет рассмотрение параметра открытости профиля как индикатора готовности к новым контактам, а также его связь с мотивами установления новых контактов.

Целью данного исследования является выявление взаимосвязей характеристик фальшивой самопрезентации в социальной сети с формальными (время, проводимое в социальных сетях, количество социальных сетей), содержательны-

ми характеристиками использования социальных сетей (мотивы использования социальных сетей и интеграция социальных сетей в ежедневную активность) и одиночеством.

Метод

Выборку исследования составили 432 подростка в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15,6$; $SD = 1,18$), 54% девушки, проживающие в крупных городах (от 250000 до 1 млн человек) Российской Федерации. Среди всех респондентов 41% используют социальную сеть «ВКонтакте» как основную.

Исследование проводилось онлайн, участникам исследования предлагалась ссылка, пройдя по которой они попадали на страницу опроса в системе testograf.ru. Прохождение опроса занимало от 30 минут. Исследование проводилось анонимно. Участники давали информированное согласие на участие в исследовании.

Методики исследования

Фальшивая самопрезентация измерялась при помощи вопросов «Шкалы самопрезентации в социальной сети», разработанной М. Михикяном с коллегами [8; 27]. В связи с тем, что данная шкала не существует в версии для подростков, для данного исследования были выбраны вопросы, относящиеся к различным аспектам фальшивого Я – обман (например, «Бывает так, что в социальной сети я делаю вид, что я кто-то другой»); демонстративность (например, «В социальной сети я могу показать гораздо больше сторон своей личности, чем в реальной жизни»); стремление понравиться (например, «В социальной сети я показываю только те стороны своей личности, которые наверняка понравятся другим людям»). Выбор вопросов был основан на факторной структуре опросника, полу-

ченной при адаптации на российской выборке взрослых [8]. Для ответов используется шкала Лайкера от 1 – полностью не согласен до 5 – полностью согласен. Каждый вопрос рассматривался как самостоятельный показатель – *Обманная самопрезентация*, *Демонстративная самопрезентация*, *Стремление понравиться*, также был подсчитан суммарный *Общий показатель фальшивой самопрезентации* (альфа Кронбаха – 0,71).

Участникам исследования были предложены четыре вопроса о *формальных характеристиках использования социальных сетей*: 1) время, проводимое в социальной(ых) сети(ях), где от респондента требовалось указать среднее количество часов в день, проводимых в социальных сетях; 2) количество друзей в социальных сетях, с указанием количества человек; 3) количество социальных сетей – подсчитывалось по количеству выбранных социальных сетей из списка в 11 пунктов, включая вариант «Другое»; 4) открытость профиля в социальной сети предполагает варианты ответов в соответствии с предложенной шкалой – полностью открытый, частично закрытый, полностью закрытый.

Для оценки степени ежедневной активности в социальной сети, включенной подростка в социальную сеть использовалась *Шкала интеграции социальных медиа*, апробированная в нашем прошлом исследовании [7]. Шкала содержит 10 пунктов с вариантами ответа по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен). Шкала позволяет диагностировать поведенческую интеграцию (пример пункта: «Использование социальной сети – часть моей повседневной жизни»), социально-эмоциональную интеграцию (пример пункта: «Я чувствую себя оторванным от друзей, если я не “захожу” в социальную сеть»)

и общий показатель интеграции социальных медиа. Надежность шкал, альфа Кронбаха для данного исследования — 0,74, 0,76 и 0,84 соответственно.

Мотивы использования социальной сети были диагностированы на основе утверждений, разработанных Х. Бруггеман (H. Bruggeman) с коллегами, утверждения методики показали свои хорошие диагностические возможности в исследованиях на подростках [3]. Утверждения методики соответствуют четырем мотивам: коммуникативному (быть на связи с другими), коммуникативно-познавательному (узнавать новых людей), игровому (играть в игры) и мотиву самопрезентации (публикация собственных мыслей, текстов, фотографий). Респондентам предлагается оценить по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 5 (совершенно согласен), насколько каждый из мотивов реализуется им в социальной сети, отвечая на общий вопрос — «Я использую социальную сеть, чтобы ... (например, быть на связи с другими)». Каждое утверждение рассматривается как самостоятельный показатель.

Общее переживание одиночества измерялось при помощи опросника «*Trexh-*

пунктовая шкала одиночества» [32]. Шкала включает три вопроса с вариантами ответа 1 — почти никогда, 2 — иногда, 3 — часто. Надежность шкалы (альфа Кронбаха) для данного исследования — 0,84.

Для анализа отклонения распределения данных от нормального использовались методы описательной статистики, для установления связей между переменными — корреляционный анализ по Пирсону, для анализа различий между группами — сравнительный t-критерий для независимых групп, для анализа моделей и установления вкладов отдельных предикторов в целевую переменную — множественный регрессионный анализ. Статистический анализ проводился в программе Jamovi [34].

Результаты

На первом этапе обработки данных средствами описательной статистики оценивались центральные тенденции измеряемых показателей и анализировались значения асимметрии и эксцесса ($As < |2|$, $Ex < |2|$), которые свидетельствовали о нормальном распределении показателей [11] (см. табл. 1).

Таблица 1
Описательные статистики исследуемых показателей

Показатели	Среднее	SE	SD	Асимметрия	Эксцесс
Обманная самопрезентация	2,00	0,05	1,02	0,97	0,40
Демонстративная самопрезентация	2,51	0,06	1,18	0,38	-0,73
Стремление понравиться	2,43	0,05	1,10	0,37	-0,55
Социально-эмоциональная интеграция социальных сетей	5,24	0,08	1,60	0,07	-0,24
Поведенческая интеграция социальных сетей	3,41	0,04	0,73	-0,51	0,40
Интеграция социальных сетей (общий показатель)	4,33	0,05	1,06	-0,12	-0,03
Быть на связи со знакомыми людьми (мотив)	3,88	0,05	0,94	-0,82	0,77

Показатели	Среднее	SE	SD	Асимметрия	Эксцесс
Узнавать новых людей (мотив)	3,27	0,05	1,05	-0,21	-0,50
Играть в игры (мотив)	2,70	0,06	1,34	0,22	-1,15
Публикация собственной информации (мотив)	3,07	0,06	1,20	-0,24	-0,79
Одиночество	2,26	0,05	1,03	0,78	-0,26
Количество социальных сетей	4,31	0,07	1,54	0,32	0,30
Время, проводимое в социальной сети	3,57	0,12	2,42	1,69	4,76
Количество друзей в социальных сетях	117,93	8,76	182,08	3,17	11,89

Примечание: SE — стандартная ошибка среднего; SD — стандартное отклонение.

Значительное отклонение от нормального распределения и правосторонняя асимметрия наблюдаются для показателя «Количество друзей в социальных сетях», что связано с большим разбросом значений (до 1070) и тем, что 75% выборки указывает наличие 150 друзей.

Взаимосвязи фальшивой самопрезентации с формальными характеристиками и мотивами использования социальных сетей и одиночеством

Характеристики фальшивой самопрезентации обнаружили следующие взаимосвязи — стремление понравиться положительно связано со стремлением к демонстративности ($r (439) = 0,41$; $p < 0,001$), в свою очередь, стремление к обману положительно связано со стремлением понравиться ($r (439) = 0,47$; $p < 0,001$) и проявить демонстративность ($r (439) = 0,45$; $p < 0,001$).

Было проведено сравнение различий в характеристиках фальшивой самопрезентации в связи с предпочтаемой социальной сетью, однако значимых различий не обнаружено: демонстративная самопрезентация ($F (1, 393) = 1,361$; $p = 0,244$), обманная самопрезентация ($F (1, 393) = 0,323$; $p = 0,570$) и стремление понравиться ($F (1, 359) = 0,343$; $p = 0,558$).

Формальные характеристики использования социальных сетей демонстрируют положительные связи с характеристиками фальшивой самопрезентации. В частности, количество социальных сетей у подростка положительно связано со стремлением понравиться и демонстративностью в презентации собственного Я в социальных сетях, а время, проводимое в социальных сетях, кроме положительных связей со стремлением понравиться и демонстративной самопрезентацией, связано и со стремлением к обману в презентации себя (см. табл. 1).

Мотивы использования социальных сетей, направленные на установление контакта с новыми людьми, развлекательные мотивы и мотивы публикации собственного контента обнаруживают положительные взаимосвязи со стремлением понравиться и демонстративной самопрезентацией. Развлекательный, игровой мотив обнаруживает только одну взаимосвязь со стремлением к обману в самопрезентации.

Для всех характеристик фальшивой самопрезентации обнаружены отрицательные взаимосвязи с показателем счастья и положительные — с показателем одиночества (см. табл. 2).

Открытость профиля и фальшивая самопрезентация

Для установления связей между открытостью профиля и характеристиками

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи характеристики фальшивой самопрезентации с другими исследуемыми характеристиками

Показатели	Фальшивая самопрезентация		
	Стремление понравиться	Демонстративная самопрезентация	Обманная самопрезентация
Количество социальных сетей	0,127**	0,175***	0,067
Время, проводимое в социальной сети	0,144**	0,207***	0,214***
Количество друзей в социальных сетях	0,091	-0,033	-0,016
Социально-эмоциональная интеграция социальных сетей	0,344***	0,312***	0,185***
Поведенческая интеграция социальных сетей	0,250***	0,319***	0,110*
Интеграция социальных сетей (общий показатель)	0,345***	0,344***	0,177***
Быть на связи со знакомыми людьми (мотив)	0,084	-0,014	-0,029
Узнавать новых людей (мотив)	0,156**	0,128**	0,049
Играть в игры (мотив)	0,171***	0,166***	0,142**
Публикация собственной информации (мотив)	0,204***	0,143**	0,071
Одиночество	0,182***	0,314***	0,295***

Примечание: ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

фальшивой самопрезентации был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) (см. табл. 3). В результате анализа был выявлен основной эффект открытости профиля в социальной сети на стремление понравиться ($F(2, 263) = 7,03; p = 0,001$) и для демонстративной ($F(2, 266) = 5,41; p = 0,005$), но не для обманной ($F(2, 266) = 2,51; p = 0,08$) самопрезентации.

Апостериорные сравнения показали, что в стремлении понравиться в социальной сети ($t(312) = 2,57; p = 0,03; d = 0,3$) и по показателям демонстративной самопрезентации ($t(313) = 3,22; p = 0,004; d = 0,35$) между собой различаются группы с полностью открытым и полностью закрытым профилем. Также в стремлении понравиться отличаются

группы с полностью закрытым и частично закрытым профилем ($t(229) = 3,61; p = 0,001; d = 0,45$), размеры эффектов средние. В целом тенденция такова, что большая открытость профиля предполагает большую фальшивую самопрезентацию.

Различий в характеристиках фальшивой самопрезентации в связи с полом обнаружено не было, а возраст респондентов обнаруживает единственную отрицательную корреляцию с стремлением к обманной самопрезентации ($r(432) = -0,141; p < 0,001$).

Вклад различных характеристик в фальшивую самопрезентацию

Учитывая сходство в корреляционных взаимосвязях отдельных характеристик

Таблица 3

Средние и стандартные отклонения характеристик фальшивой самопрезентации в группах с различной открытостью профиля в социальной сети

Характеристики фальшивой самопрезентации	Открытость профиля в социальной сети					
	Полностью открытый (N = 175)		Частично закрытый (N = 111)		Полностью закрытый (N = 146)	
	Среднее	SD	Среднее	SD	Среднее	SD
Стремление понравиться	2,49	1,087	2,68	1,121	2,18	1,055
Демонстративная само-презентация	2,68	1,189	2,57	1,157	2,26	1,139
Обманная самопрезентация	2,03	1,077	2,12	1,016	1,86	0,932

Примечание: SD – стандартное отклонение.

фальшивой самопрезентации, был подсчитан общий показатель фальшивой самопрезентации. Был сделан регрессионный анализ, в который в качестве зависимой переменной включался общий показатель фальшивой самопрезентации, а в качестве предикторов: шаг 1 — пол, возраст, количество социальных сетей и время, проводимое в них; шаг 2 — показатель интеграции социальных сетей, мотивы использования социальных сетей; шаг 3 — показатель одиночества. Тест Дарбина-Уотсона показал отсутствие автокорреляций остатков (*DW statistics* = 1,95; $p = 0,610$). Показатели коллинеарности вошедших в модель предикторов оказались удовлетворительными: толерантность $> 0,70$, коэффициент взаимодействия дис-

персии $VIF < 2,00$. Это свидетельствует об уникальности вклада каждой переменной в полученную модель.

Модель на первом шаге имела следующие показатели пригодности $R^2\text{-adjusted} = 0,07$; $F(4, 424) = 9,63$; $p < 0,001$, на втором — $R^2\text{-adjusted} = 0,18$; $F(9, 419) = 11,32$; $p < 0,001$, при этом включение дополнительных предикторов значимо повысило объяснимость модели $\Delta R^2 = 0,11$; $F(5, 419) = 11,7$; $p < 0,001$. На третьем шаге для показателя фальшивой самопрезентации была построена модель, объясняющая 24% дисперсии ($R^2\text{-adjusted} = 0,24$; $F(10, 418) = 14,68$; $p < 0,001$), при значимости включения последнего предиктора ($\Delta R^2 = 0,06$; $F(1, 418) = 36,3$; $p < 0,001$) (см. табл. 4).

Таблица 4

Итоговая модель результатов регрессионного анализа для общего показателя фальшивой самопрезентации

Предиктор	β	SE	t	p	Статистика коллинеарности	
					VIF	Толерантность
Свободный член	1,34	0,58	2,297	0,022		
Возраст	-0,06	0,03	-1,46	0,145	1,04	0,96
Пол	-0,04	0,08	-0,925	0,355	1,18	0,85
Время, проводимое в социальной сети	0,15	0,02	3,479	0,001	1,08	0,92

Предиктор	β	SE	t	p	Статистика коллинеарности	
					VIF	Толерантность
Количество социальных сетей	0,01	0,03	0,19	0,85	1,13	0,88
Интеграция социальных сетей	0,25	0,04	5,412	0,001	1,25	0,80
Узнавать новых людей (мотив)	0,01	0,04	0,297	0,767	1,37	0,73
Играть в игры (мотив)	0,13	0,03	2,867	0,004	1,16	0,86
Публикация собственной информации (мотив)	0,06	0,04	1,277	0,202	1,35	0,74
Быть на связи со знакомыми людьми (мотив)	-0,07	0,04	-1,46	0,145	1,18	0,84
Одиночество	0,27	0,04	6,027	0,001	1,12	0,90

Примечание: β – стандартизованный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка; t – значение критерия, основанное на t распределении Стьюдента; p – уровень значимости; VIF – коэффициент вздутия дисперсии.

В качестве значимых предикторов модели фальшивой самопрезентации вошли: время, проводимое в социальных сетях, показатель интеграции социальных сетей, игровой мотив и показатель одиночества. При этом наибольший прирост объясности модели происходит при добавлении мотивов использования социальных сетей и показателя интеграции социальных сетей в ежедневную активность.

Обсуждение результатов

Данное исследование ставило целью рассмотреть характеристики фальшивой самопрезентации в связи с формальными и содержательными характеристиками использования социальных сетей, показателем одиночества у подростков.

Характеристики фальшивой самопрезентации (демонстративная самопрезентация, обманная самопрезентация и стремление понравиться) положительно связаны между собой, что позволяет полагать, что стремление представить нереалистичное Я усиливает как проявления демонстративности, так и прямого обмана. Обнаруженные взаимосвязи между отдельными характеристиками фальшивой самопрезентации согласуются с

данными, полученными в исследовании М. Михикяна и коллег, где были установлены положительные связи шкал Стремление понравиться, Демонстративная и Обманная самопрезентация [27].

Предположение относительно различий в характеристиках фальшивой самопрезентации в связи с предпочтаемой социальной сетью не получило поддержку, в отличие от предыдущих исследований. Однако в данном исследовании рассматривались только характеристики фальшивой самопрезентации, тогда как в других были и характеристики реалистичной самопрезентации [24]. Возможно, более детальное сравнение различных социальных сетей и реалистичной, и фальшивой самопрезентации позволит уточнить эти факты.

Формальные характеристики использования социальных сетей, представленные в данной работе, обнаруживают специфические взаимосвязи с характеристиками фальшивой самопрезентации. Количество социальных сетей, которыми пользуется подросток, связано со стремлением к самопрезентации, ориентированной на идеализированный образ, и стремлением понравиться, но

не на обманную самопрезентацию. Большее количество социальных сетей и, соответственно, профилей в них приводит к реализации различных характеристик самопрезентации. Можно предположить, что при использовании различных социальных сетей и особенностей самопрезентации происходит «сборка» цифровой идентичности [15]. Так идет создание виртуального образа, насыщенного характеристиками, которые в обычной жизни подросток не показывает и которые получат социальное одобрение.

Время, проводимое в социальных сетях, связано со всеми характеристиками фальшивой самопрезентации. Это в некоторой степени согласуется с результатами исследования, в котором было обнаружено, что одним из факторов противоречивости образов Я в социальных сетях выступает частота использования социальных сетей [26].

Предположение о связях интеграции социальной сети в ежедневную активность и характеристик фальшивой самопрезентации в социальной сети получило поддержку. Выявлены положительные взаимосвязи для всех характеристик фальшивой самопрезентации (демонстративность, стремление понравиться или обман) с показателями интеграции социальных сетей в повседневную жизнь. Интеграция социальных сетей в повседневную активность является основным предиктором фальшивой самопрезентации в социальной сети, что позволяет предполагать, что по мере использования социальных сетей во временном и содержательном планах подросток научается новым способам самопрезентации в социальных сетях. Это согласуется с фактами о том, что самопрезентация подростков во многом является шаблонной [18] не только потому, что социальные сети устроены сходным образом или тре-

буют от пользователей одних и тех же сведений, но и в силу просмотра профилей других людей и копирования тех же способов самопрезентации.

Специфичность мотивов использования социальных сетей в связи с характеристиками фальшивой самопрезентации проявилась только в отношении мотива установления новых контактов, который обнаруживает связи со стремлением понравиться и демонстративностью. Отсутствие связей с обманом может объясняться тем, что представление неправдивой информации является рискованным, так как может привести к отказу от дальнейшего взаимодействия и сформировать негативный образ обманщика, который будет трудно исправить [26]. Мотив поддержания связи не связан с характеристиками фальшивой самопрезентации. Вероятно, фальшивая самопрезентация направлена на новых людей, на глобальную аудиторию социальной сети. Косвенно это подтверждает и отсутствие связей количества друзей с характеристиками фальшивой самопрезентации. Вероятно, желание понравиться, произвести впечатление и демонстративность в самопрезентации являются проявлением стремления подростков экспериментировать со своей виртуальной идентичностью [18]. Интерес представляет то, что игровой мотив является единственным «мотивационным» предиктором фальшивой самопрезентации в социальной сети. Вероятно, специфичность игровой среды может приводить к представлению образа, в разной степени удаленного от реального, что для игрового виртуального пространства является необходимым [30; 31]. Полученные результаты не подтверждают третье выдвинутое предположение и скорее свидетельствуют о сходстве мотивов независимо от того, какая характеристика фальшивой самопрезентации рассматривается.

Предположение относительно связи одиночества с характеристиками фальшивой самопрезентации в социальных сетях получило свою поддержку. Одиночество действительно является характеристикой, связанной как с отдельными аспектами фальшивой самопрезентации, так и в целом, выступая одним из наиболее значимых предикторов. В контексте связей мотивов установления новых знакомств, распространения информации о себе и высокой интеграции социальных сетей в ежедневную активность связи одиночества с самопрезентацией становится объяснимыми. Подросток, переживающий оторванность от других, может стремиться компенсировать это активностью в социальной сети, а стремление к социальной поддержке и приятию может приводить к стремлению создать виртуальный привлекательный, но фальшивый образ [20; 29]. При этом большая открытость профиля как еще одно из возможных проявлений стремления уйти от одиночества также связана с большим обманом и манипуляцией впечатлением о себе.

Рассматривая модель предикторов общего показателя фальшивой самопрезентации, следует отметить, что одиночество наряду с общим показателем интеграции социальных сетей в ежедневную активность являются предикторами со значительными весами в сравнении с другими переменными в модели. Также предикторами общей фальшивой самопрезентации являются время, проводимое в социальных сетях, и игровой мотив — все эти факторы оказываются значимыми для создания нереалистичного виртуального образа.

Выводы

Подводя итог, можно констатировать следующее:

1. Создание виртуального образа или виртуальной идентичности идет при участии характеристик фальшивой самопрезентации. Такая самопрезентация ориентирована на создание образа в социальной сети, не соответствующего реальному, и описывает стремление к демонстративности идеализированного образа, желание понравиться или обмануть.

2. Формальные характеристики использования социальных сетей обнаруживают сходные взаимосвязи со стремлением понравиться и показать идеализированный образ в социальной сети, но не со стремлением создать обманный образ. Среди исследованных формальных характеристик только время, проводимое в социальных сетях, вносит вклад в фальшивую самопрезентацию.

3. Независимо от того, какой аспект фальшивой самопрезентации рассматривается, активность и интенсивность ежедневного использования социальных сетей предрасполагают к большей демонстрации нереалистичного образа.

4. Среди мотивов использования социальных сетей мотивы, связанные с узнаванием новых людей, больше связаны с фальшивой самопрезентацией, в отличие от мотивов поддержания связей. Игровой мотив оказывается единственным мотивационным предиктором для фальшивой самопрезентации, вероятно, в силу максимальной оторванности игрового образа от реальности.

5. Одиночество является характеристикой, в наибольшей степени предрасполагающей к фальшивой самопрезентации. Подростки, переживающие одиночество, склонны создавать социально одобряемый привлекательный виртуальный образ, используя особенности социальных сетей, в частности, открытость или закрытость профиля для самопрезентации.

Ограничения исследования

Данное исследование является одним из немногих, посвященных проблеме фальшивой самопрезентации подростков в социальных сетях, в связи с этим требуются дополнительные исследования для воспроизведения полученных фактов.

В качестве ограничений исследования следует отметить, что, во-первых, исследование выполнено как корреляционное и в связи с этим интерпретация результатов ограничена; во-вторых, использованы самоотчетных методик актуализирующие вопрос о социальной желательности,

характерный для всех методик такого типа; в-третьих, использовался скрининговый метод для диагностики самопрезентации, разработанный в рамках одного из подходов к самопрезентации в социальных сетях, что ограничивает диагностические и интерпретационные возможности раскрытия содержания феномена самопрезентации в социальных сетях; в-четвертых, исследовалась только фальшивая самопрезентация, что не позволяет провести сравнение со стремлением представить реалистичный образ в социальных сетях.

Литература

1. Абакумова И.В., Комерова Н.Е., Рягин С.Н. Психологические особенности переживания студентами ограничения доступа к социальным сетям // Российский психологический журнал. 2023. № 20(1). С. 33–49. DOI:10.21702/грj.2023.1.3
2. Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Удовлетворенность общением подростков и молодежи во время пандемии COVID-19 // Национальный психологический журнал. 2023. № 2(50). С. 66–78. DOI:10.11621/prj.2023.0205
3. Веракса А.Н., Корниенко Д.С., Чурсина А.В. Мотивы использования соцсетей, факторы онлайн-риска и психологическое благополучие подростков в связи с интеграцией социальных сетей в ежедневную активность // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 4. С. 30–46. DOI:10.21702/грj.2021.4-3
4. Воробьева К.И., Заславский Д.А. Взаимосвязь самооценки и стратегий самопрезентации и конструирования сетевого Я-образа пользователей социальных сетей // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 4. С. 1569–1582. DOI:10.17150/2411-6262.2023.14(4)
5. Горбушина Е.А. Особенности самопрезентации в социальных сетях с учетом половых различий // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 90. С. 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1434> (дата обращения: 10.05.2024).
6. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалёва. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково-поле, 2000. 304 с.
7. Корниенко Д.С., Фоминых А.Я., Веракса А.Н. [и др.]. Интеграция социальных медиа в ежедневную активность подростков при разных уровнях саморегуляции // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 1(106). С. 130–145. DOI:10.15507/1991-9468.106.026.202201.130-145
8. Корниенко Д.С., Горбушина Е.А., Руднова Н.А., Дериши Ф.В. Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 75. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/153> (дата обращения: 10.05.2024).
9. Кришталь М.И., Щекотуров А.В. Мотивы и особенности кросс-платформенной самопрезентации российских студентов // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 24–30.
10. Михайлова Е.В. Самопрезентация. Теории, исследования, тренинг. СПб: Речь, 2007. 224 с.
11. Наследов А.Д. SPSS 15: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2008. 416 с.

12. *Овчарова Р.В.* Самопрезентация личности подростков и юношей в социальной сети // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3(83). С. 74–79.

13. *Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Шишкова И.М., Дорохов Е.А.* Представления о пандемии COVID-19 и психологический дистресс у граждан России весной 2020 года // Consortium Psychiatricum. 2022. Т. 3. № 2. С. 70–86. DOI:10.17816/CP136

14. *Пикулёва О.А.* Психология самопрезентации личности: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. 320 с.

15. *Полева Н.С., Голубева Н.А.* Особенности конструирования цифровой самопрезентации в виртуальном пространстве // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 6. С. 102–111.

16. *Припорова Е.А., Агадуллина Е.Р.* Социальные мотивы использования социальных сетей: анализ групп пользователей // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 96–111. DOI:10.17759/sps.2019100407

17. *Рубцова О.В., Панфилова А.С., Смирнова В.К.* Исследование взаимосвязи личностных особенностей подростков с их поведением в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 54–66. DOI:10.17759/pse.2018230305

18. *Рубцова О.В., Поскаkalova Т.А., Ширяева Е.И.* Особенности поведения в виртуальной среде подростков с разным уровнем сформированности «образа Я» // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 4. С. 20–33. DOI:10.17759/pse.2021260402

19. *Суроедова Е.А., Давыдова М.А., Гришина А.В.* Молодые люди и Интернет: субъективные факторы выбора стратегий онлайн-поведения // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20(3). С. 29–47. DOI:10.21702/rpj.2023.3.2

20. *Щекотуров А.В.* «Макдональдизация» российского подростка: эффект социальных медиа // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 1. С. 159–172. DOI:10.5840/dspl20192116

21. *Blachnio A., Przepiorka A., Boruch W., Balakier E.* Self-presentation styles, privacy, and loneliness as predictors of Facebook use in young people // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 94. P. 26–31.

22. *Engels R.C.M.E., Finkenauer C., van Kooten D.C.* Lying behavior, family functioning and adjustment in early adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 2006. Vol. 35. P. 949–958.

23. *Geary C., March E., Grieve R.* Insta-Identity: Dark Personality Traits as Predictors of Authentic Self-Presentation on Instagram // Telematics and Informatics. 2021. Vol. 63. P. 101669. DOI:10.1016/j.tele.2021.101669

24. *Gil-Or O., Levi-Belz Y., Turel O.* The “Facebook-self”: Characteristics and psychological predictors of false self-presentation on Facebook // Frontiers in psychology. 2015. Vol. 6. P. 126331. DOI:10.3389/fpsyg.2015.00099

25. *Hancock J.T.* Digital deception // Oxford handbook of internet psychology. 2007. Vol. 61. № 5. P. 289–301.

26. *Mann R.B., Blumberg F.* Adolescents and social media: The effects of frequency of use, self-presentation, social comparison, and self esteem on possible self imagery // Acta Psychologica. 2022. Vol. 228. P. 103629.

27. *Michikyan M., Subrahmanyam K., Dennis J.* Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults // Computers in Human Behavior. 2014. Vol. 33. P. 179–183. DOI:10.1016/j.chb.2014.01.010

28. *Mun I.B., Kim H.* Influence of false self-presentation on mental health and deleting behavior on Instagram: The mediating role of perceived popularity // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12 P. 660484. DOI:10.3389/fpsyg.2021.660484

29. *O'Day E.B., Heimberg R.G.* Social media use, social anxiety, and loneliness: A systematic review // Computers in Human Behavior Reports. 2021. Vol. 3. P. 100070. DOI:10.1016/j.chbr.2021.100070

30. Park S., Chung N. Mediating roles of self-presentation desire in online game community commitment and trust behavior of Massive Multiplayer Online Role-Playing Games // Computers in Human Behavior. 2011. Vol. 27. № 6. P. 2372–2379. DOI:10.1016/j.chb.2011.07.016
31. Pringle H.M. Conjuring the ideal self: An investigation of self-presentation in video game avatars // Press Start. 2015. Vol. 2. № 1. P. 1–20.
32. Sirola A., Kaakinen M., Savolainen I., Oksanen A. Loneliness and online gambling-community participation of young social media users // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 95. P. 136–145. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.023
33. Steinsbekk S., Wichstrøm L., Stenseng F., Nesi J., Hygen B.W., Skalick V. The impact of social media use on appearance self-esteem from childhood to adolescence—A 3-wave community study // Computers in Human Behavior. 2021. Vol. 114. P. 106528. DOI:10.1016/j.chb.2020.106528
34. The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. Retrieved from www.jamovi.org.

References

1. Abakumova I.V., Komerova N.E., Ryagin S.N. Psikhologicheskie osobennosti perezhivaniya studentami ograniceniya dostupa k sotsial'nym setyam [Psychological characteristics create restrictions on students' access to electrical networks]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 33–49. DOI:10.21702/rpj.2023.1.3
2. Baranova V.A., Dubovskaya E.M., Savina O.O. Uдовлетворенность общения подростков и молодежи во время пандемии COVID-19 [Satisfaction with communication among adolescents and young people during the COVID-19 pandemic]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2023. Vol. 2, no. 50, pp. 66–78. DOI:10.11621/npj.2023.0205
3. Veraksa A.N., Kornienko D.S., Chursina A.V. Motivy ispol'zovaniya sotssetei, faktory onlain-riska i psikhologicheskoe blagopoluchie podrostkov v svyazi s integratsiei sotsial'nykh setei v ezhednevnyuyu aktivnost' [Motives for using social networks, online risk factors and psychological well-being of adolescents in connection with the integration of social networks into daily activity]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2021. Vol. 18, no. 4, pp. 30–46. DOI:10.21702/rpj.2021.4-3
4. Vorob'eva K.I., Zaslavskii D.A. Vzaimosvyaz' samootsenki i strategii samoprezentsii i konstruirovaniya setevogo Ya-obraza pol'zovatelei sotsial'nykh setei [The relationship between self-esteem and self-presentation strategies and the construction of network self-images of users of social networks]. *Baikal Research Journal*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 1569–1582. DOI:10.17150/2411-6262.2023.14(4).1569-1582
5. Gorbushina E.A. Osobennosti samoprezentsii v sotsial'nykh setyakh s uchetom polovykh razlichii [Features of self-presentation in social networks taking into account gender symbols]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2023. Vol. 16, no. 90, p. 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1434> (Accessed 10.05.2024).
6. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povednevnoi zhizni [Presenting oneself to others in everyday life]. Per. s angl. A.D. Kovaleva. Moscow: Kanon-press-Ts; Kuchkovo-pole, 2000. 304 p.
7. Kornienko D.S., Fominykh A.Ya., Veraksa A.N. [i dr.]. Integratsiya sotsial'nykh media v ezhednevnyuyu aktivnost' podrostkov pri raznykh urovnyakh samoregulyatsii [Integration of social media into the daily activity of adolescents at different levels of self-regulation]. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*, 2022. Vol. 26, no. 1(106), pp. 130–145. DOI:10.15507/1991-9468.106.026.202201.130-145
8. Kornienko D.S., Gorbushina E.A., Rudnova N.A., Derish F.V. Psikhometricheskie kharakteristiki shkalы samoprezentsii v sotsial'noi seti [Psychometric characteristics of self-presentation indicator in social networks]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2021. Vol. 14, no. 75, pp. 12. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/153> (Accessed 10.05.2024).

9. Krishtal' M.I., Shchekoturov A.V. Motivy i osobennosti kross-platformennoi samoprezentatsii rossiiskikh studentov [Motives and features of cross-platform self-presentation of Russian students]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*, 2021. Vol. 4, no. 1, pp. 24–30.

10. Mikhailova E.V. Samoprezentatsiya. Teorii, issledovaniya, trening Self-presentation. Theories, research, trainings]. Saint Petersburg: Rech', 2007. 224 p.

11. Nasledov A.D. SPSS 15: professional'nyi statisticheskii analiz dannykh [SPSS 15: professional statistical data analysis]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 416 p.

12. Ovcharova R.V. Samoprezentatsiya lichnosti podrostkov i yunoshiei v sotsial'noi seti [Self-presentation of adolescents and youth in social networks]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2021. Vol. 3, no. 83, pp. 74–79.

13. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., Konyukhovskaya Yu.E., Shishkova I.M., Dorokhov E.A. Predstavleniya o pandemii COVID-19 i psikhologicheskii distress u grazhdan Rossii vensoi 2020 goda [Ideas about the COVID-19 pandemic and psychological distress among Russian citizens in the spring of 2020]. *Consortium Psychiatricum*, 2022. Vol. 3, no. 2, pp. 70–86. DOI:10.17816/CP136

14. Pikuleva O.A. Psikhologiya samoprezentatsii lichnosti: monografiya [Psychology of personality self-presentation: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2013. 320 p.

15. Poleva N.S., Golubeva N.A. Osobennosti konstruirovaniya tsifrovoi samoprezentatsii v virtual'nom prostranstve [Features of designing digital self-presentations in virtual space]. *Voprosy psichologii = Issues of psychology*, 2021. Vol. 67, no. 6, pp. 102–111.

16. Priporova E.A., Agadullina E.R. Sotsial'nye motivy ispol'zovaniya sotsial'nykh setei: analiz grupp pol'zovatelei [Social motives for using social networks: analysis of user groups]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 96–111. DOI:10.17759/sps.2019100407

17. Rubtsova O.V., Panfilova A.S., Smirnova V.K. Issledovanie vzaimosvyazi lichnostnykh osobennostei podrostkov s ikh povedeniem v virtual'nom prostranstve (na primere sotsial'noi seti «VKontakte») [Study of the relationship between personality traits of adolescents and their behavior in virtual space (using the example of the social network "VKontakte")]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 54–66. DOI:10.17759/pse.2018230305

18. Rubtsova O.V., Poskakalova T.A., Shiryaeva E.I. Osobennosti povedeniya v virtual'noi srede podrostkov s raznym urovnem sformirovannosti «obraza Ya» [Peculiarities of behavior among adolescents with different levels of formation of the "self-image"]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 4, pp. 20–33. DOI:10.17759/pse.2021260402

19. Suroedova E.A., Davydova M.A., Grishina A.V. Molodye lyudi i Internet: sub"ektivnye faktory vybora strategii onlain-povedeniya [Young people and the Internet: alternative factors for choosing strategies for online behavior]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2023. Vol. 20, no. 3, pp. 29–47. DOI:10.21702/rpj.2023.3.2

20. Shchekoturov A.V. «Makdonal'dizatsiya» rossiiskogo podrostka: effekt sotsial'nykh media [“McDonaldization” of a Russian teenager: the effect of social media]. *Cifrovoj uchenyi: laboratoriya filosofa = The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2019. Vol. 2, no. 1, pp. 159–172. DOI:10.5840/dspl20192116

21. Błachnio A., Przepiorka A., Boruch W., Bałakier E. Self-presentation styles, privacy, and loneliness as predictors of Facebook use in young people. *Personality and Individual Difference*, 2016. Vol. 94, pp. 26–31.

22. Engels R.C.M.E., Finkenauer C., van Kooten D.C. Lying behavior, family functioning and adjustment in early adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 2006. Vol. 35, pp. 949–958.

23. Geary C., March E., Grieve R. Insta-Identity: Dark Personality Traits as Predictors of Authentic Self-Presentation on Instagram. *Telematics and Informatics*, 2021. Vol. 63, pp. 101669. DOI:10.1016/j.tele.2021.101669

24. Gil-Or O., Levi-Belz Y., Turel O. The “Facebook-self”: Characteristics and psychological predictors of false self-presentation on Facebook. *Frontiers in psychology*, 2015. Vol. 6, pp. 126331. DOI:10.3389/fpsyg.2015.00099

25. Hancock J.T. Digital deception. *Oxford handbook of internet psychology*, 2007. Vol. 61, no. 5, pp. 289–301.
26. Mann R.B., Blumberg F. Adolescents and social media: The effects of frequency of use, self-presentation, social comparison, and self esteem on possible self imagery. *Acta Psychologica*, 2022. Vol. 228, pp. 103629.
27. Michikyan M., Subrahmanyam K., Dennis J. Can you tell who I am? Neuroticism, extraversion, and online self-presentation among young adults. *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 33, pp. 179–183. DOI:10.1016/j.chb.2014.01.010
28. Mun I.B., Kim H. Influence of false self-presentation on mental health and deleting behavior on Instagram: The mediating role of perceived popularity. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, pp. 660484. DOI:10.3389/fpsyg.2021.660484
29. O'Day E.B., Heimberg R.G. Social media use, social anxiety, and loneliness: A systematic review. *Computers in Human Behavior Reports*, 2021. Vol. 3, pp. 100070. DOI:10.1016/j.chbr.2021.100070
30. Park S., Chung N. Mediating roles of self-presentation desire in online game community commitment and trust behavior of Massive Multiplayer Online Role-Playing Games. *Computers in Human Behavior*, 2011. Vol. 27, no. 6, pp. 2372–2379. DOI:10.1016/j.chb.2011.07.016
31. Pringle H.M. Conjuring the ideal self: An investigation of self-presentation in video game avatars. *Press Start*, 2015. Vol. 2, no.1, pp. 1–20.
32. Sirola A., Kaakinem M., Savolainen I., Oksanen A. Loneliness and online gambling-community participation of young social media users. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 95, pp. 136–145. DOI:10.1016/j.chb.2019.01.023
33. Steinsbekk S., Wichstrøm L., Stenseng F., Nesi J., Hygen B.W., Skalick V. The impact of social media use on appearance self-esteem from childhood to adolescence—A 3-wave community study. *Computers in Human Behavior*, 2021. Vol. 114, pp. 106528. DOI:10.1016/j.chb.2020.106528
34. The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. Retrieved from www.jamovi.org.

Информация об авторах

Корниенко Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Руднова Наталья Александровна, кандидат психологических наук, младший научный сотрудник, ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (ФГБНУ «ФНЦ ПМИ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Information about the authors

Dmitriy S. Kornienko, Doctor of Psychology, Senior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6597-264X>, e-mail: dscorney@mail.ru

Natalia A. Rudnova, PhD in Psychology, Junior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Получена 14.04.2024

Received 14.04.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Вовлеченность в киберсоциализацию молодежи и ее социально-демографические характеристики как предикторы невоплощенности в интернете

Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Кудряшов Д.П.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3913-4661>, e-mail: dmitrii@natfond.ru

Цель. Рассмотреть вовлеченность в киберсоциализацию как предиктор невоплощенности в интернете молодежи.

Контекст и актуальность. Невоплощенность – феномен, который появляется в результате использования интернета и негативно влияет на развитие личности. С другой стороны, использование интернета может давать ресурс для социализации в реальном мире.

Дизайн исследования. После проведения психодиагностического этапа исследования было осуществлено сравнение теоретически выделяемых составляющих невоплощенности в интернете и вовлеченности в киберсоциализацию по контролируемым параметрам – полу, уровню образования, форме трудовой занятости, семейному положению, а также построена регрессионная модель невоплощенности.

Участники. Выборку составили 106 респондентов (26,4% мужчин, 73,6% женщин) в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 22,14$; $SD = 1,6$).

Методы (инструменты). Опросник вовлеченности в киберсоциализацию, методика «Невоплощенность в интернете».

Результаты. Большая часть респондентов имеет средние уровни невоплощенности, а также вовлеченности в киберсоциализацию. Невоплощенность в интернете и вовлеченность в деструктивную киберсоциализацию выше у представителей мужского пола, у респондентов, не состоящих в браке, у нетрудоустроенных, а также у респондентов с незаконченным высшим образованием. Предикторами невоплощенности в интернете являются пол, трудовая занятость и выраженность деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию.

Основные выводы. Невоплощенность в интернете проявляется при деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию. Конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию наблюдается у респондентов, которых можно назвать социализированными в реальной жизни – тех, кто имеет работу и семью. Сетевая активность, направленная на социализацию в реальном мире, может привести к гармоничному существованию у человека реальности и виртуальности, а также социализации в обеих этих сферах.

Ключевые слова: киберсоциализация; конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию; деструктивная вовлеченность в киберсоциализацию; невоплощенность в интернете; молодежь.

Для цитаты: Кочетков Н.В., Кудриашов Д.П. Вовлеченность в киберсоциализацию молодежи и ее социально-демографические характеристики как предикторы невоплощенности в интернете // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 65–81. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150205>

Engagement in the Cyber Socialization of Youth and its Socio-demographic Characteristics as Predictors of Unembodiment on the Internet

Nikita V. Kochetkov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Dmitrii P. Kudriashov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3913-4661>, e-mail: dmitrii@natfond.ru

Objective. *To consider involvement in cyber socialization as a predictor of unembodiment in the Internet among youth.*

Background. *Unembodiment is a phenomenon that appears as a result of using the Internet and negatively affects the development of personality. On the other hand, using the Internet can provide a resource for socialization in the real world.*

Study design. *After the psychodiagnostic stage of the study, the theoretically distinguished components of unembodiment on the Internet and engagement in cybersocialization were compared according to controlled parameters – gender, level of education, form of employment, marital status, and a regression model of unembodiment was built.*

Participants. *The sample consisted of 106 respondents (26,4% men, 73,6% women), aged from 18 to 25 years ($M = 22,14$; $SD = 1,6$).*

Measurements. *The cyber socialization engagement questionnaire, questionnaire “Unembodiment in the Internet”.*

Results. *Most of the respondents have average levels of unembodiment, as well as engagement in cybersocialization. Unembodiment on the Internet and engagement in destructive cybersocialization are higher among males, unmarried respondents, unemployed, as well as among respondents with incomplete higher education. Predictors of unembodiment on the Internet are gender, the form of employment and the severity of destructive engagement in cybersocialization.*

Conclusions. *Unembodiment on the Internet manifests itself with destructive engagement in cybersocialization. Constructive engagement in cybersocialization is observed among respondents who can be called socialized in real life – those who have a job and a family. Network activity aimed at socialization in the real world can lead to a harmonious coexistence of reality and virtuality in a person and socialization in both these spheres.*

Keywords: *cybersocialization; constructive engagement in cybersocialization; destructive engagement in cybersocialization; unembodiment in the Internet; youth.*

For citation: Kochetkov N.V., Kudriashov D.P. Engagement in the Cyber Socialization of Youth and its Socio-demographic Characteristics as Predictors of Unembodiment on the Internet. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 65–81. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150205> (In Russ.).

Введение

Конструкт невоплощенности пришел в психологический тезаурус из психиатрии — с точки зрения шотландского психиатра Р.Д. Лейнга, чтобы избежать субъективно угрожающих условий окружающего мира, человек с шизоидным расстройством личности развоплощает собственное тело, то есть «делит» Я на «внутреннее», которое отделено от деятельности, и на Я физическое, отвечающее за отыгрывание социальных ролей [16].

Механизм невоплощенности можно найти в концепции отчуждения, разработанной К. Марксом, — в капиталистической формации труд принадлежит не самому человеку, а тому, на кого он работает, соответственно, человек будет отчуждаться от продуктов своего труда и, как следствие, сам от себя, что и приводит в итоге к развоплощению. Еще одним механизмом может являться социальный эскапизм, который во фрейдизме рассматривается как имманентное свойство всех людей — невыносимость бытия, в котором много проблем, приводит к бегству от него, что проявляется в фантазиях или же любых других видах, в том числе и продуктивной деятельности. Эти идеи получили свое продолжение в русле фрейдомарксизма — человек, проявляя конформизм, отказывается от своего Я, становясь членом какой-то группы [22].

Красивой метафорой механизма невоплощенности является автотомия — отбрасывание частей собственного тела в случае опасности у животных [7]. Однако развоплощение может происходить не только в случае опасности, а в случае деятельности, объект которой находится за пределами тела человека. Так, например, если производить манипуляцию с предметом с помощью зонда, то ощущения будут сосредоточены не в области руки, а в области самого зонда [15]. То же самое

можно наблюдать в том случае, если деятельность производится в пространстве Глобальной Сети. Проблематику невоплощенности в интернете разрабатывает отечественный психолог Н.В. Коптева — согласно ее работам совместно с коллегами, невоплощенность в интернете как операционализированный конструкт состоит из предпочтения технологического развоплощения; невоплощенности как виртуализации; воплощенного, целостного Я и витальности воплощенного Я [12]. Таким образом, невоплощенность в интернете — это отсутствие единства Я и собственного тела вследствие предпочтения виртуального мира, связанное с негативными переживаниями. Противоположным по значению будет являться онтологическая уверенность — экзистенциально-психологический феномен, который проявляется в свободе от сомнений в том, что ты существуешь в реальном мире. Кибераддикции при этом можно рассматривать как способ развоплощенного бытия [8], которое в конечном итоге приводит человека к потере смысла жизни [9], к снижению социализированности. Однако интернет — это еще и пространство, в котором может проходить «альтернативная» социализация, более того, расщепленное внетелесное Я в этом случае может не отстраняться от деятельности, а, наоборот, участвовать в ней и быть «суперменом» [9]. Кроме этого, следует отметить следующий нюанс — современное развитие технологий позволяет не поляризировать дихотомию реального и виртуального мира. Их альтернативность сменилась дополненностью, что уже имеет под собой эмпирические доказательства [3; 25; 26]. При этом ошибкой, на наш взгляд, является рассмотрение виртуальной реальности как однородного феномена — с ее помощью может удовлетворяться ши-

рокий круг потребностей [19], а ее влияние можно назвать огромным — так, например, было показано, что обыденные домашние интернет-технологии на сегодняшний день влияют на когнитивное развитие детей больше, чем фактор социально-экономического статуса семьи [29]. Отдельно можно отметить проблему, связанную с тезаурусом. В научном поле можно встретить понятия «киберсоциализация», «виртуальная социализация», «интернет-социализация», «цифровая социализация», «информационная социализация», «онлайн-социализация». В настоящей работе мы не будем анализировать различия между ними, используя данные конструкты как тождественные.

В настоящий момент можно говорить о том, что цифровизация приводит к различным типам изменений: формированию кибераддикций, изменению психологических границ и изменению структуры потребностей и деятельности [5]. Очевидно, что эти изменения затрагивают и социализацию личности. Учитывая наличие в современном мире двух реальностей — онлайн и онлайн, следует говорить о том, что социализация идет и там, и там. Некоторые исследователи противопоставляют их [17], некоторые — говорят о дополнении или даже замещении. Происходят они вследствие «трансреальностных переходов», которые могут привести или к существованию человека одновременно в двух мирах, или же к «переходу» в виртуальную реальность [21]. При этом успешная социализация в цифровом мире не дает возможности успешной социализации в реальном мире [1], однако без успешной киберсоциализации процесс развития личности будет затруднен [20].

Надо заметить, что работы по цифровой социализации носят в основном

теоретический характер из-за широты самого понятия и сложности его операционализации. Большая часть ученых подходят к изучению социализации со стороны общения. По существовавшему продолжительное время тренду влияние цифровизации на область реальной коммуникации оценивалось негативно, в некоторых случаях отмечалось, что вред приносит только «неправильное» использование интернета [28]. В последние годы эта тенденция меняется — появляется все больше и больше исследований, говорящих о том, что цифровая революция не приведет к катастрофе.

Так, ряд исследователей утверждают, что для современной молодежи сохраняется ценность «живого» общения, несмотря на активное использование интернет-средств коммуникации [18], психологическое благополучие не зависит от специфики коммуникации в соцсетях [2], которые просто служат средством взаимодействия со знакомыми людьми [19]. Под сомнение ставится даже ставший уже стереотипным факт того, что предпочтение виртуального мира является следствием социального эскапизма [10].

Но, безусловно, говоря о социализации, невозможно игнорировать фактор возраста. Очевидно, что для детей-дошкольников влияние цифровизации будет несравненно больше за счет динаминости развития психики на этом этапе онтогенеза. И если раньше взрослые были «проводниками» детей в мир реальности, то сейчас ситуация меняется — дети становятся «проводниками» взрослых в мир новой реальности — реальности виртуальной, которая формирует когнитивную сферу уже без помощи взрослого, а благодаря цифровым технологиям [27]. При этом вычленить и оценить все изменения, происходящие у раз-

вивающейся личности под их влиянием, крайне сложно.

Есть предположения, что они затрагивают процессы восприятия и категоризации социальной информации; меняют коммуникативный опыт и динамику сферы самосознания [2].

Ресурсным кажется подход, который делит киберсоциализацию на позитивную и негативную. Позитивная предполагает использование всего многообразия опыта из интернет-среды, способствующего социализации в реальной жизни, тогда как негативная характеризуется неизбирательным потреблением цифровых ресурсов, «высокой уязвимостью по отношению к агрессивным сетевым интервенциям» [1, с. 49]. Вопрос о том, какие теоретически выделяемые составляющие киберсоциализации являются предикторами невоплощенности в Глобальной Сети, и стал исследовательской проблемой, решаемой в настоящей работе.

Учитывая то, что влияние интернет-среды на пользователя будет различно в зависимости от целого ряда факторов — индивидуально-психологических, социально-психологических, биологических, полные, надежные, достоверные результаты исследования невозможны без их контроля. В исследованиях показывается большая роль социально-демографической группы переменных, среди которых чаще всего выделяют семейное положение [13] и статус трудовой занятости [4], что связывают с наличием свободного времени и наличием «значимых других» в ближайшем окружении человека — тем, что влияет на форму проведения досуга. Кроме этого, отмечаются факторы пола и уровня образования [4], которые влияют на специфику использования интернет-пространства. Изучая невоплощенность в интернете, мы взяли в качестве предикторов составляющие вовлеченности в

киберсоциализацию, а также перечисленные выше социально-демографические показатели: пол, образование, статус трудовой занятости, семейное положение.

Метод

Описание процедуры исследования.

Обзор отечественной и зарубежной литературы позволил дать определение невоплощенности в интернете и обозначить круг ее предикторов. Респонденты для эмпирического этапа набирались через интернет, использовался метод «снежного кома». Испытуемым предлагалось заполнить опросные психодиагностические методики в Google Forms. Опрос проходил на добровольной основе, анонимно. Затем полученные данные были подвергнуты статистическому анализу.

Выборку исследования составили 106 респондентов (26,4% мужчин, 73,6% женщин) в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 22,14$; $SD = 1,6$).

Методики исследования. У респондентов собирались данные по их полу, возрасту, уровню образования, трудовому и семейному статусу. Использовались опросник вовлеченности в киберсоциализацию [14] и методика «Невоплощенность в интернете» [11]. Для определения предикторов использован множественный регрессионный анализ, для проверки достоверности различий — t -критерий Стьюдента и однофакторный дисперсионный анализ, для оценки силы эффекта — d Коэна и Эта-квадрат.

Статистические расчеты выполнены с помощью пакета Jamovi 2.3.28.

Результаты

Результаты эмпирического исследования показали, что большая часть выборки имеет средние уровни невоплощенности в интернете, а также конструктивной и деструктивной вовлечен-

ности в киберсоциализацию. Низкий уровень невоплощенности в интернете и конструктивной вовлеченности имеют 15,1% и 17,0% респондентов соответственно, тогда как деструктивная вовлеченность характерна для 36,8% людей. При этом высокие уровни невоплощенности имеют 31,1% человек, принявших участие в опросе, конструктивной вовлеченности – 37,7%, деструктивной – 18,9% респондентов (табл. 1).

Значения асимметрии и эксцесса распределений всех переменных (в пределах от –2 до +2) позволяют нам использовать параметрические статистические методы обработки данных.

Проверяя различия составляющих невоплощенности и вовлеченности в киберсоциализацию по контролируемым нам параметрам – пол, образование (среднее неполное, среднее общее образование, среднее специальное, неоконченное высшее, высшее), статус трудовой занятости (трудоустроенный(ая), безработный(ая)), семейное положение (женат/замужем – холост/не замужем), можно увидеть следующие закономерности (для проверки достоверности различий использовались *t*-критерий Стьюдента и однофакторный дисперсионный анализ, для оценки силы эффекта – *d* Коэна и Эта-квадрат) (см. табл. 2–5).

Таблица 1

Распределение респондентов по уровням невоплощенности в интернете и вовлеченности в киберсоциализацию (в %)

Уровни	Невоплощенность в интернете	Вовлеченность в киберсоциализацию	
		Конструктивная вовлеченность	Деструктивная вовлеченность
Низкий	15,1	17,0	36,8
Средний	53,8	45,3	44,3
Высокий	31,1	37,7	18,9

Таблица 2

Сравнения средних значений составляющих невоплощенности в интернете и вовлеченности в киберсоциализацию представителей мужского и женского пола

Шкалы	Пол	Среднее значение	<i>t</i> -критерий	<i>p</i>	<i>d</i> Коэна
Виртуализация	Мужской	13,46	4,46	< 0,001	0,10
	Женский	9,22			
Предпочтение интернета	Мужской	15,86	4,52	< 0,001	0,10
	Женский	13,04			
Витальность	Мужской	20,54	–3,17	0,002	0,08
	Женский	22,85			
Невоплощенность	Мужской	27,29	4,96	< 0,001	0,11
	Женский	15,16			
Мотивация и опыт	Мужской	16,89	2,35	0,021	0,05
	Женский	14,97			
Личностная позиция	Мужской	20,68	–4,10	< 0,001	0,08
	Женский	23,94			

Шкалы	Пол	Среднее значение	t-критерий	p	d Коэна
Компетентность	Мужской	26,71	4,26	< 0,001	0,10
	Женский	21,78			
Конструктивная вовлеченность	Мужской	64,29	1,81	0,074	0,04
	Женский	60,69			
Деструктивная вовлеченность	Мужской	11,64	7,66	< 0,001	0,15
	Женский	4,44			

Таблица 3
Сравнения средних значений составляющих невоплощенности
в интернете и вовлеченности в киберсоциализацию представителей различной
трудовой занятости

Шкалы	Трудовая занятость	Среднее значение	t-критерий	p	d Коэна
Виртуализация	Безработный(ая)	13,38	9,36	< 0,001	0,18
	Трудоустроенный(ая)	7,06			
Предпочтение интернета	Безработный(ая)	15,24	5,76	< 0,001	0,11
	Трудоустроенный(ая)	12,22			
Витальность	Безработный(ая)	20,40	-6,81	< 0,001	0,13
	Трудоустроенный(ая)	24,22			
Невоплощен- ность	Безработный(ая)	26,71	10,24	< 0,001	0,20
	Трудоустроенный(ая)	9,36			
Мотивация и опыт	Безработный(ая)	16,07	1,68	0,095	0,03
	Трудоустроенный(ая)	14,84			
Личностная по- зиция	Безработный(ая)	21,89	-3,44	< 0,001	0,07
	Трудоустроенный(ая)	24,35			
Компетентность	Безработный(ая)	24,76	3,32	< 0,001	0,06
	Трудоустроенный(ая)	21,27			
Конструктивная вовлеченность	Безработный(ая)	62,73	1,28	0,205	0,03
	Трудоустроенный(ая)	60,47			
Деструктивная вовлеченность	Безработный(ая)	9,04	6,36	< 0,001	0,13
	Трудоустроенный(ая)	3,43			

Таблица 4
Сравнения средних значений составляющих невоплощенности
в интернете и вовлеченности в киберсоциализацию респондентов с различным
семейным статусом

Шкалы	Семейный статус	Среднее значение	t-критерий	p	d Коэна
Виртуализация	Холост/Не замужем	11,61	3,784	< 0,001	0,07
	Женат/Замужем	8,55			
Предпочтение интернета	Холост/Не замужем	14,50	3,145	0,002	0,06
	Женат/Замужем	12,77			

Шкалы	Семейный статус	Среднее значение	t-критерий	p	d Коэна
Витальность	Холост/Не замужем	21,42	-3,056	0,003	0,06
	Женат/Замужем	23,39			
Невоплощенность	Холост/Не замужем	21,97	4,102	< 0,001	0,07
	Женат/Замужем	13,28			
Мотивация и опыт	Холост/Не замужем	15,16	-0,407	0,685	0,02
	Женат/Замужем	15,93			
Личностная позиция	Холост/Не замужем	21,92	-3,873	< 0,001	0,08
	Женат/Замужем	24,70			
Компетентность	Холост/Не замужем	23,73	1,718	0,089	0,03
	Женат/Замужем	22,18			
Конструктивная вовлеченность	Холост/Не замужем	60,81	-0,652	0,516	0,02
	Женат/Замужем	62,82			
Деструктивная вовлеченность	Холост/Не замужем	7,40	3,037	0,003	0,05
	Женат/Замужем	4,84			

Таблица 5

Сравнения средних значений составляющих невоплощенности в интернете и вовлеченности в киберсоциализацию респондентов с различным образованием

Шкалы	Образование	Среднее значение	F	p	Эта-квадрат
Виртуализация	Среднее общее	13,12	16,76	< 0,001	0,33
	Среднее специальное	7,50			
	Неоконченное высшее	14,06			
	Высшее	8,19			
Предпочтение интернета	Среднее общее	14,65	7,71	< 0,001	0,18
	Среднее специальное	12,75			
	Неоконченное высшее	16,11			
	Высшее	12,74			
Витальность	Среднее общее	20,69	11,80	< 0,001	0,26
	Среднее специальное	25,38			
	Неоконченное высшее	19,72			
	Высшее	23,35			
Невоплощенность	Среднее общее	25,54	19,73	< 0,001	0,38
	Среднее специальное	9,98			
	Неоконченное высшее	29,17			
	Высшее	12,55			
Мотивация и опыт	Среднее общее	15,23	2,14	0,10	0,06
	Среднее специальное	13,00			
	Неоконченное высшее	16,94			
	Высшее	15,48			

Шкалы	Образование	Среднее значение	F	p	Эта-квадрат
Личностная позиция	Среднее общее	22,73	5,55	< 0,001	0,14
	Среднее специальное	24,75			
	Неоконченное высшее	20,17			
	Высшее	23,96			
Компетентность	Среднее общее	23,85	8,90	< 0,001	0,21
	Среднее специальное	17,00			
	Неоконченное высшее	27,44			
	Высшее	22,17			
Конструктивная во-влеченность	Среднее общее	61,81	2,21	0,09	0,06
	Среднее специальное	54,75			
	Неоконченное высшее	64,56			
	Высшее	61,61			
Деструктивная во-влеченность	Среднее общее	7,31	12,26	< 0,001	0,27
	Среднее специальное	2,63			
	Неоконченное высшее	11,61			
	Высшее	4,67			

Можно увидеть, что несмотря на статистические значимые различия, размер эффекта крайне низкий, за исключением фактора «образование».

Для углубления представления о факторах невоплощенности в интернете и ее составляющих мы использовали прямой пошаговый регрессионный анализ (табл. 6–9), в котором в качестве предикторов выступали составляющие вовлеченности в киберсоциализацию и социально-демографические характеристики (пол, образование, статус трудовой занятости, семейное положение).

Невоплощенность в интернете оказалась связана с половой принадлежностью респондентов, их трудовым статусом и деструктивной вовлеченностью (см. табл. 6). Если рассматривать составляющие невоплощенности — виртуализацию, предпочтение интернета и витальность, то можно увидеть, что модель виртуализации повторяет модель невоплощенности в интернете (см. табл. 7).

Предпочтение интернета не связано с полом, но при этом отличается от предыдущих моделей наличием еще одного

Таблица 6
Линейная регрессионная модель невоплощенности в интернете

Независимые переменные	VIF	B	β	SE	p
Константа		13,90		1,38	< 0,001
Пол: Мужской-Женский	1,59	-3,93	-0,32	1,59	0,015
Занятость: Трудоустроенный(ая)-Безработный(ая)	1,41	-9,75	-0,79	1,32	< 0,001
Деструктивная вовлеченность	1,85	1,61	0,70	0,14	< 0,001
Общие показатели регрессии: $R^2 = 0,790$; $p < 0,001$					

Таблица 7

Линейная регрессионная модель виртуализации

Независимые переменные	VIF	B	β	SE	p
Константа		8,59		1,38	< 0,001
Пол: Мужской-Женский	1,59	-1,82	-0,39	0,67	< 0,001
Занятость: Трудоустроенный(ая)-Безработный(ая)	1,41	-3,51	-0,75	0,56	< 0,001
Деструктивная вовлеченность	1,85	0,62	0,06	0,14	< 0,001
Общие показатели регрессии: $R^2 = 0,742$; $p < 0,001$					

предиктора — конструктивной вовлеченности (см. табл. 8).

Модель витальности оказывается наиболее простой — в нее входят такие независимые переменные, как трудовой статус и деструктивная вовлеченность (см. табл. 9).

Из представленных результатов видно, что наиболее часто предикторами невоплощенности в интернете и ее сопоставляющих выступают пол, наличие трудовой занятости и деструктивная вовлеченность.

Обсуждение результатов

Невоплощенность в интернете — новый для отечественного психоло-

гического поля конструкт, изучение которого играет свою роль в психологической теории и практике. В теоретическом плане это дает возможность сведения методологии философского, психологического и социологического знаний, что открывает широкие горизонты новых исследований. В практическом — дает необходимую базу для консультирования людей с проблемным использованием интернета, которое может иметь своим следствием разнополнение, что, в свою очередь, негативно скажется на онтологической уверенности. Результатом разнополнения являются потеря смысла жизни,

Таблица 8

Линейная регрессионная модель предпочтения интернета

Независимые переменные	VIF	B	β	SE	p
Константа		8,70		1,67	< 0,001
Занятость: Трудоустроенный(ая)-Безработный(ая)	1,39	-1,77	-0,57	0,55	< 0,001
Конструктивная вовлеченность	1,07	0,08	0,23	0,02	< 0,001
Деструктивная вовлеченность	1,47	0,19	0,33	0,08	< 0,001
Общие показатели регрессии: $R^2 = 0,401$; $p < 0,001$					

Таблица 9

Линейная регрессионная модель витальности

Независимые переменные	VIF	B	β	SE	p
Константа		23,04		0,61	< 0,001
Занятость: Трудоустроенный(ая)-Безработный(ая)	1,39	2,18	0,63	0,59	< 0,001
Деструктивная вовлеченность	1,39	-0,29	-0,45	0,06	< 0,001
Общие показатели регрессии: $R^2 = 0,450$; $p < 0,001$					

деперсонализация, ухудшение психического и физического здоровья.

Полученные результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что почти половина респондентов имеет средние уровни невоплощенности, а также вовлеченности в киберсоциализацию. Высокий уровень деструктивной вовлеченности имеют 18,9% опрошенных, низкий уровень конструктивной вовлеченности — 17,0%, что говорит о том, что большинство респондентов находятся на пути нормативного личностного развития в Сети. Вполне возможно, что это объясняется характеристикой выборки, средний возраст респондентов в которой — 22 года ($Mo = 23$), то есть это люди со сформированным самосознанием, мировоззрением, чувством взрослоти. Можно предположить, что в группе детей подросткового возраста результат мог бы быть другим.

Также можно заметить, что невоплощенность в интернете и вовлеченность в деструктивную киберсоциализацию выше у представителей мужского пола, у респондентов, не состоящих в браке, у нетрудоустроенных, а также у респондентов с незаконченным высшим образованием.

Конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию одинаково характерна для респондентов всех уровней образования, что говорит о том, что в настоящее время люди проводят много времени в интернет-пространстве, используя его для успешной социализации в реальной жизни. Можно было бы предположить, что деструктивная вовлеченность в киберсоциализацию больше будет выражена у школьников — как у людей, активно познающих окружающий социальный мир, экспериментирующих с ним, в том числе и в негативном ключе. К тому же подобного рода эксперименты разворачиваются на фоне того, что уровень

знаний о законах интернет-пространства, способность к самостоятельному анализу информации, к критическому мышлению у этих респондентов ниже, чем у людей с более высоким социальным возрастом. Однако можно видеть, что больше всего этот тип вовлеченности выражен у людей с неоконченным высшим образованием, т.е. у студентов. С нашей точки зрения, деструктивная киберсоциализация выше у студентов, чем у школьников, потому, что наши респонденты школьного возраста — это учащиеся выпускных классов, у которых интернет-активность направлена на успешную сдачу итоговых экзаменов, тогда как у студентов появляется ресурс для использования ее в непродуктивном русле. При этом в современном обществе можно говорить о том, что именно такая форма социализации с присущими для нее состояниями риска является важным фактором формирования социальной идентичности молодежи [6]. Самый низкий уровень деструктивной вовлеченности имеют люди, социализация которых происходит внутри реально существующих рабочих коллективов — это люди с законченным высшим и средним специальным образованием.

В построенных нами регрессионных моделях виртуализации и общей невоплощенности в интернете положительный вклад принадлежит женскому полу, отсутствию работы и деструктивной вовлеченности. Можно предположить, что интернет-активность может выступать в роли квазидеятельности в отсутствие деятельности, значимой для человека. Причем если такая активность направлена на личностное развитие, то разнопланность и, соответственно, виртуализация наблюдаться не будут.

Предпочтение интернета и витальность не зависят от пола, что говорит о

том, что тенденция увеличения представленности женщин в социальных сетях [2] выровняла в них пропорцию полов, и о том, что более важными предикторами рассматриваемых феноменов становятся трудовая занятость и вовлеченность в киберсоциализацию. С предпочтением интернета отрицательно связано наличие работы и положительно — конструктивная и деструктивная вовлеченности, причем последняя является на порядок более сильным фактором. Это хорошо согласуется с теорией Р.Д. Лейнга — деструктивная вовлеченность предполагает наличие опасного мира, которое и приводит к «расколу» Я.

Витальность обратно связана с деструктивной вовлеченностью и больше выражена у трудоустроенных респондентов. Мы предполагаем, что эта составляющая невоплощенности также должна иметь предиктором пол — показано, что погружение представителей мужского пола в пространство интернета более глубокое, что вызывает как социальные проблемы, так и нарушение витальных функций [23]. Это погружение может быть, в свою очередь, объяснено тем, что мужчины больше используют интернет для досуга и развлечений [24], например, для видеоигр, которые обладают высокой аддиктогенностью. Отсутствие фактора пола в регрессионной модели, возможно, связано с небольшим количеством респондентов мужского пола или особенностями выборки.

Заключение

Большинство молодежи, принимавшей участие в исследовании, имеет средние уровни невоплощенности в интернете, а также конструктивной и деструктивной вовлеченности, что, видимо, можно считать нормативными показателями.

На сегодняшний день невоплощенность происходит в результате не всех видов интернет-активности, а в основном при девиантном поведении в Глобальной Сети, то есть при таком, которое не приводит к просоциальному развитию личности. Во всех других случаях интернет не представляется людям опасной средой, следовательно, не нуждается в защитных механизмах в виде «раскола» Я и выступает в качестве ресурса, который позволяет существовать в картине мира человека двум реальностям — онлайн и онлайн, причем такое существование может приводить к успешной социализации в обеих.

Витальность воплощенного Я, конструктивная личностная позиция по отношению к процессам киберсоциализации и конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию наблюдаются у респондентов, которых можно назвать социализированными в реальной жизни — тех, кто имеет работу и семью. Можно предположить, что взрослый человек со сложившейся картиной мира, Я-концепцией, обладающий способностью к самостоятельному критическому анализу информации и ее систематизации, будет более склонен к использованию интернета в продуктивном русле, тогда как развивающаяся личность в условиях отсутствия дефицита времени и других ресурсов может использовать пространство Всемирной паутины для экспериментов, в том числе и асоциальной направленности.

У женщин интернет выступает средством для социализации в реальном мире — общение со знакомыми людьми, потребление культуры, совершение покупок — чему отдается приоритет по сравнению с социализацией в Сети, что показывают более высокие, чем у муж-

чин, средние значения витальности и конструктивной личностной позиции. Мужчины же больше склонны к киберсоциализации в результате использования интернета для досуговой деятельности, в которой значимое место занимают, например, видеоигры. Это доказывается более высокими, чем у представителей женского пола, конструктивной и деструктивной вовлеченностями в онлайн-социализацию. Тем не менее средние ранги невоплощенности в интернете у неработающих и трудоустроенных женщин оказываются более высокими, чем у мужчин, что подчеркивает необходимость в проведении дальнейших исследований киберсоциализации, в том числе ее гендерного аспекта.

Ограничения и перспективы исследования

Одним из ограничений и перспективы работы мы считаем использование второй, уточненной, версии опросника «Невоплощенность в интернете», которая появилась после проведения нами эмпирического исследования [12]. Также представляется интересным разговор не просто о невоплощенности в интернете и ее связи с киберсоциализацией, а о невоплощенности в зависимости от различных видов деятельности, которая может быть осуществлена в интернет-пространстве. Кроме того, для повышения репрезентативности выборки необходимо ее увеличить, выровнять по факторам пола и трудовой занятости.

Литература

1. *Айсина Р.М., Нестерова А.А.* Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57. DOI:10.17759/sps.2019100404
2. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.04.2024). DOI:10.54359/ps.v6i30.679
3. *Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д.* Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.
4. *Варламова С.Н., Гончарова Е.Р., Соколова И.В.* Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. Т. 125. № 2. С. 125–165. DOI:10.14515/monitoring.2015.2.11
5. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1(7). С. 81–87.
6. *Иванов А.В.* Феномен деструктивной социализации: ценностно-аксиологические основания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 2. С. 46–50.
7. *Коптева Н.В.* Два способа «не быть собой» в концепциях К. Хорни и Р. Лэйнга // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 127–137.
8. *Коптева Н.В.* Интернет-зависимость как способ разнопланового бытия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 785–792. DOI:10.21603/2078-8975-2022-24-6-785-792

9. Коптева Н.В. Невоплощенность в Интернете как предиктор смыслоутраты (на примере студенчества) [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN420.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
10. Коптева Н.В. Переживание отчуждения при интернет-зависимости [Электронный ресурс] // Мир науки. 2018. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PSMN518.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).
11. Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Дорфман Л.Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 205–233. DOI:10.17759/cpse.2021100410
12. Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Козлова Л.А. Психометрическая проверка уточненной версии опросника «Невоплощенность в Интернете» // Клиническая и специальная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 165–187. DOI:10.17759/cpse.2023120308
13. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 27–54. DOI:10.17759/sps.2020110103
14. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Ефремова Г.И. Опросник вовлеченности в киберсоциализацию // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6(111). С. 109–119. DOI:10.24411/1813-145X-2019-1-0567
15. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Смысл, 2020. 880 с.
16. Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я». М.: ACT, 2021. 288 с.
17. Поляшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
18. Поскаакалова Т.А., Сорокова М.Г. Цифровая социализация молодых взрослых: тренды и тенденции в коммуникации // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2022): сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С. 331–343.
19. Собкин В.С., Федотова А.В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 119–137. DOI:10.17759/cpp.2019270308
20. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450
21. Субботский Е.В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007. 422 с.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: ACT, 2023. 288 с.
23. Шайдукова Л.К., Раширова Э.Л. Клинические, гендерные и возрастные аспекты интернет-зависимости // Казанский медицинский журнал. 2020. Т. 101. № 2. С. 193–199. DOI:10.17816/KMJ2020-193
24. Barber N.A. Investigating the Potential Influence of the Internet as a New Socialization Agent in Context with Other Traditional Socialization Agents // Journal of Marketing Theory and Practice. 2013. Vol. 21(2). P. 179–194. DOI:10.2753/MTP1069-6679210204
25. Besmer K.M. What Robotic Re-embodiment Reveals about Virtual Re-embodiment // Postphenomenological Investigations: Essays on Human-Technology Relations / Rosenberger R., Verbeek P.-P. (Eds.). London/New York: Lexington Books, 2015. P. 55–71.
26. Buongiorno F. Embodiment, Disembodiment and Re-embodiment in the Construction of the Digital Self // *Humana.Mente Journal of Philosophical Studies*. 2019. № 12(36). P. 310–330.
27. Falikman M. There and Back Again: A (Reversed) Vygotskian Perspective on Digital Socialization // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.501233

28. Internet and Socialization: How Internet use influences online and offline relationships // Anthropological Researches and Studies / I. Buonomo, I. Cipriani, S. Piperno, I. Saddi, C. Fiorilli (eds.). 2015. № 5. P. 3–10.

29. Johnson G.M. Internet use and child development: Validation of the ecological technosubsystem // Journal of Educational Technology & Society. 2010. Vol. 13. № 1. P. 176–185.

References

1. Aisina R.M., Nesterova A.A. Kibersotsializatsiya molodezhi v informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve sovremennoego mira: effekty i riski [Cybersocialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo* = Social psychology and society, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 42–57. DOI:10.17759/sps.2019100404
2. Belinskaya E.P. Informatsionnaya sotsializatsiya podrostkov: opyt pol'zovaniya sotsial'nymi setyami i psikhologicheskoe blagopoluchie [Elektronnyi resurs] [Informational socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological research*, 2013. Vol. 6, no. 30, p. 5. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 10.04.2024). DOI:10.54359/ps.v6i30.679
3. Belinskaya E.P., Martsinkovskaya T.D. Identichnost' v tranzitivnom obshchestve: virtual'nost' i real'nost' [Identity in a transitive society: virtuality and reality]. Ershovoi R.V. (ed.). *Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statei* [Digital society as a cultural and historical context of human development: a collection of scientific articles]. Kolomna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet, 2018, pp. 43–48.
4. Varlamova S.N., Goncharova E.R., Sokolova I.V. Internet-zavisimost' molodezhi megapolisov: kriterii i tipologiya [Internet addiction of the youth of megacities: criteria and typology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2015. Vol. 125, no. 2, pp. 125–165. DOI:10.14515/monitoring.2015.2.11
5. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologii [Psychological consequences of the development of information technology]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* = National journal of psychology, 2012, no. 1(7), pp. 81–87.
6. Ivanov A.V. Fenomen destruktivnoi sotsializatsii: tsennostno-aksiologicheskie osnovaniya [The phenomenon of destructive socialization: axiological foundations]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika* = Proceedings of the Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2012, no. 2, pp. 46–50.
7. Kopteva N.V. Dva sposoba «ne byt' soboi» v kontsepsiakh K. Khorni i R. Leinga [Two ways to “not be yourself” in the concepts of K. Horney and R. Laing]. *Voprosy psichologii = Questions of psychology*, 2016, no. 3, pp. 127–137.
8. Kopteva N.V. Internet-zavisimost' kak sposob razvoploshchennogo bytiya [Internet addiction as a way of disembodied bytie]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo state university, 2022. Vol. 24, no. 6, pp. 785–792. DOI:10.21603/2078-8975-2022-24-6-785-792
9. Kopteva N.V. Nevoploshchennost' v Internete kak prediktor smysloutraty (na primere studenchestva) [Elektronnyi resurs] [Non-incarnation on the Internet as a predictor of meaning spending (on the example of students)]. *Mir nauki. Pedagogika i psichologiya* = The world of science. Pedagogy and psychology, 2020, no. 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/62PSMN420.pdf> (Accessed 10.04.2023).
10. Kopteva N.V. Perezhivanie otchuzhdeniya pri internet-zavisimosti [Elektronnyi resurs] [The experience of alienation in Internet addiction]. *Mir nauki* = The world of science, 2018, no. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/02PSMN518.pdf> (Accessed 10.04.2023).
11. Kopteva N.V., Kalugin A.Yu., Dorfman L.Ya. Nevoploshchennost' v Internete. Soobshchenie 2. Psikhometricheskaya proverka instrumentariya [Disembodied on the Internet. Message 2.

Psychometric verification of tools]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2021. Vol. 10, no. 4, pp. 205–233. DOI:10.17759/cpse.2021100410

12. Kopteva N.V., Kalugin A.Yu., Kozlova L.A. Psikhometricheskaya proverka utochnennoi versii oprosnika «Nevoploshchennost' v Internete» [Psychometric verification of the updated version of the questionnaire “Non-incarnation on the Internet”]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and special psychology*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 165–187. DOI:10.17759/cpse.2023120308

13. Kochetkov N.V. Internet-zavisimost' i zavisimost' ot komp'yuternykh igr v trudakh otechestvennykh psikhologov [Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 27–54. DOI:10.17759/sps.2020110103

14. Len'kov S.L., Rubtsova N.E., Efremova G.I. Oprosnik vovlechennosti v kibersotsializatsiyu [The questionnaire of involvement in cybersocialization]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2019, no. 6(111), pp. 109–119. DOI:10.24411/1813-145X-2019-1-0567

15. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of mental development]. Moscow: Smysl, 2020. 880 p.

16. Leing R.D. Raskolotoe «Ya» [The Divided Self]. Moscow: AST, 2021. 288 p.

17. Polyushkevich O.A. Irratsional'nye osnovy formirovaniya sotsial'noi identichnosti pod vliyaniem virtual'nosti [Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality]. *Sotsiologiya = Sociology*, 2020, no. 5, pp. 163–176.

18. Poskakalova T.A., Sorokova M.G. Tsifrovaya sotsializatsiya molodykh vzroslykh: trendy i tendentsii v kommunikatsii [Digital socialization of young adults: trends and trends in communication]. Rubtsova V.V., Sorokovoi M.G., Radchikovoi N.P. (eds.). *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2022): sb. statei III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 17–18 noyabrya 2022 g.* [Digital humanities and technologies in education (DHTE 2022): collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation. November 17–18, 2022]. Moscow: Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2022, pp. 331–343.

19. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Set' kak prostranstvo sotsializatsii sovremenennogo podrostka [The network as a space of socialization of a modern teenager]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consultative psychology and psychotherapy*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 119–137. DOI:10.17759/srr.2019270308

20. Soldatova G.U., Voiskunskii A.E. Sotsial'no-kognitivnaya kontsepsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [The socio-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and the social evolution of the psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher school of economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

21. Subbotskii E.V. Stroyashcheesy soznanie [The consciousness that is being built]. Moscow: Smysl, 2007. 422 p.

22. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. Moscow: AST, 2023. 288 p. (In Russ.).

23. Shaidukova L.K., Rashitova E.L. Klinicheskie, gendernye i vozrastnye aspeki internet-zavisimosti [Clinical, gender and age aspects of the internet addiction]. *Kazanskii meditsinskii zhurnal = Kazan medical journal*, 2020. Vol. 101, no. 2, pp. 193–199. DOI:10.17816/KMJ2020-193

24. Barber N.A. Investigating the Potential Influence of the Internet as a New Socialization Agent in Context with Other Traditional Socialization Agents. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 2013. Vol. 21(2), pp. 179–194. DOI:10.2753/MTP1069-6679210204

25. Besmer K.M. What Robotic Re-embodiment Reveals about Virtual Re-embodiment. Rosenberger R., Verbeek P.-P. (eds.). *Postphenomenological Investigations: Essays on Human-Technology Relations*. London/New York: Lexington Books, 2015, pp. 55–71.

26. Buongiorno F. Embodiment, Disembodiment and Re-embodiment in the Construction of the Digital Self. *Humana.Mente Journal of Philosophical Studies*, 2019, no. 12(36), pp. 310–330.

27. Falikman M. There and Back Again: A (Reversed) Vygotskian Perspective on Digital Socialization. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.501233
28. Buonomo I. et all. Internet and Socialization: How Internet use influences online and offline relationships. *Anthropological Researches and Studies*, 2015, no. 5, pp. 3–10.
29. Johnson G.M. Internet use and child development: Validation of the ecological technosubsystem. *Journal of Educational Technology & Society*, 2010. Vol. 13, no. 1, pp. 176–185.

Информация об авторах

Кочетков Никита Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Кудряшов Дмитрий Павлович, магистрант факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3913-4661>, e-mail: dmitrii@natfond.ru

Information about the authors

Nikita V. Kochetkov, PhD in Psychology, Associate Professor in the Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6346-6113>, e-mail: nkochetkov@mail.ru

Dmitrii P. Kudriashov, graduate student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3913-4661>, e-mail: dmitrii@natfond.ru

Получена 15.04.2024

Received 15.04.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой

Нестерова А.А.

*ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (ФГАОУ ВО ГУП),
г. Мытищи, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7830-9337>, e-mail: anesterova77@rambler.ru

Феклисова А.А.

*ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (ФГАОУ ВО ГУП),
г. Мытищи, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4237-0048>, e-mail: feklisovanastya@mail.ru

Цель. Анализ взаимосвязей между поведением фаббинга и особенностями коммуникабельности, социабельности, эскапизма и экзистенциальной исполненности людей в возрасте от 18 до 50 лет.

Контекст и актуальность. В ситуации цифровизации общества важно понимать новые виды коммуникативных норм взаимодействия людей. Существует запрос на раскрытие основных факторов и предикторов поведения фаббинга в современном обществе, а также понимание роли фаббинга в изменении характера коммуникации.

Дизайн исследования. В исследовании раскрывались взаимосвязи между поведением фаббинга и коммуникативностью, социабельностью личности. Также рассматривались взаимосвязи между паттернами фаббинга и показателями экзистенциальной исполненности, глубиной контакта с собой и другими людьми. Исследование проводилось с помощью корреляционного анализа.

Участники. В исследовании участвовали 316 человек в возрасте от 18 до 50 лет (54% женщин, 46% мужчин). Выборка была стратифицирована по полу, по возрасту (молодежь/люди среднего возраста), уровню образования (высшее образование/среднее специальное).

Методы (инструменты). В исследовании использовались следующие методики: «Общая шкала фаббинга (фаббер)» (В. Чотпитаясунонд, К. Дуглас, 2018); «Общая шкала воспринимаемого фаббинга (фабби)» (В. Чотпитаясунонд, К. Дуглас, 2018); Тест социабельности (Т.И. Богачева, 2021); Методика измерения уровня выраженности эскапизма (О.И. Теславская, Т.Н. Савченко, 2019); Тест экзистенциальной мотивации (ТЭМ) (В.Б. Шумский, Е.М. Уколова, Е.Н. Осин, Я.Д. Лупандина, 2016).

Результаты. Поведение фаббинга взаимосвязано с такими характеристиками личности, как социабельность, контактность, социальная адаптивность и эргичность. Эскапизм снижает вероятность фаббинга и не является его прямой характеристикой. Экзистенциальная исполненность, осмысленность жизни и своего будущего, удовлетворенность своей жизнью и собой снижают вероятность фаббинга в отношении партнера. Поведение фаббинга выражено больше у женщин. Имеется связь между активным фаббингом и наличием высшего образования. Подавляющее большинство выборки (и молодежь, и люди зрелого возраста) считают фаббинг приемлемой социальной нормой современного общения.

Основные выводы. Стремление к быстрым, поверхностным и разнообразным контактам увеличивает вероятность появления фаббинга в отношении партнера по общению, а осмысленность собственной жизни, глубокий контакт с собой снижают вероятность такого поведения.

Ключевые слова: фаббинг; фаббер; фабби; социабельность; эскапизм; экзистенциальная исполненность.

Для цитаты: Нестерова А.А., Феклисова А.А. Фаббинг: стремление к поверхностным контактам с другими и избегание глубинных контактов с собой // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150206>

Phubbing: the Desire for Superficial Contacts with Others and the Avoidance of Deep Contacts with Oneself

Albina A. Nesterova

State University of Education, Mytishchi, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7830-9337>, e-mail: anesterova77@rambler.ru

Anastasia A. Feklisova

State University of Education, Mytishchi, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4237-0048>, e-mail: feklisovanastya@mail.ru

Objective. *Analysis of the relationships between phubbing behavior and the characteristics of communication skills, sociability, escapism and existential fulfillment of people aged 18 to 50 years.*

Background. *In the situation of digitalization of society, it is important to understand new types of communicative norms of human interaction. There is a demand to uncover the main factors and predictors of phubbing behavior in modern society, as well as to understand the role of phubbing in changing the nature of communication.*

Study design. *The study revealed the relationship between phubbing behavior and communication and sociability of an individual. The relationships between phubbing patterns and indicators of existential fulfillment and the depth of contact with oneself and other people were also examined. The study was conducted using correlation analysis.*

Participants. *The study involved 316 people aged 18 to 50 years (54% women, 46% men). The sample was stratified by gender, age (youth/middle-aged people), and level of education (higher education/specialized secondary education).*

Measurements. *The following methods were used in the study: General Phubbing Scale (Phubber) (Chotpitayasanondh, Douglas, 2018); The Generic Scale of Being Phubbed (GSBP) (Phubbee) (Chotpitayasanondh, Douglas, 2018); Sociability test (Bogacheva, 2021); Methodology for measuring the level of expression of escapism (Teslavskaya, Savchenko, 2019); Test of existential motivation (TEM) (V.B. Shumsky, E.M. Ukolova, E.N. Osin, Ya.D. Lupandina, 2016).*

Results. *Phubbing behavior is interconnected with such personality characteristics as sociability, contact, social adaptability and ergicity. Escapism reduces the likelihood of phubbing behavior and is not a direct characteristic of it. Existential fulfillment, meaningfulness of life and one's future, satisfaction with one's life and oneself reduce the likelihood of phubbing in relation to a partner. Phubbing behavior is more pronounced in women. There is a connection between active phubbing and having a higher education. The vast majority of the sample (both young people and mature people) consider phubbing to be an acceptable social norm of modern communication.*

Conclusions. *The desire for quick, superficial and varied contacts increases the likelihood of phubbing in relation to a communication partner, and meaningfulness of one's own life and deep contact with oneself reduces the likelihood of such behavior.*

Keywords: *phubbing; phubber; phubbee; sociability; escapism; existential fulfillment.*

For citation: Nesterova A.A., Feklisova A.A. Phubbing: the Desire for Superficial Contacts with Others and the Avoidance of Deep Contacts with Oneself. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 82–99. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150206> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день совершенно нельзя игнорировать тот факт, что в эпоху диджитализации и цифровизации социальное взаимодействие и коммуникация между людьми очень сильно изменились, и эти изменения актуализируют задачу проведения социально-психологических исследований новых появившихся феноменов и процессов [1; 3; 16; 21]. Изменения коснулись и интенсивности коммуникации, и ее глубины, и качества, и большей опосредованности в связи с появлением разных технологий, посредством которых люди все больше общаются, и которые часто поглощают их внимание и интерес. Например, появление смартфонов в нашей жизни очень облегчило поиск информации, возможности для связи с людьми в любой точке земного шара, но при этом породило такие явления, как зависимость от смартфонов, номофобию, а также поведение фаббинга. Понятием «фаббинг» (phubbing) обозначают игнорирование партнера по общению в пользу своего телефона. Сам термин появился от слияния двух слов «phone» (телефон) и «snubbing» (пренебрежение) [19; 21]. Фаббинг – это постоянное использование смартфона, вызывающее недостаток человеческого взаимодействия или более осознанного контакта с другим человеком, причиняющего часто неприятные ощущения партнеру по общению.

В поведении фаббинга принято выделять «фабберов» и «фабби». *Фаббер* – это тот, кто игнорирует партнера по общению, отвлекаясь на свой смартфон. Факты последних исследований говорят о том, что фаббер обращается к своему

телефону в течение дня в среднем около двухсот раз, даже когда этот телефон не звонит и не вибрирует. Общественные опросы показывают, что женщины около 10 часов в день используют с разными целями свой смартфон, в то время как мужчины – 8 часов в день [31].

Людей, которые чувствуют себя игнорируемыми и ранятся, сталкиваясь с поведением фаббинга, называют «фабби». Особенно явно фаббинг задевает партнеров в ситуации романтического взаимодействия, совместной деятельности в одном помещении, в ситуации важного разговора [14]. Важно отметить, что во многих случаях поведение фаббинга воспринимается другими людьми как некая социальная норма, особенно это характерно для молодых людей и подростков, которые могут даже не обращать на это внимание и не реагировать на такое игнорирование, вовсе не считая такое поведение «пренебрежением». Все больше появляется публикаций, рассматривающих фаббинг как новую социальную норму современной коммуникации [7; 15; 18].

Одна из теорий, объясняющих появление такого феномена, как фаббинг, – это теория *социального обмена* и теория *изменения социальных норм*. Теория обмена в социальной психологии показывает, что общение строится из взаимных действий. Взаимообмен возникает только тогда, когда кто-то «возвращает» нам ответное действие на наше действие. Игнорирование партнера в пользу смартфона с точки зрения данной теории может трактоваться как нечто, что мы видим в действиях партнера по отношению к нам. Наблюдая такое действие в нашу сторону, мы тоже в ответ позволяем себе это

игнорирование и отвлечение на смартфон. Таким образом, в ситуации, когда мы это часто наблюдаем во взаимодействии людей — очень скоро это становится новой социальной нормой общения [18]. Так, например, дети, постоянно наблюдая включенность в гаджеты и смартфоны родителей, педагогов, значимых взрослых, обучаются вести себя соответствующим образом и считают это общепринятой нормой. Социальные нормы человеком усваиваются из наблюдаемого, часто повторяющегося поведения. Таким образом, возможно, в современном мире фаббинг постепенно становится социальной нормой общения [26].

Исследования, проведенные в разных странах, показывают, что молодое поколение не считает невежливым и неэтичным поведение фаббинга [7; 18; 21]. Молодежь и подростки не испытывают негативных чувств даже в ситуации, когда их начинают игнорировать в пользу телефона при непосредственном контакте, и сами постоянно это делают (не менее 10 раз в день в различных коммуникациях). Примечательно с этой точки зрения исследование признанного эксперта в изучении фаббинга из Австралии — Йеслама Аль-Сагафа — и его коллег. Исследование показало, что подростки и молодежь гораздо чаще проявляют поведение фаббинга в отношении своих сверстников, друзей, сиблиングов, родителей, но гораздо реже прибегают к нему в ситуации коммуникации с бабушками и дедушками, а также пожилыми людьми в целом. Авторы объясняют этот парадокс тем, что все-таки люди реагируют на предписанные социальные нормы и подспудно понимают, что для более старшего поколения «новые социальные нормы» взаимодействия могут быть негативно восприняты и не поняты [15]. В ситуации общения с людьми старшего

поколения предписанные нормы могут войти в конфликт с интернализованными в процессе цифровой социализации нормами, что ставит человека перед выбором: как поступать в данный момент коммуникации.

Американские исследователи подтвердили, что поведение фаббинга учащается, когда людям важно общаться с большим количеством других людей, быть многозадачным, в том числе в плане общения. В исследовании, проведенном среди студентов университетов США, изучались связи между фаббингом, формированием онлайн-впечатления и онлайн-самопрезентацией, а также самопоглощенностью, которая связана с одержимостью людей своими собственными интересами, эмоциями и концентрацией исключительно на своей жизни. Исследование показало, что фаббинг положительно коррелирует с управлением впечатлениями в интернете, самопрезентацией и эгоцентризмом. Участники, которые набрали более высокие баллы по шкалам «управление онлайн-впечатлением», «онлайн-самопрезентация» и «эгоцентризм», проявили более высокий уровень фаббинга в отношении партнеров по общению. В этом исследовании женщины прибегали к фаббингу гораздо чаще, чем мужчины [32]. Поведение фаббинга связано с проявлением таких черт личности, как экстраверсия, а также стремление избежать скуки и одиночества [10].

По результатам зарубежных исследований предиктором поведения фаббинга в отношении партнера по общению становится уязвимый нарциссизм [22], нейротизм [27], страх упустить что-то, нарушение внимания [14]. Люди, которые импульсивны, имеют проблемы с саморегуляцией, менее связаны с другими, с большей вероятностью будут склонны к фаббингу [29].

Теория наращивания функции многозадачности человека также говорит о том, что поведение фаббинга — неотъемлемый атрибут поведения человека, которому важно все успеть и ничего не упустить, в том числе и в общении. Э. Милер-Отт и Л. Келли выдвинули гипотезу, что появление в жизни человека смартфонов привело к появлению многозадачности, в том числе в ситуации обучения, общения, совершения покупок и т.п. [24]. Многозадачность связана не только с фаббингом, но и с информационной перегруженностью человека: мы научились одновременно проверять уроки у ребенка, смотреть телесериал и разговаривать с супругом. В исследованиях обнаружено, что более 80% людей занимаются более чем одним делом при общении с членами семьи или друзьями. Мы вообще редко в современном мире делаем что-то одно — мы всегда совмещаем несколько действий. С этой точки зрения фаббинг является неизбежным последствием и нормой поведения при многозадачности [24].

Исследование, проведенное в Саудовской Аравии, показало, что супругов во-все не раздражает поведение фаббинга у партнеров. Более того, супружеские пары высказали мнение, что они полагаются на телефон в руках у своего партнера, потому что гаджеты повышают доступность коммуникации в любое время, что поддерживает романтические отношения. Участники исследования воспринимали фаббинг не как способ убежать от реальности или общения, а считали такое использование смартфонов даже в контексте общения с партнером важной опорой в своей повседневной жизни. Авторы делают вывод, что эти результаты показывают, что фаббинг нельзя рассматривать только как проблемное и неуважительное поведение [13]. Исследование коллег из Германии

тоже показало, что фаббинг не всегда вызывает реакцию остракизма у партнера по общению, и чувство игнорирования не возникает, если есть хороший контакт и доверие к партнеру [30].

С другой стороны, много исследований в социальной психологии сегодня посвящено негативным последствиям фаббинга для человека. Так, было подтверждено, что фаббинг приводит к конфликтам, обидам, утрате доверия, ревности, неудовлетворенности отношениями, деформации самооценки и т.п. [4; 7; 14; 20]. Меридит Дэвид и Джеймс Робертс выдвинули гипотезу о том, что *фаббинг приводит человека к социальной изоляции, остракизму*. Чувство социальной изоляции в результате фаббинга партнера по общению рождает чувства изгнанности, неважности и вычеркнутости из контакта, нарушает человеческую потребность в принадлежности и близости, а также нарушает чувство собственной ценности [20]. Модель остракизма К. Уильямса предполагает описание трех последовательных стадий переживания человеком социальной изоляции, приводящего к: 1) немедленным аффективным нарушениям и угрозам фундаментальным потребностям (рефлексивная стадия), 2) отсроченным стратегиям совладания (рефлективная стадия) и 3) долгосрочным последствиям для индивидуального здоровья (стадия смирения и ухода) [33]. Социобиологи отмечают, что отсутствие зрительного контакта при общении, перевод взгляда на телефон вместо партнера рождает в человеке ощущение «социального отвержения или наказания». Отведение взгляда невербально считывается человеком как пассивная форма изоляции и сигнал незаинтересованности. Когда мы исключены, активируются части нашего мозга, которые обнаруживают и регулируют душевную боль [34]. Кроме

того, наша способность контролировать мысли, эмоции и поведение оказывается под угрозой, как и наши способности рассуждать и правильно реагировать на социальные стимулы. Когда человек чувствует себя исключенным из контакта, его первоочередной заботой становится восстановление чувства принадлежности и включенности. Чтобы восстановить чувство включенности, люди могут обращаться к своим смартфонам и социальным сетям, чтобы общаться с другими и таким образом смягчать душевную боль, связанную с игнорированием и пренебрежением. Так образуется замкнутый круг, провоцирующий явление фаббинга еще больше.

Таким образом, актуальный пул социально-психологических исследований наполнен часто противоречащими конструкциями, объясняющими фаббинг. Одни исследования свидетельствуют, что поведение фаббинга негативно скаживается на отношениях, коммуникации, заставляя человека чувствовать себя покинутым и отвергнутым [4; 14; 17; 20], а другие оптимистично заявляют, что фаббинг все больше приобретает характер общепризнанной социальной нормы общения новых поколений людей, и вообще фаббинг — непременный атрибут увеличения социальной активности и многозадачности современного человека [11; 13; 18].

Исследования предикторов фаббинга представляют на сегодняшний день некоторую не до конца оформленную полифонию, в которой часто звучат противоположные точки зрения. Таким образом, назрела необходимость провести исследование, которое бы помогло прояснить некоторые личностные предикторы фаббинга, а именно: коммуникабельность, социабельность, эскапизм, включенность и ориентированность на

себя и другого, выраженная в экзистенциальной исполненности личности.

Метод

Схема проведения исследования.

316 человек, принявших участие в исследовании, заполняли 2 группы методик:

1) методики, посвященные изучению поведения, связанного с фаббингом (активного — фаббер; воспринимающего — фабби);

2) методики, направленные на изучение таких черт личности, как социабельность, эскапизм, экзистенциальная исполненность (возможности бытия-в-мире; ценность жизни; самоценность; смысл жизни).

С опорой на теоретический анализ научной литературы и результаты предыдущих исследований были выдвинуты три гипотезы:

1) поведение фаббинга и восприятие фаббинга как новой социальной нормы коммуникации зависит от пола, возраста и уровня образования;

2) поведение фаббинга взаимосвязано с контактностью и социабельностью личности, с эскапизмом и стремлением уйти в альтернативную социальную реальность при общении с помощью возможностей, которые представляет гаджет;

3) поведение фаббинга обратно пропорционально связано со всеми фундаментальными экзистенциальными мотивациями личности (возможностью бытия-в-мире; ценностью жизни; самоценностью; смыслом жизни).

Выборка исследования состояла из респондентов, проживающих на территории Российской Федерации и считающих себя россиянами (учитывался культуральный компонент). Из 316 человек в возрасте от 18 до 50 лет женщины составили 54% выборки, мужчины — 46%. Выборка была стратифицирована по

возрасту: молодежь — 18–35 лет; люди среднего возраста — 36–55 лет ($M = 36,5$; $SD = 17,84$). В исследуемой выборке 64% имели высшее образование, 36% — среднеспециальное или незаконченное высшее.

Методики исследования. Проявления поведения фаббинга изучались с помощью методик «Общая шкала фаббинга (фаббер)» (Generic Scale of Phubbing (GSP)) и «Общая шкала воспринимаемого фаббинга (фабби)» (Generic Scale of Being Phubbed (GSBP)), разработанных В. Чотпитаясунонд и К. Дуглас (V. Chotpitayasunondh, K. Douglas) [19]. Обе методики были переведены и валидизированы в рамках предыдущих исследований [7]. Внутренняя согласованность Общей шкалы фаббинга — α Кронбаха = 0,816; внутренняя согласованность Общей шкалы воспринимаемого фаббинга — α Кронбаха = 0,774.

«Общая шкала фаббинга» состоит из следующих подшкал: 1) номофобия (страх остаться без смартфона); 2) межличностный конфликт из-за поведения фаббинга; 3) самоизоляция с помощью поведения фаббинга; 4) подтверждение проблемы (осознаваемая зависимость от телефона).

«Общая шкала воспринимаемого фаббинга» измеряет три показателя: 1) восприятие фаббинга в свою сторону как социальной нормы; 2) ощущение игнорирования в ситуации фаббинга; 3) межличностный конфликт, возникающий в ответ на фаббинг.

Мера включенности человека в социальную микросреду, обусловленная психоэмоциональной устойчивостью, адаптационными и перцептивно-интрактивными навыками, исследовалась с помощью «Методики диагностики социабельности личности» (Т.И. Богачева) [2]. В методику вошли такие ком-

поненты, как «социальное познание», «контактность», «социальная приспособляемость», «социальная эргичность», «эмоциональная устойчивость».

Уровень эскапизма, выраженный в «неудовлетворенности и избегании»; «состянии Потока»; «создании альтернативной социальной реальности», изменился с помощью «Методики измерения уровня выраженности эскапизма» (авторы: Т.Н. Савченко, О.И. Теславская, Е.В. Беловол, А.А. Кардапольцева) [8].

Экзистенциальная исполненность и ее проявления диагностировались с применением методики «Тест экзистенциальной мотивации» (В.Б. Шумский и др.) [9]. Тест, помимо интегрального уровня экзистенциальной исполненности, позволяет оценить выраженность четырех фундаментальных мотиваций:

— первая фундаментальная мотивация (1 ФЭЦ): защищенность, пространство, опора;

— вторая фундаментальная мотивация (2 ФЭЦ): соотнесенность, время, близость;

— третья фундаментальная мотивация (3 ФЭЦ): заинтересованное внимание; справедливое отношение; признание ценности;

— четвертая фундаментальная мотивация (4 ФЭЦ): включенность во взаимосвязи; поле деятельности; ценность в будущем.

Проведен корреляционный анализ полученных данных (использованы критерий Пирсона и точечно-бисериальный коэффициент корреляции). Полученные данные анализировались с помощью статистического пакета Statistica 12.

Результаты

На первом этапе исследования проверялась гипотеза о взаимосвязи поведения фаббинга и социально-демографи-

ческих характеристик личности. Также исследовалась взаимосвязь между поведением активного фаббинга и воспринимаемого фаббинга.

Корреляционный анализ выявил статистически достоверные связи между поведением фаббинга и социально-демографическими показателями (использовался точечно-бисериальный коэффициент, табл. 1). Интересным был результат, который показал, что в исследуемой выборке те, кто в большей мере проявлял поведение фаббера (игнорировал), также в большой степени отмечали, что в отношении них тоже происходит фаббинг ($r = 0,54$). Они чувствовали себя игнорируемыми ($r = 0,54$), но при этом такое поведение партнера одновременно воспринималось ими как норма ($r = 0,55$). Абсолютно не чувствовали себя жертвами фаббинга (фабби) те, у кого высокий балл по шкале «нomoфобия» (страх оказаться без телефона). Именно в этой группе больше всего встречалась и позиция восприятия фаббинга как современной коммуникативной нормы. Женщины в большей мере проявляли поведение

фаббинга ($r = 0,264$). Таким образом, гипотеза о связи пола, возраста, уровня образования и особенностей поведения фаббинга нашла свое подтверждение.

Для подтверждения гипотезы № 2 проводился корреляционный анализ между показателями поведения фаббинга (в активной роли фаббера) и переменными, характеризующими степень контактности, социабельности и эскапизма человека. Результаты представлены в табл. 2.

Большое количество статистически значимых корреляционных связей показывает, что поведение фаббинга находится в прямо пропорциональной взаимосвязи со всеми качествами личности, характеризирующими социабельность и контактность человека, и обратно пропорционально связано с проявлениями эскапизма (табл. 2). Есть лишь одна слабая прямая корреляционная связь между подтверждением проблемы зависимости от гаджета и Состоянием Потока ($r = 0,12$).

В табл. 3 представлены корреляционные связи между поведением фаббинга и различными показателями экзистенциальной исполненности (табл. 3).

Таблица 1
Результаты корреляционного анализа связи между показателями фаббинга и социально-демографическими характеристиками ($N = 316$)

Позиции в фаббинге	Показатели поведения фаббинга	Пол (1 – мужской; 2 – женский)	Возраст	Уровень образования
Фаббер	Номофобия (фаббер)	0,446**	-0,021	0,055
	Межличностный конфликт (фаббер)	0,113*	0,019	0,077
	Самоизоляция (фаббер)	0,254*	-0,298**	-0,080
	Подтверждение проблемы (фаббер)	0,264*	-0,208*	0,138*
Фабби	Воспринимаемые нормы (фабби)	0,318**	-0,066	0,215*
	Чувство игнорирования	0,104	-0,339**	-0,229**
	Межличностный конфликт (фабби)	0,193*	-0,127*	-0,284**

Примечание: * – корреляция значима при $p < 0,05$; ** – корреляция значима при $p < 0,01$

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа связи между показателями активного фаббинга и проявлением социабельности и эскапизма ($N = 316$)

Методики	Шкалы	Номофобия (фаббер)	Межличностный конфликт (фаббер)	Самоизоляция (фаббер)	Подтверждение проблемы (фаббер)
Эскапизм	Социальное познание	0,192*	0,269**	0,323**	0,554**
	Контактность	0,329**	0,310**	0,411**	0,522**
	Социальная приспособляемость	0,271**	0,138*	0,213*	0,413**
	Социальная эргичность	0,103	0,178*	0,167*	0,186*
	Эмоциональная устойчивость	0,616**	0,368**	0,564**	0,554**
	Социабельность общ.	0,408**	0,343**	0,456**	0,602**
	Неудовлетворенность и избегание	-0,128*	-0,193**	-0,123*	0,020
	Альтернативная социальная реальность	-0,352**	-0,139*	-0,280**	-0,199*
	Состояние Потока	-0,006	-0,129*	-0,079	0,120*
	Интегральный показатель уровня выраженности эскапизма	-0,195*	-0,199*	-0,197*	-0,013

Примечание: * — корреляция значима при $p < 0,05$; ** — корреляция значима при $p < 0,01$.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа связи между показателями активного фаббинга и фундаментальными экзистенциальными мотивациями ($N = 316$)

Фундамент. мотивации	Переменные	Номофобия (фаббер)	Межличностный конфликт (фаббер)	Самоизоляция (фаббер)	Подтверждение проблемы (фаббер)
1 ФЭЦ	Опора	0,192*	-0,049	0,060	0,149*
	Защищенность	0,314**	0,184*	0,213*	0,327**
	Пространство	0,275**	0,138*	0,256*	0,247*
2 ФЭЦ	Соотнесенность	0,083	-0,094	0,000	-0,042
	Время	0,112	0,009	-0,031	-0,064
	Близость	0,031	-0,151*	-0,075	-0,016
3 ФЭЦ	Заинтересованное внимание	0,026	-0,276**	-0,193*	0,0542
	Справедливое отношение	-0,084	-0,443**	-0,339**	-0,203*
	Признание ценности	0,025	-0,120*	-0,093	-0,138*

Фундамент. мотивации	Переменные	Номофобия (фаббер)	Межличностный конфликт (фаббер)	Самоизоляция (фаббер)	Подтверждение проблем (фаббер)
4 ФЭЦ	Возможности для деятельности	-0,179*	-0,365**	-0,382**	-0,365**
	Включенность во взаимосвязи	0,154*	-0,163*	0,017	0,004
	Ценность в будущем	-0,142*	-0,467**	-0,367**	-0,201*
Экз. Исп.	Экзистенциальная исполненность общ.	0,094	-0,235*	-0,128*	-0,144*

Примечание: * — корреляция значима при $p < 0,05$; ** — корреляция значима при $p < 0,01$.

Экзистенция (1 ФЭЦ), характеризующая ощущения собственных возможностей бытия-в-мире, прямо пропорционально взаимосвязана со всеми показателями поведения активного фаббинга. Фундаментальная ценность жизни и отношений с людьми (2 ФЭЦ) имеет слабые связи с фаббингом, но стоит отметить, что при увеличении межличностного конфликта, связанного с фаббингом, снижается чувство близости с другими людьми. Третья фундаментальная ценность (3 ФЭЦ), ориентированная на ощущение собственной ценности, имеет прочные обратно пропорциональные связи с фаббингом, особенно с межличностным конфликтом и самоизоляцией. Чем больше у людей есть ощущение интереса к себе, справедливого отношения и признания, тем меньше они прибегают к самоизоляции посредством гаджета, а также к поведению фаббинга в целом. Обратные связи между выраженной 4 ФЭЦ (смысл жизни, будущее) и фаббингом говорят о том, что у людей, которые часто прибегают к фаббингу, гораздо меньше ощущения возможностей для деятельности, ценности в будущем и осмысленности своей жизни в целом.

Обсуждение результатов

Исследование социально-демографических показателей фаббинга показало, что к поведению активного фаббинга чаще прибегают молодые люди. В нашей выборке фабберами чаще выступали женщины. Именно женщины в большей степени воспринимают фаббинг как норму общения, хотя также отмечают, что это иногда приводит к конфликтам. Наши результаты согласуются с данными израильского исследования, где женщины обнаружили большую склонность к поведению активного фаббинга, а также чаще проявляли эмоциональную реактивность в ситуации воспринимаемого фаббинга со стороны партнера [28].

Интересно, что чем старше люди, тем меньше они проявляют фаббинг в ситуации взаимодействия, но при этом они достаточно толерантно относятся к фаббингу в свою сторону, не вступая в конфликт и не всегда чувствуя себя отвергнутыми. Не было обнаружено достоверных различий между молодежью и более старшим поколением в том, как относиться к фаббингу: обе возрастные группы показали достаточно высокий уровень толерантности к этому явлению, и в опросе молодежь высказала даже более негативные суждения о фаббинге,

особенно в ситуации общения с романтическим партнером. Это согласуется с данными, которые говорят, что в жизнь людей зрелого возраста гаджеты вошли очень прочно, и они тоже не представляют своей жизни без смартфонов и возможности к ним постоянно обращаться. Такие различия и взаимосвязи можно объяснить тем, что в нашей выборке не было лиц старше 50 лет, которые, несомненно, внесли бы существенные сдвиги в результаты, так как для старшего поколения поведение фаббинга квалифицируется, скорее, как вариант невежливого и даже оскорбительного общения [23].

Люди с высшим образованием чаще прибегают к гаджетам и чаще проявляют поведение фаббинга в общении (так как обращаются к телефону чаще в рабочих ситуациях, с целью поиска и чтения полезной информации и т.д.). Они гораздо чаще указывают, что фаббинг — это норма современного социального взаимодействия, и меньше расстраиваются, конфликтуют, когда видят, что от общения с ними люди переключаются на телефон, переключаясь на него так же довольно часто.

Вторая гипотеза, посвященная взаимосвязи социабельности и коммуникабельности человека и его предрасположенности к фаббингу, полностью подтвердилась. Действительно, фаббера более контакты, более открыты для общения, социально адаптивны и эмоционально устойчивы в общении. Таким образом, люди, прерывая свое общение с партнером в пользу телефона, скорее, боятся упустить возможность контактов с другими людьми, хотят узнать какую-то новую для себя информацию, вовремя ответить на сообщение и т.д. Таким образом, с одной стороны, фаббинг нарушает близкий контакт с партнером, с которым происходит общение, но, с другой стороны, он как будто позволяет сохранять

постоянную связь с другими людьми, позволяя снизить тревогу, вызванную опасением упустить что-то важное, в том числе и в социальном взаимодействии.

Наше предположение, что фаббинг будет связан с эскапизмом, не подтвердилось. Полученные коэффициенты корреляции показывают, что активное поведение фаббинга обратно пропорционально связано с эскапизмом, с неудовлетворенностью и избеганием, а также с поиском человеком альтернативной социальной реальности. То есть фаббинг, по результатам нашего исследования, не является способом убегания из реальной жизни в мир фантазий, развлечений и виртуальных отношений. По поводу взаимосвязи фаббинга и эскапизма мнения зарубежных ученых, исследовавших эти процессы, расходятся. Например, турецкие социальные психологи обнаружили такую прямую зависимость между фаббингом и эскапизмом, правда, опосредованную другой переменной — « страхом упустить что-то важное» (FOMO) (переменной-медиатором) [12]. В других исследованиях, наоборот, в большей мере подчеркивается связь поведения фаббинга с такой чертой личности, как «нейротизм», которая характеризуется повышенной тревожностью, неуверенностью в себе и страхом что-то упустить и, как следствие, чрезмерной включенностью в контакты [14]. Именно нейротизм и страх что-то упустить запускают поведение фаббинга, а эскапизм больше свойственен лицам с компьютерной и интернет-аддикцией, а также тем людям, кто использует телефон для компенсации скуки, дискомфорта, одиночества. Дополнительная беседа с респондентами показала, что люди прибегают к фаббингу, потому что проверяют сообщения и пропущенные звонки, а также комментарии на их посты в социальных сетях.

Редко кто в ситуации непосредственного общения с партнером отвлекается на чтение новостей, просмотр фильмов и компьютерные игры. Полученные данные позволяют нам несколько иначе посмотреть на явление фаббинга, как на нечто, не связанное с желанием убежать от реальности, одиночества, а связанное со стремлением к созданию более плотного контакта с социальной реальностью, более активного общения и интенсивного социального познания, а также страхом пропустить что-то для себя ценное и важное. Необходимо более детально изучать данные закономерности, возможно, с привлечением медиаторного анализа и моделирования различных социальных ситуаций фаббинга.

Фаббинг и проявленность различных фундаментальных мотиваций человека, составляющих его экзистенциальную исполненность, представляли разные варианты взаимосвязи. Были рассмотрены четыре уровня экзистенциальных взаимодействий человека: с миром (1 ФЭЦ); с ценностями жизни (2 ФЭЦ); с собственным бытием (3 ФЭЦ); с пониманием и осмысленностью будущего (4 ФЭЦ).

Прямо пропорциональные значимые связи фаббинга есть со всеми мотивациями взаимодействия с миром – 1 ФЭЦ. По-другому эту мотивацию называют «присутствие в этом мире». У людей, часто проявляющих фаббинг, высокие показатели по всем трем компонентам этой мотивации: защищенность, опора, пространство. Они лучше чувствуют опору в этом мире, видят пространство для себя и чувствуют себя достаточно защищенными.

Со второй фундаментальной мотивацией (2 ФЭЦ) не было значимых связей у тех, кто часто выступает в роли фаббера. Можно предположить, что фаббинг не связан с тем, насколько человек чув-

ствует себя включенным в эту жизнь. Есть только обратно пропорциональная связь между переменными «межличностный конфликт из-за фаббинга» и «близость», что может косвенно подтверждать, что фаббинг все-таки может приводить к отдалению и образованию дистанции между людьми при близких, референтных отношениях.

Третья фундаментальная мотивация (3 ФЭЦ) отвечает за ощущение человеком возможности проявляться в этом мире и быть собой. Люди, демонстрирующие поведение фаббера, в меньшей степени чувствуют заинтересованность в себе, в меньшей степени ощущают справедливость по отношению к себе и в целом чувствуют меньшую ценность своей жизни. По мнению А. Лэнгле, дефицитарность третьей фундаментальной мотивации часто связана с нарциссизмом личности [5]. Получается, что фаббера чаще проявляют нарциссические черты личности, одновременно сочетающие в себе характеристики собственной грандиозности и уязвимости. Это согласуется с данными австралийского исследования, которое подтвердило связь между нарциссизмом и фаббингом. По данным Рэйчил Грив и Эвиты Марч, уязвимые нарциссы, испытывая недостаток самооценки и самоуважения, могут испытывать чувство пустоты и стыда. Именно среди представителей уязвимого типа нарциссов преобладало поведение активного фаббинга [22].

Обратная связь между поведением фаббинга и четвертой фундаментальной мотивацией (4 ФЭЦ), отвечающей за осмысленность собственной жизни и перспективы в будущем, показывает, что фаббера в меньшей степени видят возможности для будущего, меньше задумываются о перспективах и смыслах своей жизни. Ориентированность на множественные

контакты и многозадачность смещает фокус внимания с глубинных контактов, обедняет возможности личности быть в контакте со своими собственными экзистенциальными потребностями.

Люди, имеющие низкие показатели экзистенциальной исполненности, гораздо чаще склонны проявлять поведение фаббинга. Дополняя выводы других исследователей о том, что фаббинг может мешать нам строить близкие и включенные отношения с другими людьми [17; 21; 25], можно добавить, что он также может осложнять выстраивание контакта человека с самим собой и своими глубинными потребностями.

В дальнейшем изучении фаббинга необходимо учитывать и социально-демографические переменные, и переменные социабельности личности, и стремление человека быть в контакте с собой и другими.

Выводы

Поведение фаббинга выражено больше у женщин. Были обнаружены статистически достоверные связи между фаббингом и наличием высшего образования. Для подавляющего большинства выборки фаббинг является воспринимаемой нормой общения.

В исследовании удалось подтвердить предположение, что активное поведение фаббинга может быть связано с такими чертами личности, как социабельность, стремление к разнообразным, непрерывным контактам, страх упустить возможности в общении, желание приспособиться к социальному взаимодействию в условиях многозадачности.

Можно отметить, что у активных фабберов в плане экзистенциальной реализации есть ощущение безопасности и доверия к миру, но при этом есть невротические и нарциссические черты, свя-

занные со страхом быть непризнанным, а также ощущением собственной недостаточной ценности, которые они пытаются компенсировать посредством дополнительного общения и самопредъявления себя посредством смартфона.

Снижение мотивации, направленной на будущее, снижение ценности осознавания себя в этом мире могут говорить о недостаточно глубоком контакте с собой и своими фундаментальными потребностями. Можно предположить, что фаббинг позволяет создавать систему «слабых» социальных связей, нанося ущерб при этом «сильным и глубоким» социальным связям. Это согласуется с выводами А.А. Мироновой, которая констатирует, что «сильные связи» в условиях активного использования ИКТ ослабевают, но при этом наращивается социальный капитал, состоящий из «слабых связей» и более поверхностных контактов [6].

Связь между фаббингом и личностными характеристиками можно объяснить в рамках *теории использования и удовлетворения*. Эта теория утверждает, что посредством социальных сетей и общения через смартфон люди удовлетворяют определенные потребности. С этой точки зрения люди очень часто прибегают к гаджетам для удовлетворения таких потребностей, как поддержание своих контактов, повышение самооценки, поиск развлечений, получение восхищения и т.д. Фаббинг в этом контексте позволяет людям с высоким уровнем коммуникабельности и с дефицитарным ощущением собственного Я удовлетворить свои потребности в признании, уважении, любви. Принятие, признание, интерес к себе они могут гораздо быстрее получить в результате более контролируемого и поверхностного онлайн-общения.

Всестороннее исследование, учитывавшее выявленные связи, а также более детальное изучение этих связей с учетом социокультурного контекста имеют важное значение для более глубокого понимания явления фаббинга.

Результаты исследования раскрывают роль личностных особенностей человека, побуждающих его к поведению фаббинга, что позволит психологам понимать природу фаббинга, а также прояснить изменения некоторых социальных норм, принятых в общении в условиях многозадачности человека и цифровизации общества.

Ограничения исследования. Данное исследование имеет некоторые ограничения. Во-первых, стоит отметить, что ис-

следование было проведено в основном на жителях крупных городов Российской Федерации, что может вносить некоторую специфику в образ жизни и особенности социальной интеракции респондентов. В исследовании не участвовали люди старше 50 лет, что, как мы отмечали выше, внесло некоторую специфику в интерпретацию связей, относящихся к возрасту респондентов. В-третьих, в связи с тем, что было проведено перекрестное (корреляционное) исследование, мы не можем говорить об однозначных причинно-следственных связях между исследуемыми показателями. В дальнейшем планируется прояснить некоторые полученные связи, дополнив количественные методы исследования качественными.

Литература

1. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57. DOI:10.17759/sps.2019100404
2. Богачева Т.И. Исследование социабельности как личностной характеристики лидера: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 4. С. 76–89. DOI:10.17759/exppsy.2021140404
3. Бойкина Е.Э. Современные лики социального остракизма: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2. С. 131–140. DOI:10.17759/jmfp.2022110212
4. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 61–76. DOI:10.17759/crp.2019270305
5. Лэнгле А. Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2020. 159 с.
6. Миронова А.А. Использование информационно-коммуникационных технологий и социальный капитал: природа взаимосвязи // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 5–21. DOI:10.17759/sps.2022130101
7. Нестерова А.А., Заигралина А.А. Влияние фаббинга на качество романтических отношений молодых людей // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (г. Москва, 12–13 мая 2021 года). М.: МГППУ, 2021. С. 401–404.
8. Теславская О.И., Савченко Т.Н. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 162–176. DOI:10.17759/exppsy.2019120212
9. Шумской В.Б., Уколоева Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 4. С. 763–788.

10. *Abi Doumit C., Malaeb D., Akel M., Salameh P., Obeid S., Hallit S.* Association between Personality Traits and Phubbing: The Co-Moderating Roles of Boredom and Loneliness // *Healthcare*. 2023. Vol. 11. P. 915. DOI:10.3390/healthcare11060915
11. *Ajooba K.F., Ambarwati K.D.* Phubbing Behavior and Satisfaction of Romantic relationships in Early adult dating: a correlational study // *Journal of Community Mental Health and Public Policy*. 2023. Vol. 6. № 1. P. 24–33.
12. *Akyol N.A., Ergin D.A., Krettmann A.K., Essau C.A.* Is the relationship between problematic mobile phone use and mental health problems mediated by fear of missing out and escapism? // *Addictive behaviors reports*. 2021. Vol. 14. P. 100384. DOI:10.1016/j.abrep.2021.100384
13. *Aljasir S.* Present but absent in the digital age: testing a conceptual model of phubbing and relationship satisfaction among married couples // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2022. Vol. 2022. P. 1–11. DOI:10.1155/2022/1402751
14. *Al-Saggaf Y.* Partner Phubbing // *The Psychology of Phubbing. SpringerBriefs in Psychology*. Springer, Singapore. 2022. P. 21–31. DOI:10.1007/978-981-19-7045-0_3
15. *Al-Saggaf Y., MacCulloch R.* Phubbing and social relationships: Results from an Australian sample // *Journal of Relationships Research*. 2019. Vol. 10. P. e10. DOI:10.1017/jrr.2019.9
16. *Arenz A., Schnauber-Stockmann A.* Who “phubs”? A systematic meta-analytic review of phubbing predictors [Electronic resource] // *Mobile Media & Communication*. 2023. DOI:10.1177/20501579231215678
17. *Chmielik M.M., Blachnio A.* Till phone do us part: The role of phubbing in relationship satisfaction and self-esteem // *Journal for Perspectives of Economic Political and Social Integration*. 2021. Vol. 27. № 2. P. 91–112. DOI:10.18290/PEPSI-2021-0009
18. *Chotpitayasunondh V., Douglas K.M.* How “phubbing” becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 63. P. 9–18. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.018
19. *Chotpitayasunondh V., Douglas K.M.* Measuring phone snubbing behavior: Development and validation of the Generic Scale of Phubbing (GSP) and the Generic Scale of Being Phubbed (GSBP) // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 88. P. 5–17. DOI:10.1016/J.CHB.2018.06.020
20. *David M.E., Roberts J.A.* Phubbed and alone: Phone snubbing, social exclusion, and attachment to social media // *Journal of the Association for Consumer Research*. 2017. Vol. 2. P. 155–163.
21. *Garrido E.C., Issa T., Esteban P.G., Delgado S.C.* A descriptive literature review of phubbing behaviors // *Heliyon*. 2021. Vol. 7. № 5. P. 1–10. DOI:10.1016/j.heliyon.2021.e07037
22. *Grieve R., March E.* ‘Just checking’: Vulnerable and grandiose narcissism subtypes as predictors of phubbing // *Mobile Media & Communication*. 2020. Vol. 9. № 2. P. 195–209. DOI:10.1177/2050157920942276
23. *Kadylak T., Makki T.W., Francis J., Cotten S.R., Rikard R.V., Sah Y.J.* Disrupted copresence: older adults’ views on mobile phone use during face-to-face interactions // *Mobile Media & Communication*. 2018. Vol. 6. № 3. P. 331–349. DOI:10.1177/20501579187581
24. *Miller-Ott A., Kelly L.* The presence of cell phones in romantic partner face-to-face interactions: An expectancy violation theory approach // *Southern Communication Journal*. 2015. Vol. 80. № 4. P. 253–270. DOI:10.1080/1041794X.2015.1055371
25. *Misra S., Cheng L., Genevie J., Yuan M.* The iphone effect: The quality of in-person social interactions in the presence of mobile devices // *Environment and Behavior*. 2016. Vol. 48. № 2. P. 275–298. DOI:10.1177/0013916514539755
26. *Nazir T., Bulut S.* Phubbing and What Could Be Its Determinants: A Dugout of Literature // *Psychology*. 2019. Vol. 10. P. 819–829. DOI:10.4236/psych.2019.106053
27. *Parmaksiz I.* Relationships between phubbing and the five factor personality traits // *Kastamonu Education Journal*. 2021. Vol. 29. № 4. P. 32–42. DOI:10.24106/KEFDERGI.795620

28. *Peleg O., Boniel-Nissim M.* Exploring the personality and relationship factors that mediate the connection between differentiation of self and phubbing // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. № 1. P. 6572. DOI:10.1038/s41598-024-55560-1

29. *Sansevere K.S., Ward N.* Linking phubbing behavior to self-reported attentional failures and media multitasking // *Future Internet*. 2021. Vol. 13. № 4. P. 100. DOI:10.3390/FI13040100

30. *Schuster K., Lindermayer T., van Putten L., Clark J., Diefenbach S.* Does It All Harm the Same? – An Empirical Exploration of Opportunities to Reduce the Negative Psychological Effects of Phubbing // *Psychology*. 2023. Vol. 14. P. 910–931. DOI:10.4236/psych.2023.146049

31. *Sun J., Samp J.A.* 'Phubbing is happening to you': examining predictors and effects of phubbing behaviour in friendships // *Behaviour & Information Technology*. 2022. Vol. 41. № 12. P. 2691–2704. DOI:10.1080/0144929X.2021.1943711

32. *Suwinyattichaiporn T., Generous M.A.* "Who's Doing the Phubbing?" Exploring individual factors that predict phubbing behaviors during interpersonal interactions // *Ohio Communication Journal*. 2019. Vol. 57. P. 105–114.

33. *Williams K.D.* Ostracism // *Annual Review of Psychology*. 2007. Vol. 58. P. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

34. *Wirth J., Sacco D., Hugenberg K., Williams K.* Eye Gaze as Relational Evaluation: Averted Eye Gaze Leads to Feelings of Ostracism and Relational Devaluation // *Personality & social psychology bulletin*. 2010. Vol. 36. № 7. P. 869–882. DOI:10.1177/0146167210370032

References

1. Aisina R.M., Nesterova A.A. Kibersotsializatsiya molodezhi v informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve sovremennoego mira: effekty i riski [Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 42–57. DOI:10.17759/sps.2019100404 (In Russ.).
2. Bogacheva T.I. Issledovanie sotsial'nosti kak lichnostnoi kharakteristiki lidera: postroenie oprosnika i ego validizatsiya [Study of Sociality as a Personal Characteristic of a Leader: Construction of a Questionnaire and its Validation]. *Ekspериментальная психология = Experimental Psychology*, 2021. Vol. 14, no. 4, pp. 76–89. DOI:10.17759/exppsy.2021140404 (In Russ.).
3. Boikina E.E. Sovremennye liki sotsial'nogo ostrakizma: gosting, orbiting, fabbing, kul'tura otmeny [Modern Faces of Social Ostracism: Ghosting, Orbiting, Phubbing, Cancel Culture]. *Sovremennaia zarubezhnaia psichologiiia = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 2, pp. 131–140. DOI:10.17759/jmfp.2022110212 (In Russ.).
4. Kryukova T.L., Ekimchik O.A. Fabbing kak ugroza blagopoluchiyu blizkikh otnoshenii [Phubbing as a Possible Threat to Close Relationships' Welfare]. *Konsul'tativnaya psichologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 61–76. DOI:10.17759/cpp.2019270305 (In Russ.).
5. Lengle A. Person. Ekzistentsial'no-analiticheskaya teoriya lichnosti [Person. Existential-analytical theory of personality]. Moscow: Publ. "Genezis", 2020. 159 p. (In Russ.).
6. Mironova A.A. Ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii i sotsial'nyi kapital: priroda vzaimosvyazi [The Use of Information and Communication Technologies and Social Capital: the Nature of the Correlation]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 5–21. DOI:10.17759/sps.2022130101 (In Russ.).
7. Nesterova A.A., Zaigralina A.A. Vliyanie fabbinga na kachestvo romanticheskikh otnoshenii molodykh lyudei [The influence of phubbing on the quality of romantic relationships of young people]. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati M.Yu. Kondrat'eva "Social'naya psichologiya: voprosy teorii i praktiki" (Moskva, 12–13 maya 2021 goda). [Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference in memory of M.Yu. Kondrat'eva "Social psychology: issues of theory and practice"]. Moscow: Pabl. MGPPU, 2021, pp. 401–404. (In Russ.).

8. Teslanskaya O.I., Savchenko T.N. Sub"ektivnoe kachestvo zhizni i psikhologicheskaya adaptatsiya u lits s nizkim, srednim i vysokim urovнем eskapizma [Subjective quality of life and psychological adaptation of individuals with low, normal and high level of escapism]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology*, 2019. Vol. 12, no. 2, pp. 162–176. DOI:10.17759/exppsy.2019120212 (In Russ.).
9. Shumskii V.B., Ukolova E.M., Osin E.N., Lupandina Ya.D. Diagnostika ekzistentsial'noi ispolnennosti: original'naya russkoyazychnaya versiya testa ekzistentsial'nykh motivatsii [Measuring Existential Fulfillment: An Original Russian Version of Test of Existential Motivations]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2016. Vol. 13, no. 4, pp. 763–788.
10. Abi Doumit C., Malaeb D., Akel M., Salameh P., Obeid S., Hallit S. Association between Personality Traits and Phubbing: The Co-Moderating Roles of Boredom and Loneliness. *Healthcare*, 2023, no. 11, p. 915. DOI:10.3390/healthcare11060915
11. Ajooba K.F., Ambarwati K.D. Phubbing Behavior and Satisfaction of Romantic relationships in Early adult dating: a correlational study. *Journal of Community Mental Health and Public Policy*, 2023. Vol. 6, no. 1, pp. 24–33.
12. Akyol N.A., Ergin D.A., Krettmann A.K., Essau C.A. Is the relationship between problematic mobile phone use and mental health problems mediated by fear of missing out and escapism? *Addictive behaviors reports*, 2021, no. 14, p. 100384. DOI:10.1016/j.abrep.2021.100384
13. Aljasir S. Present but absent in the digital age: testing a conceptual model of phubbing and relationship satisfaction among married couples. *Human Behavior and Emerging Technologies*, no. 2022, pp. 1–11. DOI:10.1155/2022/1402751
14. Al-Saggaf Y. Partner Phubbing. *The Psychology of Phubbing*. Singapore: Springer, 2022, pp. 21–31. DOI:10.1007/978-981-19-7045-0_3
15. Al-Saggaf Y., MacCulloch R. Phubbing and social relationships: Results from an Australian sample. *Journal of Relationships Research*, 2019, no. 10. pp. e10. DOI:10.1017/jrr.2019.9
16. Arenz A., Schnauber-Stockmann A. Who “phubs”? A systematic meta-analytic review of phubbing predictors [Electronic resource]. *Mobile Media & Communication*, 2023. DOI:10.1177/20501579231215678
17. Chmielik M.M., Błachnio A. Till phone do us part: The role of phubbing in relationship satisfaction and self-esteem. *Journal for Perspectives of Economic Political and Social Integration*, 2021. Vol. 27, no. 2, pp. 91–112. DOI:10.18290/PEPSI-2021-0009
18. Chotpitayasanondh V., Douglas K.M. How “phubbing” becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 63, pp. 9–18. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.018
19. Chotpitayasanondh V., Douglas K.M. Measuring phone snubbing behavior: Development and validation of the Generic Scale of Phubbing (GSP) and the Generic Scale of Being Phubbed (GSBP). *Computers in Human Behavior*, 2018, no. 88, pp. 5–17. DOI:10.1016/J.CHB.2018.06.020
20. David M.E., Roberts J.A. Phubbed and alone: Phone snubbing, social exclusion, and attachment to social media. *Journal of the Association for Consumer Research*, 2017, no. 2, pp. 155–163.
21. Garrido E.C., Issa T., Esteban P.G., Delgado S.C. A descriptive literature review of phubbing behaviors. *Heliyon*, 2021. Vol. 7, no. 5, pp. 1–10. DOI:10.1016/j.heliyon.2021.e07037
22. Grieve R., March E. ‘Just checking’: Vulnerable and grandiose narcissism subtypes as predictors of phubbing. *Mobile Media & Communication*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 195–209. DOI:10.1177/2050157920942276
23. Kadylak T., Makki T.W., Francis J., Cotten S.R., Rikard R.V., Sah Y.J. Disrupted copresence: older adults’ views on mobile phone use during face-to-face interactions. *Mobile Media & Communication*, 2018. Vol. 6, no. 3, pp. 331–349. DOI:10.1177/20501579187581
24. Miller-Ott A., Kelly L. The presence of cell phones in romantic partner face-to-face interactions: An expectancy violation theory approach. *Southern Communication Journal*, 2015. Vol. 80, no. 4, pp. 253–270. DOI:10.1080/1041794X.2015.1055371

25. Misra S., Cheng L., Genevie J., Yuan M. The iphone effect: The quality of in-person social interactions in the presence of mobile devices. *Environment and Behavior*, 2016. Vol. 48, no. 2, pp. 275–298. DOI:10.1177/0013916514539755

26. Nazir T., Bulut S. Phubbing and What Could Be Its Determinants: A Dugout of Literature. *Psychology*, 2019, no. 10, pp. 819–829. DOI:10.4236/psych.2019.106053

27. Parmaksiz I. Relationships between phubbing and the five factor personality traits. *Kastamonu Education Journal*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 32–42. DOI:10.24106/KEFDERGL.795620

28. Peleg O., Boniel-Nissim M. Exploring the personality and relationship factors that mediate the connection between differentiation of self and phubbing. *Scientific Reports*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 6572. DOI:10.1038/s41598-024-55560-1

29. Sansevere K.S., Ward N. Linking phubbing behavior to self-reported attentional failures and media multitasking. *Future Internet*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 100. DOI:10.3390/FI13040100

30. Schuster K., Lindermayer T., van Putten L., Clark J., Diefenbach S. Does It All Harm the Same? — An Empirical Exploration of Opportunities to Reduce the Negative Psychological Effects of Phubbing. *Psychology*, 2023, no. 14, pp. 910–931. DOI:10.4236/psych.2023.146049

31. Sun J., Samp J.A. 'Phubbing is happening to you': examining predictors and effects of phubbing behaviour in friendships. *Behaviour & Information Technology*, 2022. Vol. 41, no. 12, pp. 2691–2704. DOI:10.1080/0144929X.2021.1943711

32. Suwinyattichaiporn T., Generous M.A. "Who's Doing the Phubbing?" Exploring individual factors that predict phubbing behaviors during interpersonal interactions. *Ohio Communication Journal*, 2019, no. 57, pp. 105–114.

33. Williams K.D. Ostracism. *Annual Review of Psychology*, 2007, no. 58, pp. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

34. Wirth J., Sacco D., Hugenberg K., Williams K. Eye Gaze as Relational Evaluation: Averted Eye Gaze Leads to Feelings of Ostracism and Relational Devaluation. *Personality & social psychology bulletin*, 2010. Vol. 36, no. 7, pp. 869–882. DOI:10.1177/0146167210370032

Информация об авторах

Нестерова Альбина Александровна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и педагогической психологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (ФГАОУ ВО ГУП), г. Мытищи, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7830-9337>, e-mail: anesterova77@rambler.ru

Феклисова Анастасия Александровна, аспирант кафедры социальной и педагогической психологии, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (ФГАОУ ВО ГУП), г. Мытищи, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4237-0048>, e-mail: feklisovanastya@mail.ru

Information about the authors

Albina A. Nesterova, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Social and Pedagogical Psychology, State University of Education, Mytishchi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7830-9337>, e-mail: anesterova77@rambler.ru

Anastasia A. Feklisova, PhD student, Department of Social and Pedagogical Psychology, State University of Education, Mytishchi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-4237-0048>, e-mail: feklisovanastya@mail.ru

Получена 14.04.2024

Received 14.04.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Зависимость от смартфона и ее связи с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян

Шейнов В.П.

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Низовских Н.А.

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВятГУ»),
г. Киров, Российской Федерации
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5541-5049>, e-mail: nina.nizovskikh@gmail.com

Ермак В.О.

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0842-8422>, e-mail: yermakvladislav@yandex.ru

Цель. Выявление и сравнительный анализ связей зависимости от смартфона с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян.

Контекст и актуальность. Пользователи смартфона, попавшие в зависимость от него, страдают от многих проявлений психологического неблагополучия, поэтому зависимость от смартфона стала объектом пристального внимания психологов разных стран. При этом актуален вопрос: сходны или различны ее связи с личностными характеристиками пользователей у представителей разных этносов?

Дизайн исследования. На основе онлайн-тестирования выявлялись и анализировались связи зависимости от смартфона у российских и белорусских мужчин и женщин.

Участники. 3379 респондентов: 2365 белорусов (55,39% – женщины) и 1014 россиян (65,87% – женщины).

Методы (инструменты). Опросники: зависимости от смартфона (автор В.П. Шейнов), зависимости от социальных сетей (авторы В.П. Шейнов, А.С. Девицын), факторные модели данных зависимостей (авторы В.П. Шейнов, А.С. Девицын); «Шкала академической мотивации» (авторы Т.О. Гордеева и др.); «Шкала прокрастинации» К. Лей в адаптации Я.И. Варваричевой; тест М. Снайдера «Самоконтроль в общении».

Результаты. Зависимость от смартфона белорусских и российских мужчин и женщин и все ее факторы отрицательно коррелируют с внутренней академической мотивацией и положительно – с внешней академической мотивацией, прокрастинацией, самоконтролем в общении и зависимостью от соцсетей. Эти корреляции у белорусов и россиян различаются только теснотой связей, они свидетельствуют о том, что зависимость от смартфона отрицательно связана с внутренней мотивацией к обучению, открытостью и непосредственностью контактов.

Основные выводы. У белорусов и россиян: 1) обнаружено сходство связей зависимости от смартфона с академической мотивацией, прокрастинацией, самоконтролем в общении и зависимостью от соцсетей; 2) выявлена отрицательная связь смартфон-аддикции с внутренней мотивацией к учебе и качеством общения.

Ключевые слова: зависимость от смартфона; академическая мотивация; прокрастинация; самоконтроль в общении; зависимость от социальных сетей; белорусы; россияне; мужчины; женщины.

Для цитаты: Шейнов В.П., Низовских Н.А., Ермак В.О. Зависимость от смартфона и ее связи с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150207>

Smartphone Addiction and Its Correlations with Academic Motivation, Procrastination and Self-Control in Communication among Belarusians and Russians

Viktor P. Sheinov

Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Nina A. Nizovskikh

Vyatka State University, Kirov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5541-5049>, e-mail: nina.nizovskikh@gmail.com

Vladislav O. Ermak

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0842-8422>, e-mail: yermakovladislav@yandex.ru

Objective. Identification and comparative analysis of connections between smartphone addiction and academic motivation, procrastination and self-control in communication among Belarusians and Russians.

Background. Smartphone users who become dependent on it suffer from many manifestations of psychological ill-being, so smartphone addiction has become the object of close attention of psychologists in different countries. At the same time, the relevant question is: are its connections with the personal characteristics of users among representatives of different ethnic groups similar or different?

Study design. Based on online testing, connections between smartphone addiction among Russian and Belarusian men and women were identified and analyzed.

Participants. 3379 respondents: 2365 Belarusians (55,39% women) and 1014 Russians (65,87% women).

Methods. The study used questionnaires: smartphone addiction (author V.P. Sheinov), social network addiction (authors V.P. Sheinov, A.S. Devitsyn), factor models of these addictions (authors V.P. Sheinov, A.S. Devitsyn); questionnaire "Academic Motivation Scale" (authors T.O. Gordeeva and others); "Procrastination Scale" by K. Lei, adapted by Ya.I. Varvaricheva; M. Snyder's test "Self-control in communication".

Results. Smartphone addiction of Belarusian and Russian men and women and all its factors correlate negatively with internal academic motivation and positively with external academic motivation, procrastination, self-control in communication and addiction to social networks. These correlations between Belarusians and Russians differ only in the closeness of connections; they indicate that smartphone addiction is negatively related to internal motivation for learning, openness and directness of contacts.

Main conclusions. Among Belarusians and Russians: 1) were found similarities of the correlation between smartphone addiction and academic motivation, procrastination, self-control in communication and addiction to social networks; 2) a negative relationship between smartphone addiction and internal motivation to study and quality of communication was revealed.

Keywords: smartphone addiction; academic motivation; procrastination; self-control in communication; social network addiction; Belarusians; Russians; men; women.

For citation: Sheinov V.P., Nizovskikh N.A., Ermak V.O. Smartphone Addiction and Its Correlations with Academic Motivation, Procrastination and Self-Control in Communication among Belarusians and Russians. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150207> (In Russ.).

Введение

Смартфоны в настоящее время стали настолько популярными, что исследователи характеризуют их как устройства, обеспечивающие «цифровое расширение» личности. Пользователи зачастую рассматривают смартфоны как часть своего тела, подобно рукам и глазам, и могут называть их «лучшими друзьями» и «родственными душами» [17]. Привлекательность смартфонов определяется их высокой функциональностью, портативностью, подключением к интернету. Смартфоны используются для обучения, досуга, социального взаимодействия, формирования идентичности и многих других целей [15]. Наиболее заметен рост использования гаджетов в подростковой и юношеской возрастных группах [4, с. 150]. Процессы, в которых телефоны становятся спутниками молодых людей в повседневной жизни, глубоко интимны [17].

Смартфоны самые что ни на есть «черные лебеди» нашей жизни. Кажется, без них все в нашей жизни остановится. Сама личность, когда в ее руках смартфон, становится иной: дополненной, до-струйленной, расширенной.

Смартфоны как устройства, расширяющие личность

Как отмечают Г.У. Солдатова и А.Е. Войсунский, «постоянные спутники современного человека — смартфон и компьютер — на первый взгляд кажутся лишь частью обычной жизни» [9, с. 432]. Но цифровая эпоха революционно меня-

ет социализационные процессы, так что можно говорить о «цифровой социализации» [8]. Мы разделяем точку зрения о том, что «развитие ребенка и подростка сегодня может рассматриваться как формирование гиперподключенной, технологически достроенной цифровой личности» [10, с. 13].

Важно при этом понимать, что смартфон как устройство не является «психологическим орудием» или «психологическим инструментом» в том смысле, как их (психологические орудия и психологические инструменты) понимал и описывал Л.С. Выготский. Почему? Психологическое орудие «видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя своими свойствами строение нового инструментального акта» [2, с. 103]. А смартфон нет. Смартфон — это «техническое орудие». Техническое орудие, по Л.С. Выготскому, «видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций» [2, с. 103]. Смартфон как техническое, а не психологическое орудие не опосредует психические функции, не встраивается в них и не преобразует их. Смартфон можно отложить в сторону, потерять, испортить, его могут украсть и т.д.

Значимость смартфона как технического устройства определяется прежде всего предоставлением доступа к интернету, что обуславливает возможность для человека буквально «жить» в этой новой виртуальной реальности. Не случайно исследователи включают в «циф-

ровую личность» и «принадлежащие человеку и подключенные к сети цифровые устройства» [9, с. 441]. Нет никакого сомнения, что «технологическая расширенность субъекта, безусловно, ставит вопрос о том, что происходит с ним как с социальным существом» [9, с. 442].

Цифровое расширение информационных возможностей человека, постепенно превращающее его в Homo informaticus (В.И. Панов), обуславливает «риск того, что когнитивное, эмоциональное и личностное развитие подрастающего поколения начинает в большей степени подчиняться тому контенту, который предлагает индивиду цифровая среда» [5, с. 71]. Цифровизация информационной среды особую значимость в связи с этим приобретает в контексте экопсихологической модели становления субъектности [6].

Смартфоном, как и любым другим цифровым устройством, нужно овладеть, нужно научиться пользоваться им так, чтобы он не мешал развитию психических процессов и личности, а способствовал этому, помогая расширению социальных контактов, достижению социальной успешности, психологического благополучия и др. Никто не может оспорить то, что использование смартфона доставляет удовольствие, может выступать как просоциальное и развивающее. Вместе с тем все более актуальной становится проблема зависимости от смартфонов.

Зависимость от смартфона как социально-психологическая проблема

Как свидетельствуют жизненные наблюдения и специально организованные исследования, нерегламентированное использование смартфонов, превышающее разумные временные интервалы,

может неблагоприятно влиять на физическое благополучие, личностные свойства и качества человека, его учебную и профессиональную деятельность, его межличностные отношения. В исследовании, проведенном на выборке корейских подростков ($N = 40998$), показано, что использование подростками смартфона более четырех часов в день связано с неблагоприятными проявлениями в области здоровья, в числе которых высокий уровень стресса, нарушение сна, депрессии, ожирение, употребление психоактивных веществ, суицидальные риски [14]. В числе личностных характеристик, положительно коррелирующих с использованием мобильного телефона, социальная экстраверсия, тревожность, низкая самооценка [21], высокий уровень поиска новизны, низкий уровень настойчивости и др. [18].

Зависимость от смартфона трактуется нами как психологическое состояние, обусловленное навязчивой потребностью использовать смартфон неоправданно часто, что вредит психосоциальному и личностному развитию пользователей. Зависимость от смартфона положительно коррелирует с другими зависимостями, такими как зависимость от интернета и социальных сетей.

Проблема зависимости от смартфонов многоаспектна. Один из ее аспектов состоит в том, что поскольку смартфон используется в учебе, профессиональной деятельности и для других важных целей, субъективно сами пользователи часто не осознают свою зависимость именно как зависимость.

Требует исследования вопрос о том, как зависимость от смартфона связана с важными личностными свойствами и качествами. В контексте данного исследования представляют интерес связи зависимости от смартфона с академиче-

ской мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении.

Зависимость от смартфона и академическая мотивация

Возможности обучения с помощью мобильных устройств, в том числе и смартфонов, в последнее время привлекают особое внимание. Так, в герменевтическом исследовании опыта использования смартфонов изучалось, что значит для молодых людей приобретать, владеть и создавать цели для своих персональных мобильных устройств в контекстах формального и неформального обучения [15]. В лонгитюдном исследовании, проведенном в период с 2016 по 2018 годы на выборке студентов-медиков ($N = 269$), в котором изучались связи между использованием смартфонов и цифровой зависимостью с психическим здоровьем, качеством жизни, обучением и академической мотивацией, было выявлено, что частота использования смартфонов и цифровая зависимость являются предикторами более низкой академической мотивации обучающихся и более низких образовательных результатов [20].

Зависимость от смартфонов и прокрастинация

Прокрастинация как черта личности может выступать фактором риска развития зависимости от мобильного телефона. Гипотеза о связи зависимости от мобильного телефона с прокрастинацией подтвердилась в исследовании, выполненном на выборке китайских студентов-медиков ($N = 572$) [19], что согласуется с результатами других исследований. Показано, что у китайских студентов колледжей в возрасте 16–20 лет ($N = 1004$) прокрастинация положительно связана с зависимостью от мобильного телефона ($r = 0,40$, $p < 0,001$), а также со стрессом ($r = 0,29$,

$p < 0,001$), который частично опосредует связь прокрастинации с зависимостью от смартфона [26]. Общими для этих двух переменных, как отмечают авторы, являются трудности саморегуляции; именно поэтому прокрастинаторы, для которых характерен низкий самоконтроль и предпочтение краткосрочных вознаграждений, могут легко стать зависимыми от мобильных телефонов из-за особенностей их функционирования [26]. Зависимость от мобильных телефонов и академическая прокрастинация негативно влияют на академическую успеваемость китайских студентов-медиков, на такие ее параметры, как целеустремленность в обучении, успеваемость и фасилитация отношений [25]. В исследовании, проведенном на выборке перуанских учащихся в возрасте 15–17 лет ($N = 146$), также обнаружена положительная и значимая связь между академической прокрастинацией и зависимостью от смартфона ($r = 0,268$, $p = 0,001$), из которой следует, что чем более выражена академическая прокрастинация, тем больше зависимость от мобильного телефона [22].

Зависимость от смартфонов и самоконтроль в общении

Мобильные телефоны выступают как важное средство общения и способ поддержания социальных связей. Возникает вопрос, как связана зависимость от смартфона с самоконтролем в общении. Исследователи полагают, что преподаватели должны играть важную роль в укреплении техники построения межличностных отношений и обучении самоконтролю среди тех обучающихся, которые демонстрируют отрицательные черты характера [21, с. 37].

Цель исследования: выявление и сравнительный анализ наличия и характера связей зависимости от смартфона с ака-

демической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян.

Совместное исследование академической мотивации, прокрастинации и самоконтроля в общении объясняется тем, что они весьма актуальны для всех обучающихся (школьников, студентов, слушателей курсов повышения квалификации и переподготовки) и все они связаны с зависимостью от смартфона. Негативное влияние последней на качество учебы и общения вызывает особую озабоченность педагогов и родителей.

Общее теоретическое предположение состоит в том, что формирование зависимости от смартфона отрицательно коррелирует с внутренней мотивацией и высоким уровнем субъектности молодых людей.

Исследовательские вопросы определены следующим образом:

1. Имеется ли связь между зависимостью от смартфона и ее факторами с зависимостью от социальных сетей и ее факторами у белорусов и россиян?

2. Имеются ли связи зависимости от смартфона и ее факторов с типами академической мотивации, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусских и российских респондентов? Каков их характер?

3. Сходны или различны связи зависимости от смартфона и ее факторов с типами академической мотивации, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусских и российских мужчин и женщин?

Метод

Эмпирической основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования респондентов в Беларуси и России, которое было организовано осенью 2023 года. Сбор данных осуществлен с помощью Google-форм. Методология

сбора данных в двух странах была идентичной. Идентичными были и методики исследования, которые предъявлялись респондентам на русском языке.

Выборка исследования. Респондентами ($N = 3379$) выступили жители Беларуси и России: 2365 белорусов (средний возраст $M = 21,05$, $SD = 9,87$), в их числе 1310 женщин и 1055 мужчин, 1014 россиян ($M = 19,46$, $SD = 4,02$), включая 668 женщин и 346 мужчин.

Далее в статье слова «белорус», «белоруска» означают не национальность, а место проживания — Беларусь.

Методики исследования. В исследовании использованы опросник зависимости от смартфона [11; 13] и опросник зависимости от социальных сетей [12] с учетом факторных моделей данных зависимостей; опросник «Шкала академической мотивации» [3]; «Шкала прокрастинации» К. Лей в адаптации Я.И. Варваричевой [1]; тест М. Снайдера «Самоконтроль в общении» [7, с. 558–559].

Использованный в исследовании краткий вариант опросника «Шкалы академической мотивации» [3] включает две шкалы внутренней мотивации (познавательной и достижения) и две шкалы внешней мотивации (интровертированной и экстернальной). По мнению авторов указанной методики, предлагаемые шкалы могут применяться для экспресс-диагностики, поскольку содержат «наиболее важную информацию о качестве мотивационных процессов, побуждающих и регулирующих выполнение учебной деятельности» [3, с. 104]. Процедуры статистического анализа проводились программами пакета SPSS-22.

Результаты

Применение критерия Колмогорова–Смирнова показало, что все изучаемые переменные имеют ненормальное рас-

пределение. Поэтому связи выявляли с помощью непараметрической корреля-

ции Кендалла, позволяющей выявлять и нелинейные связи.

Таблица 1

Описательные статистики переменных и корреляции зависимости от смартфона с зависимостью от социальных сетей, прокрастинацией и самоконтролем в общении в белорусской выборке

Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей				Личностные характеристики	
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя сети	Коммуникация	Получение информации	Прокрастинация	Самоконтроль в общении
	$M = 32,1$ $SD = 10,4$	$M = 14,9$ $SD = 5,2$	$M = 5,7$ $SD = 2,6$	$M = 7,5$ $SD = 2,7$	$M = 46,2$ $SD = 8,9$	$M = 5,2$ $SD = 1,9$
Интегральный показатель $M = 15,7, SD = 5,1$	0,58**	0,57**	0,43**	0,38**	0,16**	0,14**
Потеря контроля над собой $M = 8,2, SD = 2,8$	0,48**	0,47**	0,36**	0,35**	0,19**	0,13**
Страх отказа от смартфона $M = 1,9, SD = 0,9$	0,48**	0,49**	0,40**	0,29**	0,04**	0,09**
Эйфория от пользования $M = 5,6, SD = 1,8$	0,46**	0,47**	0,35**	0,33**	0,09**	0,12**

Примечание: ** – $p < 0,01$; M – среднее значение; SD – стандартное отклонение.

Таблица 2

Описательные статистики переменных и корреляции зависимости от смартфона с зависимостью от социальных сетей, прокрастинацией и самоконтролем в общении в российской выборке

Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей				Личностные характеристики	
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя сети	Коммуникация	Получение информации	Прокрастинация	Самоконтроль в общении
	$M = 32,8$ $SD = 9,7$	$M = 15,2$ $SD = 4,9$	$M = 5,5$ $SD = 2,4$	$M = 8,2$ $SD = 2,7$	$M = 49,0$ $SD = 6,7$	$M = 5,2$ $SD = 1,8$
Интегральный показатель $M = 16,3, SD = 4,9$	0,52**	0,49**	0,35**	0,35**	0,19**	0,08*

Зависимость от смартфона	Зависимость от социальных сетей				Личностные характеристики	
	Интегральный показатель	Психологическое состояние пользователя сети	Коммуникация	Получение информации	Прокрастинация	Самоконтроль в общении
	$M = 32,8$ $SD = 9,7$	$M = 15,2$ $SD = 4,9$	$M = 5,5$ $SD = 2,4$	$M = 8,2$ $SD = 2,7$	$M = 49,0$ $SD = 6,7$	$M = 5,2$ $SD = 1,8$
Потеря контроля над собой $M = 8,5$, $SD = 2,6$	0,45**	0,44**	0,30**	0,32**	0,23**	0,09**
Страх отказа от смартфона $M = 2,0$, $SD = 1,1$	0,38**	0,37**	0,29**	0,26**	0,08	0,05
Эйфория от пользования $M = 5,8$, $SD = 1,8$	0,40**	0,39**	0,31**	0,28**	0,07*	0,07

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

Табл. 1 и 2 показывают, что у белорусов и россиян зависимость от смартфона и все ее факторы положительно связаны с зависимостью от социальных сетей и со всеми ее факторами. При этом все указанные связи у белорусов более тесные, нежели у россиян. Связи с прокрастинацией интегрального показателя зависимости от смартфона россиян и двух его факторов — потери контроля над собой и страха отказа от смартфона

на — более тесные, чем соответствующие связи у белорусов.

Связь зависимости от смартфона с самоконтролем в общении у белорусов более тесная, чем у россиян.

Таким образом, все связи зависимости от смартфона с зависимостью от социальных сетей, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусов и россиян являются положительными и различаются только теснотой связей.

Таблица 3

Описательные статистики переменных и корреляции зависимости от смартфона с типами академической мотивации в белорусской выборке

Зависимость от смартфона	Типы академической мотивации			
	Внутренняя мотивация		Внешняя мотивация	
	Познавательная мотивация	Мотивация достижения	Интроецированная мотивация	Экстернальная мотивация
	$M = 12,6$ $SD = 3,9$	$M = 12,3$ $SD = 4,5$	$M = 11,7$ $SD = 4,1$	$M = 9,5$ $SD = 4,2$
Интегральный показатель	-0,06**	-0,11**	0,10**	0,25**
Потеря контроля над собой	-0,03**	-0,07**	0,09**	0,22**

Зависимость от смартфона	Типы академической мотивации			
	Внутренняя мотивация		Внешняя мотивация	
	Познаватель-ная мотивация	Мотивация достижения	Интроецирован-ная мотивация	Экстернальная мотивация
	$M = 12,6$ $SD = 3,9$	$M = 12,3$ $SD = 4,5$	$M = 11,7$ $SD = 4,1$	$M = 9,5$ $SD = 4,2$
Страх отказа от смартфона	−0,11**	−0,14**	0,05**	0,23**
Эйфория от пользования	−0,08**	−0,12**	0,08**	0,21**

Примечание: ** — $p < 0,01$; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

Таблица 4

Описательные статистики переменных и корреляции зависимости от смартфона с типами академической мотивации в российской выборке

Зависимость от смартфона	Типы академической мотивации			
	Внутренняя мотивация		Внешняя мотивация	
	Познаватель-ная мотивация	Мотивация достижения	Интроецирован-ная мотивация	Экстерналь-ная мотивация
	$M = 24,2$ $SD = 3,3$	$M = 13,8$ $SD = 4,1$	$M = 12,3$ $SD = 4,0$	$M = 9,1$ $SD = 4,1$
Интегральный показатель	−0,09**	−0,14**	0,09*	0,21**
Потеря контроля над собой	−0,11**	−0,14**	0,08*	0,18**
Страх отказа от смартфона	−0,11**	−0,18**	0,04	0,22**
Эйфория от пользования	−0,13**	−0,16**	0,07	0,16*

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение.

Табл. 3 и 4 свидетельствуют о том, что у белорусов и россиян зависимость от смартфона и все ее факторы отрицательно связаны с познавательной мотивацией и мотивацией достижения и положительно — с интроецированной мотивацией и экстернальной мотивацией.

Но при этом теснота некоторых из этих связей у белорусов и россиян различна. Это имеет место для интроецированной мотивации и экстернальной мотивации, связь которых с зависимостью от смартфона и всех ее факторов более

выражена у белорусов, а также для познавательной мотивации и мотивации достижения, связь которых с зависимостью от смартфона и всех ее факторов более выражена у россиян.

Зависимость от смартфона у женщин в целом выражена значительно сильнее, что показывают результаты тестирования в данном исследовании. Среднее значение показателя зависимости от смартфона у белорусок (равное 16,99) статистически значимо ($p \leq 0,001$) превосходит аналогичный показатель

(15,31) у белорусских мужчин. Аналогичная ситуация у россиян: 19,57 у женщин и 14,55 у мужчин. Зависимость от смартфона больше выражена у россиянок, чем у белорусок; и у белорусских мужчин, чем у российских мужчин. Ввиду установленных различий полученные результаты следует проверить по отдельности для мужчин и женщин.

Табл. 5 показывает, что у белорусских и российских мужчин и женщин: 1) все связи зависимости от смартфона с прокрастинацией и самоконтролем в общении являются положительными и различаются только теснотой связей; 2) зависимость от смартфона отрицательно связана с познавательной мотивацией и мотивацией достижения и положительно — с интровертированной мотивацией и экстернальной мотивацией.

При этом связи с прокрастинацией зависимости от смартфона российских

мужчин и женщин более тесные, чем соответствующие связи у белорусских мужчин и женщин. Связь зависимости от смартфона с самоконтролем в общении у белорусских мужчин и женщин более тесная, чем у российских мужчин и женщин.

Обсуждение результатов

Табл. 1–5 свидетельствуют о том, что различия в тесноте связей происходят не за счет фактора пола, как это наблюдается в других исследованиях, а исключительно за счет места проживания респондентов.

Представленная в табл. 1, 2 и 5 положительная взаимосвязь зависимости от смартфона с прокрастинацией соответствует установленной в ряде зарубежных исследований прямой взаимосвязи зависимости от смартфона и проблемного пользования смартфоном с академической прокрастинацией [19; 22; 25; 26].

Таблица 5

Корреляции зависимости от смартфона с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении в выборках белорусских и российских мужчин и женщин

Показатель	Академическая мотивация				Прокрастинация	Самоконтроль в общении
	Познавательная мотивация	Мотивация достижения	Интроецированная мотивация	Экстернальная мотивация		
Зависимость от смартфона (интегральный показатель)		Белорусские мужчины ($n = 1055$)				
	-0,12**	-0,15**	0,08**	0,27**	0,06*	0,13**
		Российские мужчины ($n = 346$)				
	-0,09*	-0,14**	0,10*	0,21**	0,20**	0,08*
		Белорусские женщины ($n = 1310$)				
	-0,04*	-0,10**	0,12**	0,25**	0,24**	0,15**
		Российские женщины ($n = 668$)				
	-0,11*	-0,18**	0,17**	0,22**	0,25**	0,10**

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Выявленная нами положительная взаимосвязь зависимости от смартфона с самоконтролем в общении является новым результатом, поскольку в отечественных и зарубежных публикациях подобных исследований не обнаружено. Индивиды с высоким самоконтролем в общении всегда следят за собой, хорошо ориентируются в ситуации (как лучше вести себя), контролируют свою речь и невербальные проявления для достижения желаемого эффекта в общении с другими людьми и управляют своими эмоциями. При этом у них затруднена спонтанность самовыражения, они не любят непрогнозируемых ситуаций. Их кredo: «Я такой, какой есть». Индивиды с низким самоконтролем в общении, наоборот, более непосредственны в контактах и открыты.

Нам представляется, что положительная взаимосвязь зависимости от смартфона с самоконтролем в общении и одновременно с этим положительная взаимосвязь зависимости от смартфона с зависимостью от социальных сетей имеют своим источником то, что социальные сети являются своеобразной «ярмаркой тщеславия», площадкой для демонстрации своих успехов. А это не способствует открытости и непосредственности контактов.

Показанная в табл. 1–3 положительная взаимосвязь зависимости от смартфона с зависимостью от социальных сетей является подтверждением установленного ранее аналогичного результата [12].

Положительная взаимосвязь зависимости от смартфона с экстернальным и интровертированным типами академической мотивации, связанными с низким уровнем интереса к познанию, легко интерпретируется и свидетельствует о негативном влиянии данной зависимости на успешность обучения. Об этом же свидетельствуют и отрицательные взаи-

мосвязи зависимости от смартфона с познавательной мотивацией и мотивацией достижения. Полученные данные соотносятся с установленной ранее значимой отрицательной корреляцией между зависимостью от смартфонов и мотивацией учащихся к академическим достижениям: соответствующая корреляция Пирсона $r = -0,33, p < 0,001$ [24]. А также и тем фактом, что зависимость от смартфонов является предиктором низкой академической мотивации [20] и негативно влияет на академическую успеваемость [25].

Здесь уместно обратиться к вопросу о необходимости развития субъектных качеств личности для осознанного и продуктивного использования смартфона. Быть субъектом развития субъектных качеств обучающихся призывает В.И. Панов, когда пишет: «отличительной чертой субъектности педагога в условиях цифровизации является то, что в дополнение к «обычным» субъектным качествам он должен быть субъектом развития субъектных качеств у обучающихся в совместных взаимодействиях с цифровой образовательной средой» [5, с. 66]. Режим осознанного использования смартфона играет важную роль в обеспечении качества жизни человека, тогда как режим неупорядоченного, слабо осознаваемого использования негативно влияет на качество жизни в таких его аспектах, как компетентность, социальное функционирование и способность к позитивным переживаниям [23]. В мировой практике имеются примеры разработки специальных программ, нацеленных на развитие у студентов навыков управления онлайн-контентом, способности к активному и творческому использованию цифровых медиа и интернета, что снижает показатели проблемного использования смартфонов [16].

Обнаруженные у белорусов и россиян корреляции зависимости от смартфона

с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении совпадают по направленности, различаясь только теснотой связей. Совпадение можно объяснить большим взаимным влиянием и взаимопроникновением белорусской и российской культур. Несмотря на некоторые имеющиеся различия в менталитете белорусов и россиян, совпадение связей зависимости от смартфона с личностными качествами и свойствами наших респондентов, как и респондентов во многих странах, свидетельствует о том, что цифровизация является общеизначимым для всего человечества явлением, «стирающим» в своей части различия в менталитете.

На обнаруженные различия в тесноте связей зависимости от смартфона с исследуемыми личностными качествами белорусов и россиян в нашем исследовании, возможно, повлияла разница в среднем возрасте выборок представителей этих этносов.

Представление некоторых из выявленных связей слабыми корреляциями можно объяснить тем, что изучаемые личностные характеристики взаимосвязаны со многими другими, поэтому вклад каждой в дисперсию изучаемой характеристики может быть и небольшим, что и отражается на абсолютном значении соответствующей корреляции.

Заключение

Психосоциальное состояние современного человека характеризуется его неразрывной связью и «фактическим сращиванием» с цифровой средой. В ситуации, когда смартфоны и другие гаджеты выступают как «технологическое расширение психики», почти как новый («цифровой») отдел мозга, вопросы эффективного овладения цифровыми устройствами и их продуктивного

применения, не приводящего к зависимостям от них, приобретают особую актуальность для социально-психологических исследований.

В проведенном исследовании внимание было сосредоточено на проблеме зависимости от смартфона в ее связях с личностными характеристиками пользователей. Выявлялись связи зависимости от смартфона с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении у белорусских и российских респондентов.

Установлено, что у белорусов и россиян зависимость от смартфона и все ее факторы отрицательно связаны с познавательной мотивацией и мотивацией достижения и положительно — с интровертированной мотивацией и экстернальной мотивацией, прокрастинацией, самоконтролем в общении и зависимостью от социальных сетей. Тем самым получило подтверждение предположение об отрицательной связи зависимости от смартфона с мотивацией к обучению.

Обнаруженные у белорусов и россиян корреляции зависимости от смартфона совпадают по направленности, различаясь только теснотой связей. Совпадение можно объяснить большим взаимным влиянием и взаимопроникновением российской и белорусской культур. При этом обнаруженные различия в тесноте связей происходят не за счет фактора пола, а исключительно за счет места проживания респондентов.

На различия в тесноте некоторых связей зависимости от смартфона с академической мотивацией, прокрастинацией и самоконтролем в общении предположительно могли в некоторой степени повлиять различия в менталитете белорусов и россиян.

Исследование показало, что зависимость от смартфона у женщин в целом

выражена значительно сильнее. При этом зависимость от смартфона больше выражена у россиянок, чем у белорусок, и у белорусских мужчин сильнее, нежели у российских мужчин.

Полученная в исследовании положительная корреляция зависимости от смартфона с самоконтролем в общении является новым результатом, поскольку в отечественных и зарубежных публикациях подобных исследований не обнаружено. Связь зависимости от смартфона с самоконтролем в общении не способствует открытости и непосредственности контактов.

Выявленное совпадение связей зависимости от смартфона с личностными качествами и свойствами белорусов и россиян, соответствующее аналогичным связям, полученным в зарубежных ис-

следованиях, подтверждает предположение о том, что цифровизация является общезначимым для всего человечества явлением, «стирающим» в своей части различия в менталитетах.

Надеемся, что привлечение внимания к проблемам, связанным с зависимостью от смартфона и ее связями с субъектными качествами личности, будет способствовать поиску новых полезных практических применений смартфона.

Общий вывод, к которому привело исследование, состоит в том, что зависимость от смартфона отрицательно связана с внутренней мотивацией к обучению и качеством общения как у белорусов, так и у россиян. Полученные результаты обуславливают необходимость разработки психотехники сопровождения личности в процессах ее цифровой социализации.

Литература

1. *Варваричева Я.И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121–131.
2. *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии / Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.
3. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 4. С. 96–107.
4. Каменская В.Г., Томанов Л.В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 1. С. 139–159. DOI:10.17759/exppsy.2022150109
5. *Панов В.И.* Субъектность педагога в условиях цифровизации образования: экопсихологический аспект. Глава 6 // Педагог в контексте личностного и профессионального развития: реальность и перспективы: Коллективная монография / Под ред. Л.М. Митиной. М.: ПИ РАО, 2022. С. 63–72.
6. *Панюкова Ю.Г.* Цифровизация информационной среды в контексте экопсихологической модели становления субъектности // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 222–227. DOI:10.17759/sps.2023140113
7. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / редактор-составитель Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2022. 672 с.
8. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308
9. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

10. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 3. С. 11–30. DOI:10.17759/sps.2023140302
11. Шейнов В.П. Адаптация и валидизация опросника «Шкала зависимости от смартфона» для русскоязычного социума // Системная психология и социология. 2020. № 3(35). С. 75–84.
12. Шейнов В.П., Девицын А.С. Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей // Системная психология и социология. 2021. № 2. С. 41–55. DOI:10.25688/2223-6872.2021.38.2.04
13. Шейнов В.П., Девицын А.С. Факторная структура модели зависимости от смартфона // Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3(23). С. 174–197. DOI:10.38098/irpan.sep_2021_23_3_07
14. Cha J.H., Choi Y.-J., Ryu S., Moon J.-H. Association between smartphone usage and health outcomes of adolescents: A propensity analysis using the Korea youth risk behavior survey // PLoS ONE. 2023. Vol. 18(12): e0294553. DOI:10.1371/journal.pone.0294553
15. Chan N.N., Walker C., Gleaves A. An exploration of students' lived experiences of using smartphones in diverse learning contexts using a hermeneutic phenomenological approach // Computers & Education. 2015. Vol. 82. P. 96–106. DOI:10.1016/j.compedu.2014.11.001
16. Gui M., Gerosa T., Argentin G., Losi L. Mobile media education as a tool to reduce problematic smartphone use: Results of a randomised impact evaluation // Computers & Education. 2023. Vol. 194: 104705. DOI:10.1016/j.compedu.2022.104705
17. Hohti R., Paakkari A., Stenberg K. Smartphones. In: Rautio P., Stenvall E. (eds.). Social, Material and Political Constructs of Arctic Childhoods. Children: Global Posthumanist Perspectives and Materialist Theories. 2019. Springer, Singapore. P. 85–102.
18. Kheradmand A., Amirlatifi E.S., Rahbar Z. Personality traits of university students with smartphone addiction Front // Psychiatry. Sec. Addictive Disorders. 2023. Vol. 14. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1083214
19. Liu L.Q., Min G., Yue S.T., Cheng L.S. The Influence of Mobile Phone Addiction on Procrastination: A Moderated Mediating Model // Journal of ergonomics. 2018. Vol. 8: 232. P. 1–6. DOI:10.4172/2165-7556.1000232
20. Machado de Oliveira M., Lucchetti G., da Silva Ezequiel O., Lamas Granero Lucchetti A. Association of Smartphone Use and Digital Addiction with Mental Health, Quality of Life, Motivation and Learning of Medical Students: A Two-Year Follow-Up Study // Psychiatry. 2023. Vol. 86(3). P. 200–213. DOI:10.1080/00332747.2022.2161258
21. Munusamy K.A., Ghazali A.H.A., Zawawi J.W.M., Razi S.A.M. Psychological Predictors of Mobile Phone Use and Addiction among Youths // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2021. Vol. 11(15). P. 28–42.
22. Rios Sanchez L.E., Allcca Flores J.G., Alfaro Vásquez R.M. Procrastinación académica y dependencia a teléfonos móviles en adolescentes de un colegio básico regular de la ciudad de Ilo // Revista Científica De Ciencias De La Salud. 2022. Vol. 15(1). P. 30–38.
23. Sela A., Rozenboim N., Ben-Gal H.C. Smartphone use behavior and quality of life: What is the role of awareness? // PLOS ONE. 2022. Vol. 17(3): e0260637. DOI:10.1371/journal.pone.0260637
24. Shahroudi S., Soltani F., Nouri N., Rigi A. The relationship between cell-phone addiction with the academic achievement motivation and academic performance of students in Khash Baluchestan // Shenakht Journal of Psychology and Psychiatry. 2019. Vol. 5(6). P. 57–70. DOI:10.29252/shenakht.5.6.57
25. Tian J., Zhao J.y., Xu J.-m., Li Q.-l., Sun T., Zhao C.-x., Gao R., Zhu L.-y., Guo H.-c., Yang L.-b., Cao D.-p., Zhang S.-e. Mobile Phone Addiction and Academic Procrastination Negatively Impact Academic Achievement Among Chinese Medical Students // Front. Psychol. 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.758303

26. Yang X., Wang P., Hu P. Trait Procrastination and Mobile Phone Addiction Among Chinese College Students: A Moderated Mediation Model of Stress and Gender // *Front. Psychol.* 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.614660

References

1. Varvaricheva Ya.I. Fenomen prokrastinatsii: problemy i perspektivy issledovaniya [The phenomenon of procrastination: problems and prospects research]. *Voprosy psichologii = Questions of psychology*, 2010, no. 3, pp. 121–131. (In Russ.).
2. Vygotskii L.S. Instrumental'nyi metod v psichologii [Instrumental method in psychology]. *Polnoe sobranie sochinenii = Complete works*. In 6 volumes. Vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1982. P. 103–108. (In Russ.).
3. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Oprosnik «Shkaly akademicheskoi motivatsii» [Questionnaire “Academic Motivation Scales”]. *Psichologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2014, no. 35(4), pp. 96–107. (In Russ.).
4. Kamenskaya V.G., Tomanov L.V. Tsifrovye tekhnologii i ikh vliyanie na sotsial'nye i psichologicheskie kharakteristiki detei i podrostkov [Digital technologies and their influence on the social and psychological characteristics of children and adolescents]. *Eksperimental'naya psichologiya = Experimental psychology*, 2022. Vol. 15, no. 1, pp. 139–159. DOI:10.17759/exppsy.2022150109 (In Russ.).
5. Panov V.I. Sub”ektnost’ pedagoga v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya: ekopsikhologicheskii aspekt [Subjectivity of a teacher in the context of digitalization of education: eco-psychological aspect]. In L.M. Mitina (ed.). *Pedagog v kontekste lichnostnogo i professional'nogo razvitiya: real'nost’ i perspektivy: Kollektivnaya monografiya* [Teacher in the context of personal and professional development: reality and prospects: Collective monograph]. Moscow: PI RAO, 2022, pp. 63–72. (In Russ.).
6. Panyukova Yu.G. Tsifrovizatsiya informatsionnoi sredy v kontekste ekopsikhologicheskoi modeli stanovleniya sub”ektnosti [Digitalization of the information environment in the context of the ecopsychological model of the formation of subjectivity]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 222–227. DOI:10.17759/sps.2023140113 (In Russ.).
7. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Redaktor-sostavitel’ D.Ya. Raigorodskii. Samara: Bakhrahh-M, 2022. 672 p. (In Russ.).
8. Soldatova G.U. Tsifrovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71–80. DOI:10.17759/sps.2018090308 (In Russ.).
9. Coldatova G.U., Voiskunsky A.E. Sotsial’no-kognitivnaya kontsepsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial’naya evolyutsiya psikhiki [Social-cognitive concept of digital socialization: A New Ecosystem and Social Evolution of the Mind]. *Psichologiya. Zhurnal VShE = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431–450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).
10. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Tsifrovaya sotsializatsiya rossiiskikh podrostkov: skvoz’ prizmu sravneniya s podrostkami 18 evropeiskikh stran [Digital socialization of Russian teenagers: through the prism of comparison with teenagers from 18 European countries]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 3, pp. 11–30. DOI:10.17759/sps.2023140302 (In Russ.).
11. Sheinov V.P. Adaptatsiya i validizatsiya oprosnika «Shkala zavisimosti ot smartfona» dlya russkoyazychnogo sotsiuma [Adaptation and validation of the “Smartphone Addiction Scale” questionnaire for the Russian-speaking society]. *Sistemnaya psichologiya i sotsiologiya = System psychology and sociology*, 2020, no. 3(35), pp. 75–84. (In Russ.).

12. Sheinov V.P., Devitsyn A.S. Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot sotsial'nykh setei [Development of a reliable and valid social media addiction questionnaire]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya = System psychology and sociology*, 2021, no. 2, pp. 41–55. DOI:10.25688/2223-6872.2021.38.2.04 (In Russ.).
13. Sheinov V.P., Devitsyn A.S. Faktornaya struktura modeli zavisimosti ot smartfona [Factor structure of the smartphone addiction model]. *Social and economic psychology = Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2021. Vol. 6, no. 3(23), pp. 174–197. DOI:10.38098/irpan.sep_2021_23_3_07 (In Russ.).
14. Cha J.H., Choi Y.-J., Ryu S., Moon J.-H. Association between smartphone usage and health outcomes of adolescents: A propensity analysis using the Korea youth risk behavior survey. *PLoS ONE*, 2023. Vol. 18(12): e0294553. DOI:10.1371/journal.pone.0294553
15. Chan N.N., Walker C., Gleaves A. An exploration of students' lived experiences of using smartphones in diverse learning contexts using a hermeneutic phenomenological approach. *Computers & Education*, 2015. Vol. 82, pp. 96–106. DOI:10.1016/j.compedu.2014.11.001
16. Gui M., Gerosa T., Argentin G., Losi L. Mobile media education as a tool to reduce problematic smartphone use: Results of a randomised impact evaluation. *Computers & Education*, 2023. Vol. 194: 104705. DOI:10.1016/j.compedu.2022.104705
17. Hohti R., Paakkari A., Stenberg K. Smartphones. In: Rautio P., Stenvall E. (eds.). Social, Material and Political Constructs of Arctic Childhoods. Children: *Global Posthumanist Perspectives and Materialist Theories*. Springer, Singapore, 2019, pp. 85–102.
18. Kheradmand A., Amirlatifi E.S., Rahbar Z. Personality traits of university students with smartphone addiction. *Front. Psychiatry. Sec. Addictive Disorders*, 2023. Vol. 14. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1083214
19. Liu L.Q., Min G., Yue S.T., Cheng L.S. The Influence of Mobile Phone Addiction on Procrastination: A Moderated Mediating Model. *Journal of ergonomics*, 2018. Vol. 8: 232, pp. 1–6. DOI:10.4172/2165-7556.1000232
20. Machado de Oliveira M., Lucchetti G., da Silva Ezequiel O., Lamas Granero Lucchetti A. Association of Smartphone Use and Digital Addiction with Mental Health, Quality of Life, Motivation and Learning of Medical Students: A Two-Year Follow-Up Study. *Psychiatry*, 2023. Vol. 86(3), pp. 200–213. DOI:10.1080/00332747.2022.2161258
21. Munusamy K.A., Ghazali A.H.A., Zawawi J.W.M., Razi S.A.M. Psychological Predictors of Mobile Phone Use and Addiction among Youths. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 2021. Vol. 11(15), pp. 28–42.
22. Rios Sanchez L.E., Allcca Flores J.G., Alfaro Vásquez R.M. Procrastinación académica y dependencia a teléfonos móviles en adolescentes de un colegio básico regular de la ciudad de Ilo. *Revista Científica De Ciencias De La Salud*, 2022. Vol. 15(1), pp. 30–38.
23. Sela A., Rozenboim N., Ben-Gal H.C. Smartphone use behavior and quality of life: What is the role of awareness? *PLOS ONE*, 2022. Vol. 17(3): e0260637. DOI:10.1371/journal.pone.0260637
24. Shahroudi S., Soltani F., Nouri N., Rigi A. The relationship between cell-phone addiction with the academic achievement motivation and academic performance of students in Khash Baluchestan. *Shenakht Journal of Psychology and Psychiatry*, 2019. Vol. 5(6), pp. 57–70. DOI:10.29252/shenakht.5.6.57
25. Tian J., Zhao J.-y., Xu J.-m., Li Q.-l., Sun T., Zhao C.-x., Gao R., Zhu L.-y., Guo H.-c., Yang L.-b., Cao D.-p., Zhang S.-e. Mobile Phone Addiction and Academic Procrastination Negatively Impact Academic Achievement Among Chinese Medical Students. *Front. Psychol*, 2021. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.758303
26. Yang X., Wang P., Hu P. Trait Procrastination and Mobile Phone Addiction Among Chinese College Students: A Moderated Mediation Model of Stress and Gender. *Front. Psychol*, 2020. Vol. 11. DOI:10.3389/fpsyg.2020.614660

Информация об авторах

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Низовских Нина Аркадьевна, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии факультета педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВятГУ»), г. Киров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5541-5049>, e-mail: nina.nizovskikh@gmail.com

Ермак Владислав Олегович, инженер научно-исследовательской лаборатории № 4.1., Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0842-8422>, e-mail: yermakvladislav@yandex.ru

Information about the authors

Viktor P. Sheinov, Doctor of Sociology, PhD in Physics and Mathematics, Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Skills, Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Nina A. Nizovskikh, Doctor of Psychology, Associate Professor Department of Psychology, Faculty of Pedagogy and Psychology, Vyatka State University, Kirov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5541-5049>, e-mail: nina.nizovskikh@gmail.com

Vladislav O. Ermak, Engineer of Research Laboratory No. 4.1., Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0842-8422>, e-mail: yermakvladislav@yandex.ru

Получена 15.04.2024

Received 15.04.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Sex or Smartphone? – Analysis of the Relationship between Problematic Smartphone Usage and Sexual Activity Based on Homogeneous and Heterogeneous IDs and Machine Learning Algorithms

Márton Gosztonyi

Universiti Malaya, Kuala Lumpur, Malaysia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1887-4913>, e-mail: gosztonyi.marton@gmail.com

Objective. Our study explores the correlation between problematic smartphone use (PSU) and diminished offline sexual activity within a European Union member state characterized by a semi-peripheral economy.

Background. Smartphones, as pervasive technological advancements, have transformed societal landscapes, embedding themselves into various facets of life and exacerbating physical and emotional reliance. Over 50% of users continue smartphone use despite adverse effects on daily life, indicating an escalation in PSU. Our research extends existing PSU literature by investigating its relationship with offline sexual inactivity among middle-aged individuals.

Study Design. A representative sample from 2023 was analyzed using both homogeneous (Two-NN) and heterogeneous (HIDALGO) dimensional identification estimators alongside machine learning algorithms to explore the link between PSU and offline sexual inactivity.

Participants. The study utilized data from a telephone survey conducted with 1005 individuals, ensuring representation across gender, education, income level, and type of settlement.

Measurements. Data encompassed economic, sociodemographic, usage patterns, and addiction-related aspects of smartphone use. A key variable assessed preferences between mobile phone use or engaging in sexual intercourse.

Results. Nearly half of the participants expressed a preference for smartphone usage over offline sexual activity. The analysis highlighted the intricate link between individual and social aspects of PSU and a blend of socioeconomic factors, revealing two significant partitions significantly influencing sexual inactivity: PSU at the individual level and PSU articulated within social relationships.

Conclusions. Our findings indicate a significant correlation between PSU and offline sexual inactivity, with socioeconomic variables also playing a critical role. The research underscores the need for further exploration of PSU's impact on offline sexual activity, emphasizing the importance of both personal and social psychological dimensions of smartphone usage.

Keywords: problematic smartphone use; sexual activity; homogeneous and heterogeneous estimator; machine learning.

For citation: Gosztonyi M. Sex or Smartphone? – Analysis of the Relationship between Problematic Smartphone Usage and Sexual Activity Based on Homogeneous and Heterogeneous IDs and Machine Learning Algorithms. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150208>.

Секс или смартфон? — Анализ связи между проблемным использованием смартфона и сексуальной активностью на основе однородных и неоднородных идентификаторов и алгоритмов машинного обучения

Гоштони М.

Малайский университет, Куала-Лумпур, Малайзия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1887-4913>, e-mail: gosztonyi.marton@gmail.com

Цель. Исследование взаимосвязи между проблемным использованием смартфонов (ПИС) и снижением сексуальной активности пользователей в онлайне.

Контекст и актуальность. Смартфоны как повсеместное технологическое достижение изменили общественный ландшафт, внедрившись в различные аспекты жизни людей и усугубив физическую и эмоциональную зависимость от них. Более 50% пользователей продолжают пользоваться смартфонами, несмотря на их негативное влияние на повседневную жизнь, что свидетельствует об эскалации ПИС. В данном исследовании изучается связь ПИС с сексуальной активностью в онлайне среди людей среднего возраста.

Дизайн исследования. Репрезентативная выборка 2023 года была проанализирована с использованием однородных (Two-NN) и неоднородных (HIDALGO) оценок размерности идентификации наряду с алгоритмами машинного обучения для изучения связи между ПИС и сексуальной активностью пользователей вне сети.

Участники. В исследовании использовались данные телефонного опроса, проведенного среди 1005 человек с учетом пола, образования, уровня дохода и типа поселения.

Методы (инструменты). Данные охватывают экономические, социально-демографические показатели и связанные с зависимостью аспекты использования смартфонов. Ключевая переменная оценивала предпочтения между использованием мобильного телефона и сексуальным контактом.

Результаты. Почти половина участников отдала предпочтение использованию смартфона перед сексуальной активностью в онлайне. Анализ показал сложную связь между индивидуальными и социальными аспектами ПИС и сочетанием социально-экономических факторов, выявив два значимых раздела, существенно влияющих на сексуальную активность: ПИС на индивидуальном уровне и ПИС, обозначенный в рамках социальных отношений.

Выводы. Полученные нами результаты свидетельствуют о значительной корреляции между ПИС и снижением сексуальной активности в онлайне, при этом социально-экономические переменные также играют важную роль. Исследование подчеркивает необходимость дальнейшего изучения влияния ПИС на сексуальную активность в онлайне, отмечая важность как личностных, так и социально-психологических аспектов использования смартфона.

Ключевые слова: проблемное использование смартфонов; сексуальная активность; однородные и неоднородные идентификаторы; машинное обучение.

Для цитаты: Гоштони М. Секс или смартфон? — Анализ связи между проблемным использованием смартфона и сексуальной активностью на основе однородных и неоднородных идентификаторов и алгоритмов машинного обучения // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150208>

Introduction

Smartphones, an integral component of modern life, merge telephony with the

functionalities of personal computers [19; 69]. Currently, active mobile subscriptions surpass the global population count [37;

49], rendering smartphones one of the most pervasive and transformative technological advancements. Their ubiquity has significantly altered social, economic, and political landscapes. Their accessibility and social acceptance have transformed smartphones into “social objects” [32], deeply embedding them in all facets of life and intensifying users’ physical and emotional reliance. Despite their benefits, a study by Parasuraman et al. (2017) [68] highlights a concerning trend: over 50% of users would continue smartphone use despite its adverse effects on their daily lives. This finding is pivotal in understanding the escalating issue of problematic smartphone use (PSU).

Our research contributes to the discourse on PSU, specifically examining the scarcely explored nexus between PSU and offline sexual inactivity among adults. To our knowledge, this is the inaugural study investigating this relationship in a European Union member state (Hungary) with a semi-peripheral economy.

PSU research is emergent, with the conceptualization of PSU itself continuously evolving [43; 65]. Broadly, PSU is defined as a compulsive smartphone usage pattern causing negative consequences and impairing daily functionality [37; 59]. This compulsive use denotes an uncontrollable overuse, akin to maladaptive addiction [18]. Recognized as a non-substance addiction, smartphone addiction encompasses an individual’s compulsion to engage in this activity despite detrimental effects on their health, mental state, or social life [6]. Thus, PSU is interpreted as a primarily behavioral addiction [11], leading to uncontrollable and excessive smartphone use [7; 60].

In examining problematic smartphone use, our study navigates through various theoretical frameworks, notably including compensatory internet use theory [42], which suggests individuals use the internet

to offset offline dissatisfactions, and extended self-theory [22], positing smartphones as extensions of the user’s identity. Attachment theory [29] explores emotional bonds with devices, while the person-affect-cognition-execution model [14] and technology acceptance model [43] detail the cognitive and affective reasons behind smartphone use continuation despite negative consequences.

Central to our investigation is the social and cognitive behavioral theory highlighted by Chen et al. (2016) and Kim et al. (2018) [18; 46], framing PSU not as an addiction to the device but to the online behaviors it enables. This theory is supported by Király and Demetrovics (2021) [48] and further expanded by Ferrante and Venuleo (2021) [34], who link maladaptive cognitions to psychopathology, fostering PSU. This theory directly informs our study’s focus on the relationship between PSU and offline sexual inactivity, suggesting that the cycle of maladaptive cognitions and behavioral reinforcements plays a key role in understanding PSU’s impact on sexual behavior.

There is no consensus in academia on defining ‘problematic’ mobile phone use. Billieux (2012) [11] highlights the ambiguity, questioning if it should be based on usage amount, patterns, or negative outcomes. Horwood and Anglim (2018) [43] consider use ‘problematic’ when it’s uncontrollable and impairs daily functioning. Some researchers, however, link smartphone addiction to usage duration [21; 35; 54]. Our study adopts a usage pattern-based definition, aligning with social and cognitive behavioral theory for a nuanced understanding.

Research identifies multiple factors influencing PSU, including demographics, user emotions, psychosocial and personality traits [41; 43; 57], and technical aspects like app availability and smartphone features [2; 65]. Age is a significant demographic factor, with younger individuals more prone

to PSU [26; 65]. Gender differences in PSU are mixed, with some studies finding higher prevalence among women [65]. Earlier studies linked high education to PSU, but later research shows inconsistent results [6; 8; 55].

The literature extensively addresses the common consequences of PSU, such as potential physical health decline [43], emergence of emotional and mental health issues [52], reduced quality of life [84], diminished productivity and time management [75; 82], sleep disturbances [85], family conflicts [38], anxiety [39], and depression [53].

The literature shows varying opinions on the predictive power and direction of factors leading to PSU. Some studies suggest preexisting mental disorders might lead to PSU as a coping mechanism, rather than being a result of it [31]. Loneliness, too, is seen as a possible cause of PSU, as individuals use smartphones to connect with others [56]. Establishing causality in PSU is complex due to its co-occurrence with emotional or health issues like depression, anxiety, anger, stress [26; 67], social relationship problems [44], and other addictions [77]. Our study uses both homogeneous and heterogeneous identification estimators and machine learning to better understand these causal relationships.

In summary, problematic smartphone use impacts emotional health more than physical health [67; 84]. While PSU's predictors and consequences are well-studied, its relation to sexuality and intimacy is less explored. Research mainly focuses on adolescent sexual behavior within technology-mediated sexual interaction (TMSI) [24], with significant attention on sexting. Approximately 50% of young adults in developed countries engage in sexting [27], and TMSI is more common in adults than adolescents [9]. There is also an established link between sexting and actual offline sexual activity [33], indicating a merging of online

and offline behaviors. This area represents a crucial, yet under-investigated aspect of PSU, especially its connection with sexual behavior and intimacy.

The literature agrees that sexual relationships and satisfaction are key to health and well-being [81; 89]. Sexual engagement enhances life satisfaction and happiness [45; 79] and reduces stress through oxytocin release [16]. However, there's increasing evidence of rising sexual inactivity in Western societies. In the U.S., a decline in sexual activity was observed from 2002 to 2018, particularly among 18 to 24-year-old men and adults aged 25 to 44 [10; 66]. European trends mirror this, with Germany seeing increased sexual inactivity across all age groups from 2005 to 2016 [10], and Great Britain experiencing a plateau among 16 to 44-year-olds [63]. Italy reported a 26.9% drop in sexual activity between 2019 and 2020 [4]. In Hungary, a 2017 survey revealed that 20% of 18 to 49-year-olds were sexually inactive, with activity decreasing with age [64].

Sexual inactivity is influenced by various sociodemographic, behavioral, and psychological factors [28]. A clear difference exists between employment statuses: part-time workers and the unemployed are more often sexually inactive than full-time workers, indicating a link between lower income and increased sexual inactivity [47; 88]. Stress and mental health issues also correlate strongly with sexual inactivity [12].

To understand the decline in sexual activity, the norm theory offers insight, attributing it to changing sexual norms [12; 88]. It posits that online pornography prevalence, extended working hours, stress from modern lifestyles, and reduced leisure time are factors reducing the frequency of intimate relationships [12; 86].

While existing literature discusses how smartphone use has diversified adult sexual

practices [74], it largely omits the direct link between PSU and offline sexual activity, despite the rising trend of sexual inactivity in Western societies. Our research aims to bridge this gap, exploring the connection between PSU and offline sexuality in adults. This inquiry falls within “psychotechnology” [30], a field poised to enhance our understanding of PSU and the behavioral shifts leading to sexual inactivity. By investigating this underexamined intersection, our study endeavors to shed light on the intricate dynamics of human behavior in the context of digital advancements.

Our study unfolds as follows: Firstly, we outline our research problem, specific questions, and hypotheses. Next, in the methodology section, we detail the data used and explain the homogeneous and heterogeneous identification algorithms, along with the random forest method applied in our analysis. Following this, the results section presents our findings and hypothesis validation. The study concludes with a summary, suggesting future research directions in this area. We also explore the practical implications of our findings, emphasizing their real-world applicability.

Research question and hypotheses based on exploratory data analysis

The global prevalence of mobile phone usage is substantial, with over two-thirds of the world's population (67,1%) using these devices. As of early 2023, there were 5,31 billion unique mobile phone users, a number that has seen exponential growth in recent years [68]. Our study focuses on Hungary, a European Union member state with a semi-peripheral economy. This choice is justified by Hungary's high internet and mobile phone penetration rates. In 2023, Hungary had 9,19 million internet users, equating to an 89,7% internet penetra-

tion rate, and 11,34 million inhabitants with mobile connections, surpassing the total population at a rate of 110,7% [87]. When compared to the average figures across the European Union, Hungary's statistics align closely. The EU averages an internet penetration of 91,5% (with a standard deviation of $\pm 4,8$ and mobile connectivity of 111,2% (standard deviation of $\pm 3,2$) [87]. These similarities suggest that Hungary is a representative case for smartphone usage within the European Union. Additionally, as highlighted in the previous section, Hungary exhibits sexual activity trends comparable to those in the EU. The country's relatively small population size also makes it a more feasible and favorable location for conducting representative research compared to larger EU member states, facilitating more efficient data collection.

Our study utilizes a nationally representative 2023 sample from Hungary, focusing on in-depth aspects of smartphone usage. We explored various dimensions including economic, sociodemographic factors, usage patterns, and addiction-related issues. A key element of our data collection was the “Sex or Phone” variable, assessing respondents' preference between mobile phone use and sexual intercourse. This innovative measure aimed to gauge individual attachment to smartphones. The reliability of this variable was notably high, as indicated by a Cronbach's alpha of 0,99. The distribution and analysis of this variable are detailed in Table 1.

The findings from Table 1 were unexpectedly revealing for two reasons. Firstly, sexuality-related inquiries usually face high refusal rates due to their sensitive nature, leading to methodological issues like skewed representativeness and reliability [4; 66]. Secondly, self-reported data on sexual behaviors are inherently limited by subjectivity, recall inaccuracies, and response distortions [66]. These issues can introduce biases,

affecting the study's validity and generalizability. However, the high response rate and the robust reliability indicated by a Cronbach's alpha score demonstrate that our research successfully gathered pertinent data on this delicate topic. The results, therefore, offer valuable insights into the complex relationship between technology use and personal behaviors.

The results in Table 1 of our study are striking for two key reasons. Firstly, there was an unexpected lack of refusals to the question comparing mobile phone use to sexual activity, despite the typically sensitive nature of such topics. This divergence from usual high refusal rates in similar studies is significant. Secondly, the responses were remarkably evenly split: about 44,53% of respondents preferred using their mobile phones over offline sexual activity, while 55,47% favored sexual intercourse over mobile phone use. This near-even distribution highlights the profound influence of mobile phones, with a substantial portion of individuals placing them on par with, or even above, essential human experiences like sexuality. These findings offer deep insights into the intricate relationship between human behavior, technology use, and lifestyle priorities, illustrating how integral smartphones have become in our daily lives.

Our study's intriguing results prompted a deeper exploration of the link between PSU and sexual activity. Aligning with the methodological trend of exploratory

data analysis, recognized for revealing new insights within datasets [55; 76], our approach was key in spotting emerging patterns and trends, fostering new scientific discoveries. While acknowledging the importance of research on offline sexual inactivity for understanding PSU, our analysis primarily centered on the socio-economic status of respondents, alongside their mobile phone use and addiction patterns. This focus meant that psychological and attitudinal factors, crucial in PSU research, weren't our primary data collection targets. This limits the scope of our research questions and hypotheses regarding PSU.

Thus, our central research question is: "What socio-economic and mobile phone usage factors are determinants of problematic smartphone use in relation to offline sexual inactivity?" This question led to the development of specific hypotheses for our study, focusing on identifying key socio-economic and usage-related factors that influence PSU and its connection to offline sexual behavior.

H_1 : Renunciation of offline sexual activity due to PSU is widespread primarily among young, middle-class respondents living mainly in large cities, in the case of a European Union member country characterized by a semi-peripheral economy.

H_2 : Renunciation of sexual activity due to smartphone use is more likely to be measured among problematic smartphone users in the case of a European Union member

Table 1
Percentage and distribution of responses to the Sex or Phone question

Sex Or Phone	Description of the variable's categories	Frequency	Frequency Percentage
No Sex	I would rather give up sex for 12 months just to use my smartphone	401	44,53%
No Phone	I would rather give up my smartphone, but I can't live without sex for 12 months	500	55,47%
Total		901	100%

state characterized by a semi-peripheral economy.

H₃: PSU can predict offline sexual inactivity more strongly than socioeconomic variables, in the case of a European Union member state characterized by a semi-peripheral economy.

Methodology

Our study utilized data from a telephone survey conducted in 2023. We employed a multi-stage random stratified sampling method to form a sample of 1,005 individuals. This sampling technique ensured that our sample was representative of the Hungarian adult population over 18 years of age, taking into account factors such as gender, education, income level, and type of settlement. The survey design achieved a 95% confidence level with a 3% margin of error. It's important to note that our data is based on self-reports, including the measurement of mobile phone use. While self-reported data is a commonly accepted method in research, it's also recognized in the literature that such data can be prone to systematic distortions [50; 73]¹. This is particularly true when compared to data collected based on 'actual' mobile usage [90]. Despite these potential limitations, we believe that self-reported data collection is more congruent with the social and cognitive behavioral theory framework. This theory emphasizes the importance of individuals' perceptions and experiences, which are more directly captured through self-reporting. Hence, while acknowledging the limitations inherent in self-report data, we maintain that this method provides valuable insights relevant to our study's focus on problematic smartphone use and its association with offline sexual inactivity.

After a rigorous filtering and data cleaning process, which included removing constant variables and duplicates, we analyzed data from 901 individuals across 141 variables. A notable challenge was the high proportion of missing values, representing 128 cases or 10,2% of our dataset. This led us to carefully choose an appropriate data imputation method, for which we selected the K-Nearest Neighbors (KNN) algorithm. KNN was chosen because it assumes missing data is Missing Completely at Random (MCAR), meaning the missingness is independent of both observed and unobserved data [40]. KNN's ability to handle both numerical and categorical variables was crucial given our dataset's composition, and its optimization for small to medium-sized databases made it ideal for our research [1].

After imputation and further data cleaning, our final dataset consisted of 122 variables, covering socio-economic factors like age, income, settlement type, marital status, education, and household size. It also included basic contextual variables related to smartphone use such as usage duration, app download frequency, app payment, and number of apps used. Moreover, our database incorporated 94 variables specifically measuring smartphone use and addiction, divided into five categories: 1) app usage purposes, 2) phone use frequency, 3) preference for computer or mobile phone for various activities, 4) online shopping habits, and 5) usage of other smart technologies. This comprehensive dataset provided a robust foundation for our analysis.

For our study's dimension reduction, we utilized two cutting-edge identity estimators: the Two Nearest Neighbors (TWO-NN) and the Heterogeneous Identifica-

¹ It is important to note that there is no complete agreement on this issue, as some research has contradictory results (see Majeur et al. 2020 [61]).

tion Algorithm (HIDALGO), recently introduced in the literature [25]. These algorithms, forefront in dimension reduction techniques, are probability-based and use nearest-neighbor distances' theoretical properties. Their advantage lies in accurately identifying a 'desired' or 'true' identifier (ID) for effective clustering. This enables representation of a dataset's complexity on a high-dimensional space surface, optimizing data point differentiation [58; 83]. They excel in capturing the latent dimension of a nonlinear population within a high-dimensional space, focusing on the intrinsic or real dimension (ID). The ID is the minimal number of parameters needed to represent data without significant loss [5; 76]. The generated K (or P) should be seen as the upper limit of active clusters, ensuring a reliable and stable cluster structure [80]. Applying these advanced dimension reduction methods allowed us to refine our dataset into a more manageable and analytically robust form, setting the stage for precise and insightful data analysis. Both algorithms permit the implementation of a trimming process to remove extreme observations if outliers distort the estimate [25]. For our study, we employed the Rand index-based partition stability, a bootstrap method, to determine the ideal number of clusters [80].

For our analysis, we employed the Random Forest (RF) algorithm, a machine learning approach developed by Leo Breiman [15], renowned for its effectiveness in datasets with a high ratio of variables to observations [70]. RF is particularly suitable for managing complex interaction structures, handling highly correlated variables, and accommodating nonlinear associations

[13; 20], which aligns well with the complexities of our dataset. To evaluate our RF model, we used optimized predictions, classification accuracy, and the kappa statistic [23; 51]². This methodology allowed for a nuanced and precise analysis, enhancing the reliability and depth of our findings by effectively handling the intricate interdependencies and nonlinear relationships within our dataset.

In our research, the Random Forest (RF) method served two primary functions: first, to develop a prediction rule, and second, to assess and rank predictor variables using Variable Importance Measures (VIM). VIM is particularly effective at identifying predictors involved in interactions, those that predict the analyzed variable in combination with others [36; 62]. However, it's crucial to recognize that VIM rankings are generated irrespective of the overall utility of all predictors in the prediction problem.

The combination of TWO-NN, HIDALGO, and Random Forest algorithms harnesses each algorithm's unique strengths, enabling a more thorough and nuanced analysis. Such an integrative approach is instrumental in unraveling the intricate relationship between problematic smartphone use and offline sexual activity, making the most of the latest methodological advancements in the field. This synergy of advanced algorithms offers a robust framework for our analysis, enhancing our ability to interpret complex data patterns and contributing significantly to the field of psychotechnology.

Data analyzes were performed using R version 4.2.2 [72] in the Rstudio environment [71]. We performed our dimensionality reduction analysis with the intRinsic

² Optimization involved adjusting model parameters to improve performance. Classification accuracy quantified the proportion of correct predictions, and the kappa statistic provided a measure of accuracy accounting for chance. Additionally, the F1 score, which combines precision and recall, offered a balanced metric of model performance [89].

package, which enables the implementation of both TWO-NN and HIDALGO [25] estimators. The ClustOfVar package was used to calculate the Rand index [17], and Random Forest modeling was performed with the caret package [52].

Results

In the exploration of the correlation between problematic smartphone usage and offline sexual inactivity, a comprehensive examination of the participants' demographic backgrounds and smartphone usage behaviors stands as a fundamental step. As illustrated in 'Demographic and Smartphone Usage Profile of Respondents', our analysis encompasses a wide range of variables including average smartphone usage, app download frequency, social media engagement, household size, monthly net income, educational attainment, gender distribution, and preferences regarding smartphone usage over offline sexual activities.

Key findings from table 2 indicate a near-universal smartphone usage (99,3%) among participants, underscoring the pervasive nature of these devices in modern society. The data reveals an average of 7,6 years of smartphone use, suggesting a long-term engagement with these devices. Interestingly, the frequency of downloading new apps

is relatively low (mean = 1,351), pointing towards a stable usage pattern rather than constant exploration of new applications.

The demographic information unveils a varied sample with an average household size of 2,626 and a monthly net income averaging at 5,5 on the study's scale, hinting at a middle-income bracket. The education category mean of 3,286 suggests a medium level of education among participants, with a nearly balanced gender distribution (54,2% female). Regarding the pivotal "SexOrPhone" variable, the slight majority (55,47%) expressed a preference for sexual activity over smartphone use, revealing a complex relationship between digital device engagement and personal relationships.

This detailed profile is instrumental in understanding the nuanced interplay between individual characteristics, socio-economic factors, and the reliance on smartphones. The data suggests that while a significant portion of individuals prioritize smartphone usage, there remains a strong contingent valuing offline sexual engagement. These observations reflect diverse priorities and the potential impact of socio-economic status on PSU and sexual inactivity, setting the stage for a deeper analysis of how these factors manifest in the day-to-day smartphone usage patterns of individuals.

Table 2
Demographic and Smartphone Usage Profile of Respondents

Variable	Mean	Std Dev	Min	25%	50%	75%	Max
Use Mobile Phone	0,993	0,083	0	1	1	1	1
How Long Use Smartphone	7,616	1,081	1	8	8	8	8
How Often Download Apps	1,351	0,928	0	1	1	2	4
Use Apps for Socialmedia	0,770	0,421	0	1	1	1	1
Household Size	2,626	1,114	1	2	2	3	7
Monthly Net Income	5,500	1,882	1	5	5	6	12
Education Categhory	3,286	0,800	1	3	3	4	4
Sex (Male, Female)	1,542	0,498	1	1	2	2	2
Sex Or Phone	1,599	0,490	1	1	2	2	2

Our investigative journey into the entwined realms of smartphone usage and offline sexual activity began with an in-depth demographic assessment. This critical step informed our granular examination of specific smartphone usage patterns captured by 94 distinct variables. Meticulously organized into five thematic categories via a comprehensive questionnaire, these variables underwent a rigorous dimension reduction process. The hierarchical cluster analysis we employed distilled this wealth of information, yielding actionable insights into individual behaviors and preferences.

Upon visualizing the outcomes of this hierarchical cluster analysis through a heat map (Figure 1), a nuanced narrative emerged from the log data values. Despite the apparent division of the dataset into two primary clusters, no distinct structure immediately surfaced. This initial finding hinted at the complexity hidden within the smartphone usage behaviors of our participants, signaling that the mere frequency of usage and preference for smartphones

over offline sexual activities could not be straightforwardly categorized.

Delving deeper, we engaged the TWO-NN algorithm to seek out the hidden patterns masked by the superficial clustering. The outcome of this sophisticated modeling is depicted in Table 3 and further illustrated in Fig. 2, unraveling the representation of our dataset through a unique, homogeneous global identifier (ID). Intriguingly, all estimators converged on a similar range, suggesting a reduction of the 94 variables to a core set of 22 to 25, capturing over 95% of the variance within our participants' smartphone interactions. This condensation of variables into a smaller set did not diminish the depth of our insights; rather, it illuminated the robust yet subtle psychological constructs driving PSU.

Confronted with minor discrepancies among the different estimators, our inquiry did not cease. We embarked on an exploration of the average distances between nearest neighbors across our dataset, depicted in Figure 3. The analysis revealed the TWO-

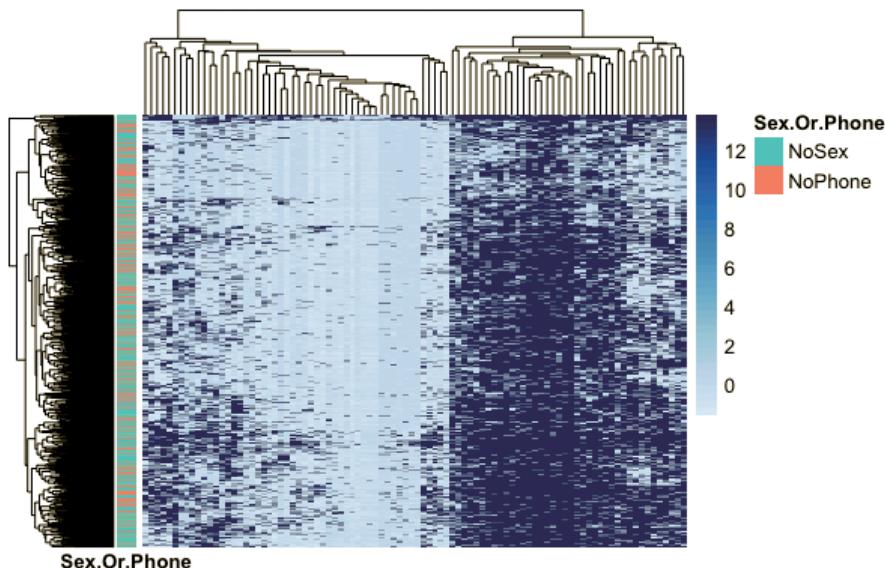

Fig. 1. Heat Map of Annotated Log Data Values of Hierarchical Cluster Analysis ($N = 901$)

Table 3

**TWO-NN model estimates using least squares estimation (Linfit),
Bayes estimation (Bayes) and maximum likelihood estimation (MLE)
(total observations $N = 901$, used observations $N = 895$)**

Analysis	Lower_Bound	Estimate	Upper_Bound	Mean	Median	Mode
Linfit	22,498	22,640	22,889			
Bayes	22,503	NE	25,662	24,057	24,048	24,030
MLE	22,504	24,031	25,663			

NE: Not Estimable

Linfit: Trimming proportion: 1%, ID estimates (confidence level: 0,95)

bayes: Trimming proportion: 1%, Prior $d \sim \text{Gamma}(0,001; 0,001)$, Credible Interval quantiles: 2,5%, 97,5%

MLE: Trimming proportion: 1%, ID estimates (confidence level: 0,95).

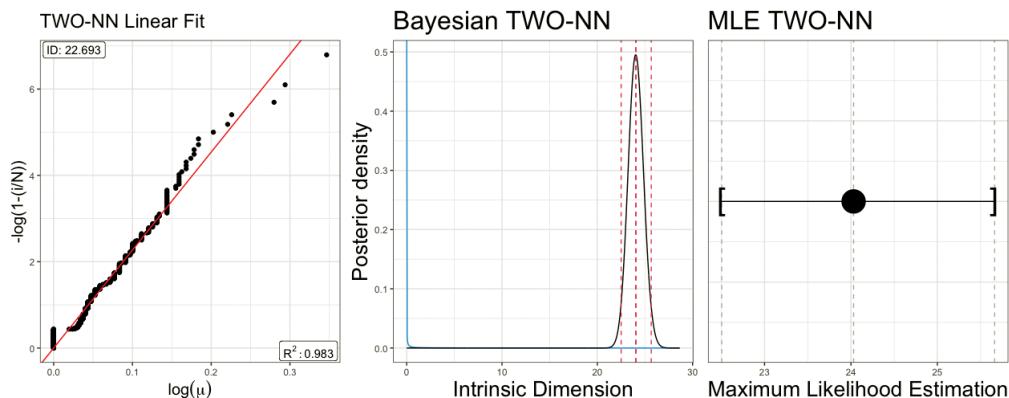

Fig. 2. Plots of TWO-NN Model estimations

NN algorithm's limitations in accounting for abrupt changes in ergodic means, a clear indication of inhomogeneities within our data that begged for further scrutiny.

To encapsulate the diversity of the underlying structures, we applied the HIDALGO algorithm. Eschewing data truncation due to the substantial dimensionality, we refined our analysis parameters to accurately represent the multifaceted nature of our dataset. This approach brought us to the heart of the psychological content: the heterogeneous ID numbers derived illuminated a complex web of factors influencing PSU and sexual inactivity. Figure 4 embodies this comprehensive analysis, juxtapos-

ing trace plots with observation-specific ID means and medians, marked by credible intervals.

The emergent patterns from our HIDALGO analysis, detailed in Table 4, affirmed that our respondents exhibit a rich spectrum of PSU behaviors, ranging from high-frequency individual use to social interactions mediated through smartphones. The two subpartitions identified, P_{23_1} and P_{23_3} , encapsulate distinct dimensions of PSU. P_{23_1} pertains to individual usage, marked by intensive engagement such as nightly usage and a preference for gaming and online shopping. Conversely, P_{23_3} captures the social fabric of PSU, encompass-

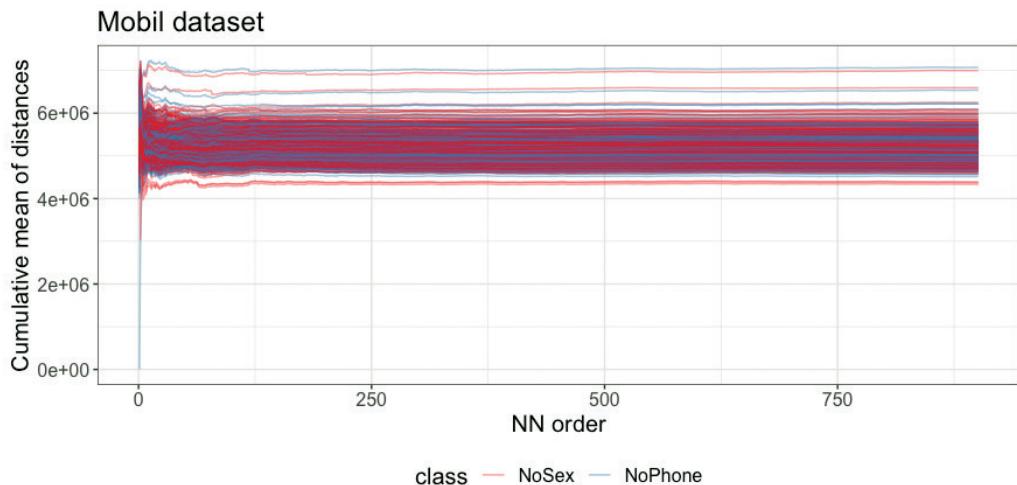

Fig. 3. Cumulative means of Distances

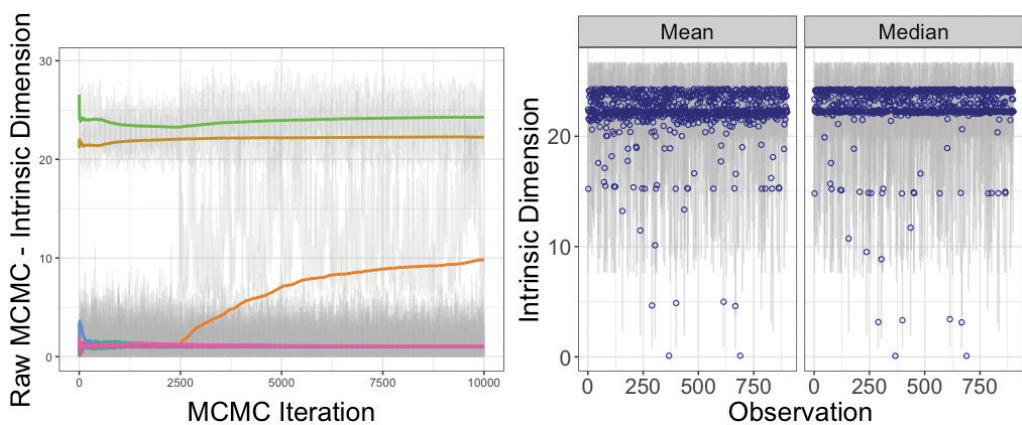

Fig. 4. 'Raw' MCMC and Point Estimates of HIDALGO Analysis

Heterogeneous ID estimation of the 94 variables based on the Sex or Phone variable

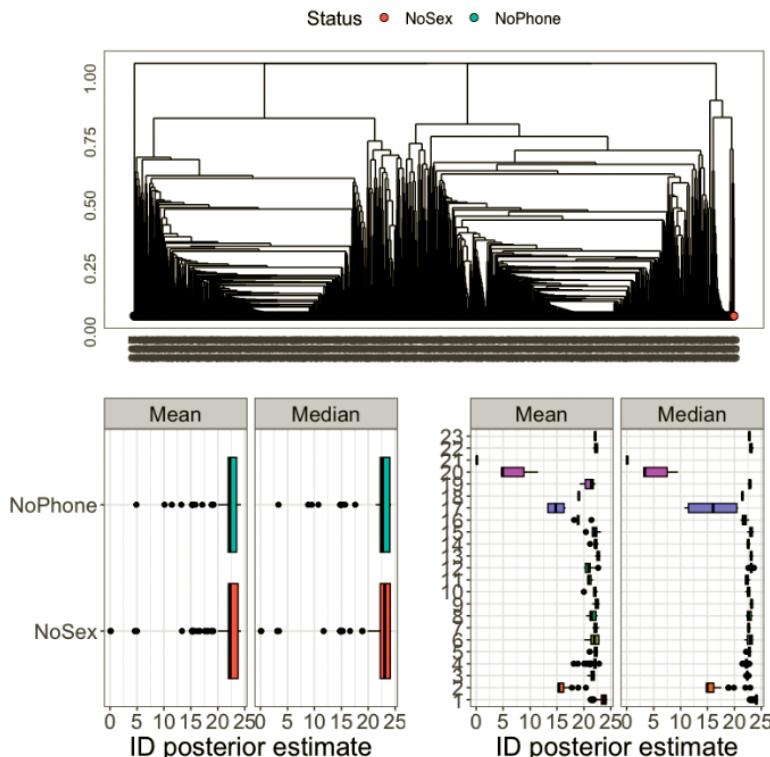
Table 4

class	mean	median	sd
No Sex	23,177	23,027	2,634
No Phone	23,363	23,064	2,559

ing smartphone use during social gatherings and frequent social media interactions.

These subpartitions offer a window into the psyche of our participants, where the

smartphone serves as both a personal companion and a social conduit. The linkage between these behavioral clusters and the preferences for smartphone usage over offline

Fig. 5. P_{23} cluster structure

sexual activities underscores the significant psychological interplay at work. Our analysis not only dissects PSU into its constitutive behavioral components but also correlates these dimensions with the participants' choices concerning their sexual lives.

In summary, our dimension reduction illustrates a dual narrative within PSU: the individual and social narratives that interweave to form a complex tapestry affecting offline sexual inactivity. These findings are instrumental in understanding the nuanced dynamics that govern our participants' digital and intimate lives. Our approach has not only quantified these dimensions but also qualitatively enriched our understanding of the psychological factors at play, highlighting the profound influence PSU has

on personal behavior and the pressing need for a deeper investigation into this modern dynamic.

In the next stage of our analysis, we modeled the connection between PSU and offline sexual activity with RF model. In addition to the P_{23} partitions, we also included the demographic and socioeconomic variables in the analysis. Since we have to work with a high number of partitions and thus a high number of variable sets, we used the Random Forest algorithm for modeling to perform a classification analysis, predicting the target variable Sex or Phone. To train the models, we created a test dataset from 30% of the data ($N = 270$), while 70% of the data ($N = 631$) functioned as a training matrix. In our model, we fitted our het-

erogeneous ID-based covariates along sub partitions (P_{23_x}).

The model yielded a notably low average estimated error rate of 12,55%, indicating the potential to construct an acceptable model structure from the variable set [15]. The primary metrics of the model are detailed in Table 5.

Table 5
RF model evaluation metrics along the Sex or Phone variable categories

Values	Precision	Recall sensitivity	F1 score
No Sex	0,803	0,874	0,837
No Phone	0,875	0,955	0,912

In Table 5, we present the performance metrics of our final model, developed via an algorithmic approach, encompassing precision, recall, sensitivity, and the F1 score. Specifically, our Random Forest (RF) model demonstrates an 83,7% accuracy rate in predicting preferences for mobile phone usage

over offline sexual activity, with a false positive rate of 13,6% and a false negative rate of 19,8%. Notably, the model exhibits a superior prediction value of 0,912 for respondents favoring offline sexual activity, suggesting that the incorporation of various psychological metrics and factors significantly enhances predictive accuracy for individuals inclined towards offline sexual inactivity. As a result, the VIM ranking generated by the RF model, can be analyzed (Fig. 6).

Fig. 6 shows that the P_{23_1} cluster is the fifth most important predictive variable ($\beta = 9,212$), while the P_{23_3} cluster is included in the model as the fifteenth most important explanatory variable ($\beta = 8,206$). All of this confirms that PSU constructed in both individual and social situations have important predictive power in the case of offline sexual inactivity.

Socioeconomic factors are crucial in predicting the preference between sexual activity and mobile phone use. Financial situation, particularly highlighted in our VIM,

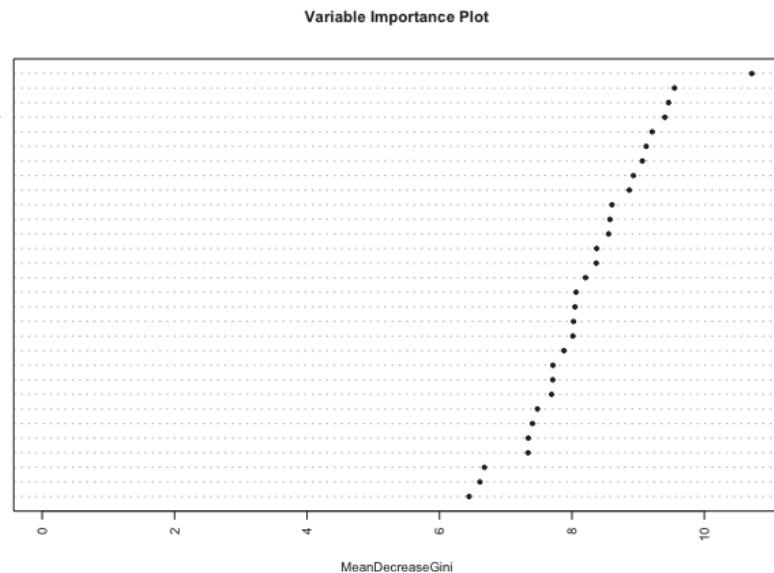

Fig. 6. Variable Importance Plot of the RF model

is a key predictor with two aspects: low household income (205e-300e HUF ~550-800 EUR, $\beta = 10,716$) and subjective financial perception (income covering just over basic expenses without savings, $\beta = 9,458$). This implies those favoring PSU over offline sexual activity face financial challenges both objectively and subjectively. Demographically, this group predominantly resides in county main cities ($\beta = 9,122$) or large cities ($\beta = 8,553$) and typically has a high school ($\beta = 9,063$) or college/university education ($\beta = 8,015$). Professionally, they are often fully employed ($\beta = 8,866$), with a notable presence in the 40s and 50s age groups ($\beta = 7,692$, $\beta = 8,047$). In terms of mobile usage, long-term smartphone users (over 3 years, $\beta = 8,367$), those using 6-10 apps regularly ($\beta = 9,549$), and infrequent app downloaders ($\beta = 9,403$) are particularly inclined towards PSU.

In summary, based on our results, we see that those who are in a less favorable financial situation, mostly middle-aged, living in large cities are the ones who prefer phone usages instead of offline sexual activity. Furthermore, in terms of their mobile usage, they have been smartphone users for a long time, but they use a small number of applications and rarely switch to newer applications. Among them, the proportion of PSU is extremely high, both in terms of individual PSU and PSU arising in social situations.

Based on all these results, we have to reject our hypothesis H_1 , because in the case of a European Union member country characterized by a semi-peripheral economy, it is not the adolescent, but the middle-aged age group that gives up offline sexual activity due to the use of mobile phones. Furthermore, in terms of income, they can be characterized as a low-middle-class social segment living in large cities. Our research verified our hypothesis H_2 , as problematic mobile phone use measured both at the individual

level and in terms of social context is related to giving up offline sexual activity. Hypotheses H_3 are rejected because socioeconomic variables have a higher predictive power than PSU regarding offline sexual inactivity. However, it is important to note that the prediction variables form a complex system, so even if the explanatory power of the socioeconomic variables is higher, it is worth understanding their explanatory power in relation to the PSU variables.

Discussion

The discourse provided herein delves deeply into the nuanced matrix of associations between problematic smartphone use and offline sexual inactivity, with an acute emphasis on the middle-aged demographic within a semi-peripheral European economy. By meticulously analyzing a representative sample via innovative machine learning algorithms — namely Two-NN, HIDALGO, and Random Forest — our study not only substantiates but also expands upon the extant literature which delineates the relationship between PSU, socioeconomic factors, and urban living conditions [8; 37; 41; 57; 59].

Drawing upon the theoretical constructs of social and cognitive behavioral theory, as posited by Chen et al. (2016) and Kim et al. (2018) [18; 46], our investigation recontextualizes PSU as a behaviorally contingent phenomenon, steered not by device dependency but by an overreliance on online behavioral enactment. This rearticulation is further consolidated by the contributions of Király and Demetrovics (2021) [48] and Ferrante and Venuleo (2021) [34], whose discourse on maladaptive cognitions provides a scaffold to understand the intricate interplay between psychopathology and PSU. By interweaving these theoretical threads with the empirical fabric of our findings, our research not only corroborates but also enriches the existing models by

threading through the implications of PSU on offline sexual inactivity. This confluence accentuates the significance of maladaptive cognition cycles and behavioral reinforcement in demystifying the influence of PSU on sexual behavior and places our study at the vanguard of research into behavioral addiction and sexual health.

Addressing the limitations of our research, we recognize the need for a finer granularity in the measurement of sexual activity. The prevailing literature signals a decline in sexual activity, particularly amongst middle-aged cohorts [4; 10; 12; 63; 66], prompting future research endeavors to control for this age-related declination to precisely delineate its impact. The infusion of psychological attitude metrics into our analysis could potentially illuminate the underlying psychological mechanisms that mediate the relationship between PSU and sexual inactivity. Further, embarking on longitudinal research endeavors and broadening the geographical scope of comparisons to other regional or international milieus could significantly enhance the robustness of our results and enrich the nuanced understanding of PSU and its implications for sexual inactivity.

We posit that our research furnishes the scientific dialogue on a relatively underexplored topic with robust empirical insights, which may serve as a springboard for policymakers to fortify sexual health strategies amongst individuals grappling with PSU. Additionally, our findings may serve as a beacon for couples to identify and mitigate the detrimental impacts of technological engagement on their intimate connections. Such cognizance is anticipated to spawn more nurturing relationship dynamics and bolster sexual well-being. Nevertheless, it is imperative to acknowledge the inherent complexity and individual variability in the PSU-offline sexual inactivity nexus, which is

woven by a myriad of factors. Enhancing our comprehension of these linkages promises substantial dividends in fostering healthier interpersonal relationships and augmenting the collective well-being of society.

Conclusion

The findings from our extensive study have established a substantial correlation between problematic smartphone use (PSU) and a decrease in offline sexual activity, a trend particularly prominent among middle-aged individuals within a defined European Union member country with a semi-peripheral economy. Employing advanced analytical techniques we have not only delineated the dual aspects of PSU — individual and social — but also elucidated how these are shaped by socio-economic determinants including income levels, educational attainment, and urban residency.

Our research advances the academic conversation, forging connections that resonate with prior studies focused on sexual behavior [10; 12; 46; 88]. It uncovers the intricate dynamics that interlace PSU with offline sexual inactivity and underscores the necessity of dissecting individual behaviors such as mobile gaming and online shopping, alongside social behaviors like social media participation and digital content creation. This investigation's predictive modeling solidifies PSU's integral contribution to the observed sexual activity decline, thus broadening the discourse to encapsulate not just the younger cohort but also the often-overlooked middle-aged demographic.

By weaving the threads of lesser-explored sexual inactivity into the fabric of social and cognitive behavioral theories, our work offers fresh perspectives on the complex tapestry of PSU within the societal framework. It lays the groundwork for a nuanced understanding of the societal ramifications of smartphone use, prompting calls for tailored

intervention strategies that tackle both personal and societal facets of PSU.

In light of these revelations, our study signals a clear imperative for policymakers, healthcare providers, and community leaders to consider and address the intricate ways in which technological adoption impacts human relationships and health. It calls for the inception of education and intervention programs that address the nuances of PSU and its ripple effects on the social and personal planes.

Future research should aim to traverse beyond the limitations of cross-sectional designs by adopting longitudinal approach-

es to trace the temporal sequences of PSU behaviors and their long-term impact on sexual inactivity. Moreover, comparative studies across different cultural and economic landscapes may reveal universal patterns or distinctive trajectories, thereby enriching our global understanding of these phenomena. It is our hope that the insights gleaned from this research will not only contribute to the academic field but also translate into actionable strategies that promote a balanced integration of technology into daily life, enhancing the overall well-being of individuals and the collective societal fabric.

Appendix

P₂, P₃, P₄ and P₂₃ partitions

Cluster No	No Sex	No Phone	Proportion of No Phone	Average posterior ID mean	Average posterior ID median	Average posterior ID sd
P2 Cluster structure						
1	496	403	0,448	22,333	22,261	2,090
2	2	0	0,000	0,104	0,104	0,000
P3 Cluster structure						
1	2	0	0,000	0,104	0,104	0,000
2	206	200	0,493	2,957	22,074	0,477
3	290	203	0,412	22,643	23,549	2,753
P4 Cluster structure						
1	213	202	0,487	23,109	23,047	0,459
2	133	108	0,448	25,977	26,348	0,906
3	147	90	0,380	21,396	21,302	0,931
4	5	3	0,375	4,528	1,775	5,106
P23 Cluster structure						
1	232	163	0,413	23,587	23,710	0,639
2	18	9	0,333	16,034	15,342	1,346
3	3	3	0,500	21,513	21,560	0,538
4	168	165	0,496	21,955	22,069	0,450
5	14	13	0,482	22,115	22,182	0,399
6	4	4	0,500	21,854	21,951	0,997
7	4	8	0,667	22,123	22,144	0,345

Cluster No	No Sex	No Phone	Proportion of No Phone	Average posterior ID mean	Average posterior ID median	Average posterior ID sd
8	4	2	0,333	21,553	21,447	0,810
9	7	7	0,500	22,332	22,410	0,411
10	6	0	0,000	21,776	22,002	0,913
11	2	1	0,333	21,106	20,863	0,527
12	8	3	0,273	20,914	20,893	0,823
13	6	6	0,500	22,588	22,584	0,306
14	4	5	0,556	22,070	22,078	0,450
15	1	3	0,750	21,899	22,036	1,154
16	4	1	0,200	19,262	18,901	1,229
17	3	1	0,250	14,843	14,781	1,802
18	1	2	0,667	19,035	19,060	0,136
19	2	1	0,333	20,894	21,320	1,502
20	3	3	0,500	6,787	4,936	3,132
21	2	0	0,500	0,104	0,104	0,000
22	1	2	0,667	22,219	22,332	0,458
23	1	1	0,500	22,083	22,083	0,244

References

- Ali N., Neagu D., Trundle P. Evaluation of k-nearest neighbour classifier performance for heterogeneous data sets. *SN Applied Sciences*, 2019. Vol. 1, pp. 1–15.
- Aljomaa S.S., Qudah M.F.Al, Albursan I.S., Bakhet S.F., Abduljabbar A.S. Smartphone addiction among university students in the light of some variables. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 61, pp. 155–164.
- Allegra M., Facco E., Denti F., Laio A., Mira A. Data Segmentation Based on the Local Intrinsic Dimension. *Scientific Reports*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 32–49.
- Amerio A., Lugo A., Bosetti C., Fanucchi T., Gorini G., Pacifici R., Gallus S. Italians Do it... less. COVID-19 lockdown impact on sexual activity: Evidence from a large representative sample of Italian adults. *Journal of Epidemiology*, 2021. Vol. 31, no. 12, pp. 648–652.
- Ansuini A., Laio A., Macke J.H., Zoccolan D. Intrinsic Dimension of Data Representations in Deep Neural Networks. In *Proceedings of the 33rd International Conference on Neural Information Processing Systems*, 2019. pp. 6111–6122.
- Ayar D., Bektas M., Bektas I., Kudubes A.A., Ok Y.S., Altan S.S. et al. The effect of adolescents' internet addiction on smartphone addiction. *Journal of Addictions Nursing*, 2017. Vol. 28, no. 4, pp. 210–214.
- Bae S.M. The relationship between the type of smartphone use and smartphone dependence of Korean adolescents: National survey study. *Children and Youth Services Review*, 2017. Vol. 81, no. 1, pp. 207–211.
- Barnes S.J., Pressey A.D., Scornavacca E. Mobile ubiquity: Understanding the relationship between cognitive absorption, smartphone addiction and social network services. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 90, pp. 246–258.
- Benotsch E.G., Snipes D.J., Martin A.M., Bull S.S. Sexting, substance use, and sexual risk behavior in young adults. *Journal of Adolescent Health*, 2012. Vol. 38, no. 1, pp. 8–12.

10. Beutel M.E., Burghardt J., Tibubos A.N., Klein E.M., Schmutzler G., Br hler E. Declining sexual activity and desire in men: findings from representative German surveys, 2005 and 2016. *Journal of Sexual Medicine*, 2018. Vol. 15, no. 5, pp. 750–756. DOI:10.1016/j.jsxm.2018.03.010
11. Billieux J. Problematic use of the mobile phone: A literature review and a pathways model. *Current Psychiatry Reviews*, 2012. Vol. 8, no. 4, pp. 299–307.
12. Bodenmann G., Atkins D.C., Schär M., Poffet V. The association between daily stress and sexual activity. *Journal of Family Psychology*, 2010. Vol. 24, no. 3, pp. 271–279. DOI:10.1037/a0019365
13. Boulesteix A.L., Janitzka S., Kruppa J., König I.R. Overview of random forest methodology and practical guidance with emphasis on computational biology and bioinformatics. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*, 2012. Vol. 2, no. 6, pp. 493–507.
14. Brand M., Wegmann E., Stark R., Müller A., Wölfling K., Robbins T.W., Potenza M.N. The Interaction of Person-Affect-Cognition-Execution (I-PACE) model for addictive behaviors: Update, generalization to addictive behaviors beyond internet-use disorders, and specification of the process character of addictive behaviors. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2019. Vol. 104, pp. 1–10.
15. Breiman L. Classification and regression trees. London: Routledge, 2017. 368 p.
16. Carmichael M.S., Humbert R., Dixen J., Palmisano G., Greenleaf W., Davidson J.M. Plasma oxytocin increases in the human sexual response. *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, 1987. Vol. 64, no. 1, pp. 27–31.
17. Chavent M., Kuentz V., Liquet B., Saracco L. ClustOfVar: An R package for the clustering of variables. *arXiv preprint arXiv:1112.0295*. London: Routledge, 2011. DOI:10.48550/arXiv.1112.0295
18. Chen L., Yan Z., Tang W., Yang F., Xie X., He J. Mobile phone addiction levels and negative emotions among Chinese young adults: The mediating role of interpersonal problems. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 55, pp. 856–866.
19. Chen I.F., Tsaur R.C., Chen P.Y. Selection of best smartphone using revised electre-iii method. *International Journal of Information Technology & Decision Making*, 2018. Vol. 17, pp. 1915–1936.
20. Cheng L., De Vos J., Zhao P., Yang M., Witlox F. Examining non-linear built environment effects on elderly's walking: A random forest approach. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 2020. Vol. 88, pp. 102552–102573.
21. Chotpitayasanondh V., Douglas K.M. How "phubbing" becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 63, pp. 9–18.
22. Clayton R.B., Leshner G., Almond A. The extended iSelf: The impact of iPhone separation on cognition, emotion, and physiology. *Journal of Computer – Mediated Communication*, 2015. Vol. 20, no. 2, pp. 119–135. DOI:10.1111/jcc4.12109
23. Cohen J. A coefficient of agreement for nominal data. *Educational and Psychological Measurement*, 1960. Vol. 20, pp. 37–46.
24. Courtice E.L., Shaughnessy K. Technology-mediated sexual interaction and relationships: A systematic review of the literature. *Sexual and Relationship Therapy*, 2017. Vol. 32, no. 3–4, pp. 269–290.
25. Denti F. intRinsic: an R package for model-based estimation of the intrinsic dimension of a dataset. *arXiv preprint arXiv:2102.11425*. London: Routledge, 2021. DOI:10.48550/ARXIV.2102.11425
26. De-Sola J., Talledo H., Rubio G., de Fonseca F.R. Psychological factors and alcohol use in problematic mobile phone use in the Spanish population. *Frontiers in Psychiatry*, 2017. Vol. 8, pp. 11–32. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00175
27. Dodaj A., Sesar K. Sexting categories. *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*, 2020. Vol. 8, no. 2, pp. 1–26.
28. Dupree J.M., Langille G.M. The Impact of the Environment on Sexual Health. In: Lipshultz L., Pastuszak A., Goldstein A., Giraldi A., Perelman M. (eds.). *Management of Sexual Dysfunction in Men and Women*. New York, NY: Springer, 2016, pp. 17–24.

29. Eichenberg C., Schott M., Schroiff A. Comparison of students with and without problematic smartphone use in light of attachment style. *Frontiers in Psychiatry*, 2019. Vol. 10, pp. 681–693. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00681

30. Eleuteri S., Saladino V., Verrastro V. Identity, relationships, sexuality, and risky behaviors of adolescents in the context of social media. *Sexual and Relationship Therapy*, 2017. Vol. 32, no. 3, pp. 1–12. DOI:10.1080/14681994.2017.1397953

31. Elhai J.D., Levine J.C., Dvorak R.D., Hall B.J. Fear of missing out, need for touch, anxiety, and depression are related to problematic smartphone use. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 63, pp. 509–516. DOI:10.1016/j.chb.2016.05.079

32. Engeström Y. Innovative learning in work teams: Analyzing cycles of knowledge creation in practice. In Y. Engeström, R. Miettinen & R.-L. Punamäki (Eds.). *Perspectives on Activity Theory. Learning in doing: Social, cognitive, and computational perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 377–404.

33. Ferguson C.J. Sexting behaviors among young Hispanic women: Incidence and association with other high-risk sexual behaviors. *Psychiatric Quarterly*, 2011. Vol. 82, pp. 239–243.

34. Ferrante L., Venuleo C. Problematic Internet Use among adolescents and young adults: a systematic review of scholars' conceptualisations after the publication of DSM-5. *Mediterranean Journal of Clinical Psychology*, 2021. Vol. 9, no. 2, pp. 12–33. DOI:10.13129/2282-1619/mjcp-3016

35. Gao Q., Fu E., Xiang Y., Jia G., Wu S. Self-esteem and addictive smartphone use: the mediator role of anxiety and the moderator role of self-control. *Child Youth Serv Rev*, 2021. Vol. 124, pp. 105990–106004.

36. Goldstein B.A., Hubbard A.E., Cutler A., Barcellos L.F. An application of Random Forests to a genome-wide association dataset: methodological considerations & new findings. *BMC genetics*, 2010. Vol. 11, no. 1, pp. 1–13.

37. Hao Z., Jin L. Alexithymia and problematic mobile phone use: a moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, pp. 541507–541521.

38. Hartanto A., Yang H. Is the smartphone a smart choice? The effect of smartphone separation on executive functions. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 64, pp. 329–336.

39. Harwood J., Dooley J.J., Scott A.J., Joiner R. Constantly connected—The effects of smart-devices on mental health. *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 34, pp. 267–272. DOI:10.1016/j.chb.2014.02.006

40. Heitjan D.F., Basu S. Distinguishing “missing at random” and “missing completely at random”. *The American Statistician*, 1996. Vol. 50, no. 3, pp. 207–213.

41. Hong F.-Y., Chiu S.-I., Huang D.-H. A model of the relationship between psychological characteristics, mobile phone addiction and use of mobile phones. *Computers in Human Behavior*, 2021. Vol. 114, pp. 106414–106431.

42. Hong W., Liu R.-D., Oei T.-P., Zhen R., Jiang S., Sheng X. The mediating and moderating roles of social anxiety and relatedness need satisfaction on the relationship between shyness and problematic mobile phone use among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 93, pp. 301–308.

43. Horwood S., Anglim J. Personality and problematic smartphone use: A facet-level analysis using the five factor model and HEXACO frameworks. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 85, pp. 349–359. DOI:10.1016/j.chb.2018.04.013 Ihm J. Social implications of children's smartphone addiction: The role of support networks and social engagement. *Journal of Behavioral Addictions*, 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 473–481.

44. Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D., Schwarz N., Stone A. Toward national well-being accounts. *American Economic Review*, 2004. Vol. 94, no. 2, pp. 429–434. DOI:10.1257/0002828041301713

45. Kim E., Koh E. Avoidant attachment and smartphone addiction in college students: The mediating effects of anxiety and self-esteem. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 84, pp. 264–271. DOI:10.1016/j.chb.2018.02.037

46. Kim J.H., Tam W.S., Muennig P. Sociodemographic correlates of sexlessness among American adults and associations with self-reported happiness levels: evidence from the U.S. General Social Survey. *Archives of Sexual Behavior*, 2017. Vol. 46, no. 8, pp. 2403–2415.

47. Kiraly O., Demetrovics Z. Problematic internet use. In Király O., Demetrovics Z. (Eds.). *Textbook of Addiction Treatment*. New York: Springer, 2021, pp. 955–965.

48. Konok V., Pogany A., Miklosi A. Mobile attachment: Separation from the mobile phone induces physiological and behavioural stress and attentional bias to separation-related stimuli. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 71, pp. 228–239.

49. Krumpal I. Determinants of social desirability bias in sensitive surveys: a literature review. *Quality & quantity*, 2013. Vol. 47, no. 4, pp. 2025–2047.

50. Kuhn M., Johnson K. Applied predictive modeling. New York: Springer, 2013. 600 p.

51. Kuhn M. Caret: Classification and Regression Training. R package version 6.0-71. Cham: R-Studio, 2016.

52. Kumcagiz H., Gündüz Y. Relationship between psychological well-being and smartphone addiction of university students. *International Journal of Higher Education*, 2016. Vol. 5, pp. 144–156.

53. Kwon M., Kim D.-J., Cho H., Yang S. The Smartphone Addiction Scale: Development and Validation of a Short Version for Adolescents. *PLoS One*, 2014. Vol. 8, pp. e83558–e83572.

54. Kwon H.E., So H., Han S.P., Oh W. Excessive dependence on mobile social apps: A rational addiction perspective. *Information Systems Research*, 2016. Vol. 27, no. 4, pp. 919–939. DOI:10.1287/isre.2016.0658

55. Lapointe L., Boudreau-Pinsonneault C., Vaghefi I. Is smartphone usage truly smart? A qualitative investigation of it addictive behaviors. In *2013 46th Hawaii international conference on system sciences*, 2013, pp. 1063–1072. DOI:10.1109/HICSS.2013.367

56. Lee G., Rodriguez C., Madabhushi A. Investigating the Efficacy of Nonlinear Dimensionality Reduction Schemes in Classifying Gene and Protein Expression Studies. *IEEE/ACM Transactions on Computational Biology and Bioinformatics*, 2008. Vol. 5, no. 3, pp. 368–384. DOI:10.1109/tcbb.2008.36

57. Lee H., Kim J.W., Choi T.Y. Risk factors for smartphone addiction in Korean adolescents: Smartphone use patterns. *Journal of Korean Medical Science*, 2017. Vol. 32, no. 10, pp. 1674–1679.

58. Lepp A., Li J., Barkley J.E. College students' cell phone use and attachment to parents and peers. *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 64, pp. 401–408.

59. Li L., Trisha L. Examining how dependence on smartphones at work relates to Chinese employees' workplace social capital, jobperformance, and smartphone addiction. *SAGE*, 2017. Vol. 34, no. 5, pp. 1–14. DOI:10.1177/0266666917721735

60. Majeur D., Leclaire S., Raymond C., L ger P.M., Juster R.P., Lupien S.J. Mobile phone use in young adults who self identify as being "Very stressed out" or "Zen": An exploratory study. *Stress and Health*, 2020. Vol. 36, no. 5, pp. 606–614.

61. Malley J.D., Malley K.G., Pajevic S. Statistical Learning for Biomedical Data. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 298 p.

62. Mercer C.H., Tanton C., Prah P. et al. Changes in sexual attitudes and lifestyles in Britain through the life course and over time: findings from the National Surveys of Sexual Attitudes and Lifestyles (Natsal). *Lancet*, 2013. Vol. 382, pp. 1781–1794. DOI:10.1016/S0140-6736(13)62035-8

63. Meskó N., Óry F. The functioning of the sexual system questionnaire is the Hungarian version (SSFS). *Magyar Pszichológiai Szemle*, 2023. Vol. 78, no. 1, pp. 113–134.

64. Nahas M., Hlais S., Saberian C., Antoun J. Problematic smartphone use among Lebanese adults aged 18–65 years using MPPUS-10. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 87, pp. 348–353. DOI:10.1016/j.chb.2018.06.009

65. Ueda P., Mercer C.H., Ghaznavi C., Herbenick D. Trends in frequency of sexual activity and number of sexual partners among adults aged 18 to 44 years in the US, 2000-2018. *JAMA Network Open*, 2020. Vol. 3, no. 6, pp. e203833–e203833.

66. Panda A., Jain N.K. Compulsive smartphone usage and users' ill-being among young Indians: Does personality matter? *Telematics and Informatics*, 2018. Vol. 35, no. 5, pp. 1355–1372. DOI:10.1016/j.tele.2018.03.006

67. Parasuraman S., Sam A.T., Yee S., Chuon B., Ren L.Y. Smartphone usage and increased risk of mobile phone addiction: a concurrent study. *International Journal of Pharmaceutical Investigation*, 2017. Vol. 7, pp. 125–131. DOI:10.4103/jphi.JPHI_56_17

68. Pinho C., Franco M., Mendes L. Application of innovation diffusion theory to the E-learning process: Higher education context. *Education and Information Technologies*, 2021. Vol. 26, no. 1, pp. 421–440. DOI:10.1007/s10639-020-10269-2

69. Ploton P., Mortier F., Réjou-Méchain M., Barbier N., Picard N., Rossi V., Pélassier R. Spatial validation reveals poor predictive performance of large-scale ecological mapping models. *Nature communications*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 4540–4562.

70. Posit team RStudio: Integrated Development Environment for R. Posit Software, PBC, Boston: MA, 2023.

71. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing, 2022.

72. Reuver M., Bouwman H. Dealing with self-report bias in mobile Internet acceptance and usage studies. *Information & Management*, 2015. Vol. 52, no. 3, pp. 287–294.

73. Rissel C., Badcock P.B., Smith A.M., Richters J., De Visser R.O., Grulich A.E., Simpson J.M. Heterosexual experience and recent heterosexual encounters among Australian adults: the Second Australian Study of Health and Relationships. *Sexual Health*, 2014. Vol. 11, no. 5, pp. 416–426.

74. Rozgonjuk D., Kattago M., Täht K. Social media use in lectures mediates the relationship between procrastination and problematic smartphone use. *Computers in Human Behavior*, 2018. Vol. 89, pp. 191–198. DOI:10.1016/j.chb.2018.08.003

75. Rozza A., Lombardi G., Rosa M., Casiraghi E., Campadelli P. IDEA: Intrinsic Dimension Estimation Algorithm. In Maino G., Foresti G.L. (Eds.). *Image Analysis and Processing*. Springer-Verlag, 2011. Vol. 6978, pp. 433–442. DOI:10.1007/978-3-642-24085-0_45

76. Sapacz M., Rockman G., Clark J. Are we addicted to our cell phones? *Computers in Human Behavior*, 2016. Vol. 57, pp. 153–159.

77. Saraklı S., Doğan N., Doğan İ. Comparison of hierarchical cluster analysis methods by cophenetic correlation. *Journal of inequalities and Applications*, 2013. Vol. 1, pp. 1–8.

78. Schmiedeberg C., Huyer-May B., Castiglioni L., Johnson M.D. The more or the better? how sex contributes to life satisfaction. *Archives of Sexual Behavior*, 2017. Vol. 46, no. 2, pp. 465–473.

79. Sullivan J.H., Warkentin M., Wallace L. So many ways for assessing outliers: What really works and does it matter? *Journal of Business Research*, 2021. Vol. 132, pp. 530–543.

80. Starrs A.M., Ezeb A.C., Barker G. Accelerate progress—sexual and reproductive health and rights for all: report of the Guttmacher–Lancet Commission. *Lancet*, 2018. Vol. 391, pp. 2642–2692. DOI:10.1016/S0140-6736(18)30293-9

81. Steelman Z.R., Soror A.A. Why do you keep doing that? The biasing effects of mental states on IT continued usage intentions. *Computers in Human Behavior*, 2017. Vol. 73, pp. 209–223. DOI:10.1016/j.chb.2017.03.027

82. Tenenbaum J.B., De Silva V., Langford J.C. A Global Geometric Framework for Nonlinear Dimensionality Reduction. *Science*, 2000. Vol. 290, pp. 2319–2323.

83. Thomee S., Dellve L., Harenstam A., Hagberg M. Perceived connections between information and communication technology use and mental symptoms among young adults – a qualitative study. *BMC Public Health*, 2010. Vol. 10, no. 1, pp. 66–82.

84. Turel O., Mouttapa M., Donato E. Cyber spaces/social interactions. Preventing problematic internet use through video-based interventions: A theoretical model and empirical test. *Behaviour & Information Technology*, 2015. Vol. 34, pp. 349–362. DOI:10.1080/0144929X.2014.936041

85. Twenge J.M., Sherman R.A., Wells B.E. Changes in American adults' reported same-sex sexual experiences and attitudes, 1973–2014. *Archives of Sexual Behavior*, 2016. Vol. 45, no. 7, pp. 1713–1730.

86. We Are Social & Hootsuite. (report). Digital 2023. Retrieved June 7, 2023. URL:<https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (Accessed 14.04.2024).

87. Wellings K., Johnson A.M. Framing sexual health research: adopting a broader perspective. *Lancet*, 2013. Vol. 382, pp. 1759–1762. DOI:10.1016/S0140-6736(13)62378-8

88. Wellings K., Palmer M.J., Machiyama K., Slaymaker E. Changes in, and factors associated with, frequency of sex in Britain: evidence from three National Surveys of Sexual Attitudes and Lifestyles (Natsal). *British Medical Journal*, 2019. Vol. 365, pp. l1525–l1542. DOI:10.1136/bmj.l1525

89. Yook I.H., Park S.J., Choi M.J., Kim D.-J., Choi I.Y. Factors affecting smartphone usage self-report levels. *Studies in Health Technology and Informatics*, 2019. Vol. 264, pp. 1937–1938. DOI:10.3233/shti190722

Information about the authors

Márton Gosztonyi, PhD in Sociology, Senior Lecturer, Universiti Malaya, Kuala Lumpur, Malaysia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1887-4913>, e-mail: gosztonyi.marton@gmail.com

Информация об авторах

Гоштони Мартон, доктор социологии, старший преподаватель, Малайский университет, Куала-Лумпур, Малайзия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1887-4913>, e-mail: gosztonyi.marton@gmail.com

Получена 31.01.2024

Received 31.01.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Signs of an Enmeshed Relationship: Motivations and Outcomes of Social Networking Sites Password Sharing among Emerging Adult Men

Jan Patrick G. Gutierrez

Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9243-097X>, e-mail: jgutierrez@feu.edu.ph

April Johniline D. Aledia

Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2125-4453>, e-mail: april.aledia0426@gmail.com

Giorella G. Guevarra

Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8506-8000>, e-mail: giorellagguevarra@gmail.com

Jamaica Raivayne A. Jasa

Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3742-4941>, e-mail: jamaica.jasa@gmail.com

Dharell M. Villanueva

Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1798-0355>, e-mail: dharellmarcos@gmail.com

Kelly S. Tan

Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5065-8123>, e-mail: kly.15.tan@gmail.com

Objectives. The purpose of the study is to provide depth and analysis in understanding the reasons and outcomes of password sharing in the context of men's perception. The study will show a general idea of what phenomenon could occur if emerging adults decide to share a password with their partner.

Background. The campaign on securing one's own password on one's social media accounts has supposedly reached everyone. However, emerging adult men do share their password, either they initiated the password sharing or as a response to their partner's demands. Despite the status of couples sharing passwords, there is a dearth of study exploring the reasons and perceived consequences of emerging adult men on password sharing.

Study design. This study investigated the phenomenon of password sharing among emerging adult men's heterosexual relationships, thus a phenomenological design was used. Themes were extracted from interview transcripts via theoretically flexible thematic analysis.

Participants. 20 male heterosexual adult Filipinos aged (21 to 24 years old) who are in monogamous relationships ($M = 22,3$; $SD = 0,73$).

Measurements. Semi-structured interview was used in the data collection. With the elements of both structured and unstructured interview, the researchers garnered comparable and reliable data while also being able to pose extra queries to gain deeper insight about password sharing.

Results. The researchers found that the sharing of passwords between couples can be motivated by both personal and relational motivators. Furthermore, it was also found that password sharing in

relationships has both detrimental impact and constructive consequences on their relationship and their own personal lives.

Conclusion. *This study entails that password sharing, as have been foreseen by agencies that campaigns for it, has its detrimental consequences both for the relationship and their personal boundaries. Nonetheless, password sharing had constructive consequences such as relief from relationship anxieties, and increased understanding of their partner's social circles.*

Keywords: password sharing; emerging adult; motivations; outcomes; enmeshment; digital privacy.

For citation: Gutierrez J.P.G., Aledia A.J.D., Guevarra G.G., Jasa J.R.A., Villanueva D.M., Tan K.S. Signs of an Enmeshed Relationship: Motivations and Outcomes of Social Networking Sites Password Sharing among Emerging Adult Men. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 140–154. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150209>.

Признаки разрыва отношений: мотивация и результаты обмена паролями в социальных сетях мужчинами молодого возраста с их партнершами

Гутierrez Я.П.Г.

Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9243-097X>, e-mail: jgutierrez@feu.edu.ph

Аледиа Э.Д.Д.

Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2125-4453>, e-mail: april.aledia0426@gmail.com

Геварра Д.Г.

Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8506-8000>, e-mail: giorellagguevarra@gmail.com

Джаса Я.Р.А.

Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3742-4941>, e-mail: jamaica.jasa@gmail.com

Виллануэва Д.М.

Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1798-0355>, e-mail: dharellmarcos@gmail.com

Тан К.С.

Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5065-8123>, e-mail: kly.15.tan@gmail.com

Цель. Анализ причин и последствий совместного использования паролей в гетеросексуальных парах.

Контекст и актуальность. Кампания по защите собственных паролей на своих аккаунтах в социальных сетях якобы дошла до каждого. Однако молодые взрослые мужчины все же делятся своими паролями – либо по своей инициативе, либо в ответ на требования партнерши. Несмотря на то, что пары делятся паролями, существует недостаточно исследований, посвященных изучению причин и предполагаемых последствий обмена паролями молодыми мужчинами со своими партнершами.

Дизайн исследования. Изучался феномен совместного использования паролей в гетеросексуальных отношениях молодых мужчин, поэтому использовался феноменологический дизайн.

Темы извлекались из транскриптов интервью с помощью теоретически гибкого тематического анализа.

Участники. 20 взрослых гетеросексуальных филиппинцев мужского пола в возрасте от 21 до 24 лет, состоящих в моногамных отношениях ($M = 22,3; SD = 0,73$).

Методы (инструменты). При сборе данных использовалось полуструктурированное интервью. Благодаря элементам структурированного и неструктурного интервью исследователи получили сопоставимые и надежные данные, а также смогли задать дополнительные вопросы, чтобы получить более глубокое представление о совместном использовании паролей.

Результаты. Исследователи обнаружили, что обмен паролями между партнерами в паре может быть мотивирован как личными, так и реляционными мотивами. Кроме того, было установлено, что совместное использование паролей в гетеросексуальной паре оказывает как пагубное, так и конструктивное влияние на отношения и личную жизнь партнеров.

Выводы. Совместное использование паролей, как и предполагалось агентствами, которые за это ратуют, имеет пагубные последствия как для отношений, так и для личных границ партнеров. Тем не менее обмен паролями имел и конструктивные последствия, такие как избавление от тревог, связанных с отношениями, и более глубокое понимание социальных кругов своего партнера.

Ключевые слова: обмен паролями; молодые мужчины; мотивы; результаты; вовлеченность; цифровая конфиденциальность.

Для цитаты: Гутьеррес Я.П.Г., Аледиа Э.Д.Д., Геварра Д.Г., Джаса Я.Р.А., Виллануэва Д.М., Тан К.С. Признаки разрыва отношений: мотивация и результаты обмена паролями в социальных сетях мужчинами молодого возраста с их партнершами // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 140–154. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150209>

Introduction

Privacy and relationships are both important basic human needs. However, there are men who are willing to sacrifice their privacy for the sake of their relationships. In the recent generation, younger individuals are more inclined to share passwords compared to the older generation [32]. In fact, 67% of American internet users who were in romantic relationships had disclosed their password for at least one of their online accounts with their partner [15]. Password sharing in social media such as Facebook¹ messenger, the largest social networking site where a reported 94,4% of internet users in the Philippines use the platform [26], is one of the ways an individual may put their privacy at risk [19]. There are even laws that aim to pro-

tect one's information for both the United States and in the Philippines, the Privacy Act of 1974 and Data Privacy act of 2012 (Freedom of Information Act Division, 2022, Republic Act 10173), respectively. Campaigns about keeping one's password also exist in the country [17]. Despite these campaigns and legal standards, there are men who are still willing to sacrifice their privacy by sharing the passwords of their messaging applications. Why do they engage in such behaviors and what do they get from it? This paper explores the reasons and outcomes of password sharing among emerging adult men.

Ajzen's theory of planned behavior may be able to explain why such password sharing occurs. In its application to planned behavior in relationships, the person's attitude,

¹ Is officially banned in the Russian Federation.

the subjective norms, and their perception of control over the relationship can predict risky behaviors in the context of romantic relationships. The attitude towards relationships can also predict why young adult males allow such password sharing to occur. In past research, researchers experimentally observed that men tend to engage in riskier behavior when in the absence of their partner [25]. This may indicate that the risk-taking behavior of password sharing happens due to the physical distance between the couple. Also, individuals assume that this is still the norm in most romantic relationships [4] where 75% of couples believed that individuals share their password to their partner. In addition, they may believe that sharing passwords also serves as a form of gaining control over the relationship as it also serves the function of relationship surveillance.

In addition, password sharing may have negative outcomes in couples' relationships. In family systems theory, the thinner the boundaries between two people, the greater the chances of alienation can occur [20]. Unbounded communication in password sharing should take the form of enmeshment since there are indistinct communication patterns between the couples [1]. As such, in past literature, researchers noticed that password sharing negatively correlated with relationship satisfaction and length of relationship [4], indicating that password sharing is a negative phenomenon that couples may fall on.

However, researchers can argue that the importance of individuality is only a concern in individualistic cultures. Asians are characterized with collectivistic culture that gives primary importance to family rather than the self [21]. Additionally, Enriquez [10; 11], theorized that Filipino's personality development heavily relied on shared identity rather than an ego-oriented personality. Filipinos see themselves on others which is salient in their personality

development [22] and this process allows password sharing to be as comfortable dynamics between couples. Therefore, the importance of privacy in close relationships may be different across distinct cultures and their outcomes may also vary.

As such, the present study investigated the reasons and outcomes of password sharing that emerging adult men's experience. Specifically, it answered the following questions: (1) What are the motivations that the participants engage in password sharing? (2) What are the perceived outcomes of password sharing?

Method

Research Design. This study used a phenomenological design where it focused on the shared aspects of an individual's or group's lived experience to draw conclusions about that experience [6]. The researchers chose to study the phenomena of sharing passwords in romantic relationships because of the emergence and utilization of social media in the present time. Many individuals who are in a current romantic relationship use social media to communicate with one another. To gather data from the participants, the researchers conducted a one-on-one interview with each participant. It was then followed by thematic analysis to emphasize the important data collected from the interview.

Participants. We gathered 20 emerging adult men with a mean age of 22,1 years old ($SD = 0,57$) and with an average length of relationship at 4,45 years in a monogamous heterosexual relationship. All participants shared their passwords to their partners and are living separately. The researchers excluded married or cohabiting couples with children and who never met in person. Selected participants were protected by ethical consideration to ensure their confidentiality and privacy.

Procedure. We submitted our paper to the ethics review board of the university before proceeding with the gathering of participants. After the approval of the paper, we gathered our participants through peer referrals. The researchers sent the pre-registration form and the informed consent to the eligible participants. The pilot study began immediately after participants confirmed their participation.

The interview began right away after the questionnaires were finalized. Before each interview, the researchers screened the participants to determine whether they met the criteria. The interview was conducted according to the availability of the individuals through online meetings.

Data Analysis. The data gathered in the form of interview transcripts, were subjected to interpretation via a six-phase analytical method that was developed by Braun and Clarke [5] named the theoretically flexible thematic analysis. This method is done by common themes that arise from the participants' answers. In phase

one, we familiarized ourselves with the interview data via replaying and rereading. In phase two, we derived independently utilisable codes from the participants' excerpts. In phase three, we formed potential themes from the codes, and these codes were compared to each other to identify similarity and overlap. In phase four, the codes and themes were reviewed against each other to see if they match. In phase five, the themes were defined and named. In the final phase, the themes were written up. Revision and rejection of codes and themes may continue into all the phases.

Results

Motivations of Password Sharing

Category 1: Relational

Theme 1: Symbol or proof of commitment

Participants in the study share passwords as a sign that they are committed to their partner. They offered to give their password because of their prediction of longevity of the relationship they share.

Table 1

Motivations of Password Sharing

Themes and Subthemes	Examples
Relational Motivations	
1. Symbol or proof of commitment a. Verification of information and reduction of relationship anxiety	<p><i>"I gave my password to reciprocate, so that she will not think about other things"</i></p> <p><i>"I would check her account and if the information that I saw aligns to what she said, then I'd feel more convinced that she's being honest with what she claims to be doing"</i></p> <p><i>"If your partner knows your password, she can confirm that you don't talk to other people; that you're committed to her."</i></p>
2. Ongoing suspicions	<p><i>"Maybe that's the only reason (why they password share), because of jealousy"</i></p> <p><i>"...Sometimes she's doubtful of me, when she's doubtful of me, when I'm not telling the truth, that's the time that she checks my account"</i></p>
3. Comfort in relationship	<p><i>"...because of transparency it makes the couple more comfortable with each other which led us to password sharing"</i></p> <p><i>"It's like we became more comfortable that's why we acquired access to each other's accounts"</i></p>

Themes and Subthemes	Examples
Personal Motivations	
1. Sharing of interest and entertainment	<p><i>“For example, since my instagram’s discovery algorithm and reels is more appealing, she would sometimes prefer to browse on my account”</i></p> <p><i>“Out of boredom because my phone died. I just scrolled through tiktok and instagram. In tiktok if my “syp” page is boring and hers is more entertaining”</i></p>
2. Sharing of responsibility a. Academics and businesses	<p><i>“Yes it has helped me during the times that I am unable to access my gmail, my family’s messages to me (e.g. when I am at work where I have no access to the internet), she would be the one to receive these messages”</i></p> <p><i>“Unforeseen events may happen in school, for example, you might lose your phone. For these scenarios, you can then ask things like «hey can you log into my account, I have to check something”</i></p>
b. Family communications	<p><i>“I shared my password with my girlfriend so that my parents could easily reach me... That’s why I gave my girlfriend my password, so that my family can contact me through her”</i></p> <p><i>“There was a time when I needed to check something on my [Facebook²] messenger but I didn’t have an internet connection, so I gave her my password and I did not take it back”</i></p>
c. Emergency situations	<p><i>“for example, when I die or an unfortunate event happens, at least there is someone who knows my account and is able to access it.”</i></p>

Participants were willing to share the contents of their social media accounts as evidence of their decision to stay in a relationship.

Subtheme 1: Verification of information and reduction of relationship anxiety

They are willing to share their information and be verified whenever the partner needs to as a sign that they had been committed to the relationship. Since their partner can check their password anytime, they felt that an unprotected account would lessen their worry over their partner’s possible suspicion.

Subtheme 2: Transparency and clarity of conscience

The participants also believed that they were willing to give access to their messaging accounts because they are not hiding

any activities that would break their partner’s trust.

Theme 2: Comfort in relationship

Another reason for permitting unprotected messaging accounts was the comfort the participants and their partner had in their relationship. They felt that their information is safe on their partner thus it will not be utilized in activities that would compromise their welfare.

Theme 3: Ongoing suspicion

Participants noted that password sharing stems from ongoing suspicion from their partner, this aligns with Bevan’s [4] findings where jealousy can both be a reason and consequence of sharing passwords in social networking sites. They also felt that sharing their password would pacify the conflict since all information from the

² Is officially banned in the Russian Federation.

messaging application would then become accessible to their partner.

Category 2: Personal

Theme 1: Sharing of interest and entertainment

The participants shared their password so that they could access the social media contents their partners have. Their interests have similarities in that the couple were entertained by what they see on their partner's social media accounts.

Theme 2: Shared responsibility

The participants maximized the convenience brought by password sharing by using it to inform their partner of essential or urgent information. When their partners get news or read anything significant, they immediately share it with them.

Subtheme 1: Academics and businesses

Password sharing had a functional role among couples as well. Their partners collaborate with them, through their shared accounts, in academic requirements as well as their businesses. Couples remind each

other of their academic and/or work-related responsibilities as they are both informed through the shared accounts.

Subtheme 2: Family communications

College men also believed that sharing passwords is necessary to ease the communication between their own families. Some participants, although without the knowledge of their partners' family, remind them of communications or respond on their behalf to their family members especially when their partners do not have access to the internet. On occasions, other participants would also respond using their partner's account to their family.

Subtheme 3: Emergency situations

Password sharing may also be beneficial as preparation for possible emergencies. Although none of the participants claimed that they were in a life-threatening situation, accounts that were accessible to their partner were seen as a useful tool to easily gather help from their friends and their families.

Table 2
Outcomes of Password Sharing

Themes and Subthemes	Examples
Detrimental Blurred personal boundary a. Invasion of privacy	<i>"I feel like my privacy has been violated, because technically, I am still me, we are both individual entities, she has her own life and I have my own"</i> <i>"if my partner constantly checks my accounts, it would be as if I am losing my privacy"</i> <i>"if my partner constantly checks my accounts, it would be as if I am losing my privacy"</i>
b. Disruption of freedom of communication	<i>"I became more mindful to whom I talk to others because she might misunderstand some of the conversations, because the lack of context may affect her perception"</i> <i>"Sometimes I don't want her to see my conversations with my guy friends particularly conversations that talks about girls"</i>
2. Unpleasant emotions a. Retroactive jealousy	<i>"When I acquired her password, I did not do much digging; I just looked into her past relationships. I got insecure at first"</i> <i>"When I acquired her password, I did not do much digging; I just looked into her past relationships. I got insecure at first"</i>

Themes and Subthemes	Examples
Constructive 1. Relationship growth a. Empathic understanding	<p><i>"I don't know the term but it's like, you see yourself with her in the future. It's like you want to settle with her after password sharing"</i></p> <p><i>"Yes, I would say that our relationship became stronger because of password sharing"</i></p> <p><i>"When we reached one and a half years of our relationship, we learned to speak, listen, and to talk in a calm manner"</i></p> <p><i>"I got to know her when I learned the reason why she gets angry. I get to understand her. Sharing password helps you understand your partner better"</i></p> <p><i>"She'd wonder what am I doing right now and she'll see that I'm not talking to anyone. She'd know that I'm doing something"</i></p> <p><i>"My doubts were gone, example when she doesn't reply, I'll just check her account then I'll know that she's busy working"</i></p>
b. Relationship resilience	<p><i>"We fought a lot, but I think those fights strengthened our relationship, I don't know, I'm always yearning for her"</i></p> <p><i>"I think it (password sharing) made our relationship more resilient, because she sees all of my chat"</i></p> <p><i>"So far, my efforts have paid off, and our relationship has been trouble-free for a year and a half"</i></p>
c. Assurance of partner's wellbeing	<p><i>"Yes, I can see who she's talking to and can confirm that she's okay"</i></p> <p><i>"I only open her account when we have fights because I want to know if she's okay, like her welfare and such"</i></p> <p><i>"When you get to that part (password sharing) that's when you're secured with each other. I feel at ease and I know we're stable"</i></p>
2. Closer to family members	<p><i>"Because she communicates with my family, she become closer to them"</i></p> <p><i>"Her family treats me as if I'm part of their family"</i></p>

This study also investigated the respondents' perceived outcomes of password sharing. They believed that password sharing in relationships has both detrimental impact and constructive consequences on their relationship and their own personal lives.

Category 1: Detrimental impact

Theme 1: Blurred personal boundaries

Password sharing disrupts personal boundaries that college men have prior to their password sharing. These include invasion of privacy and disruption of their individuality.

Subtheme 1: Invasion of privacy

Freedom of their partner to access their social media accounts spoiled surprises that should have led to closer relationships. In addition, their partners also discovered

even their past relationships that they were not comfortable to disclose.

Subtheme 2: Disruption of freedom of communication

Additionally, password sharing also leads to individuality issues. Participants felt that their partner's own identity merges into their own. Password shared accounts disrupted their own sense of censorship in communication. The thought that their partner will be aware hindered their freedom to communicate to people whom they believe their partner will have suspicion.

Theme 2: Unpleasant emotions

Participants also believe that password sharing leads to unpleasant emotions that

endangers their relationship. These unpleasant emotions include retroactive jealousy and clashes between their perspective and their partner's peers.

Subtheme 1: Retroactive jealousy

Participants' and that of their partners' freedom to access archived messages on their messaging applications led to discovery of past relationships. The discovery of past relationships generates retroactive jealousy.

Subtheme 2: Clash between peer and partner's perspective and demands.

Participants claimed that they also open messages from their partner's friends, vice versa. However, messages that they view from their friends do not always agree with their own perspective. For example, there were choices made that would take time off with their partner but spend time with their friends. These problems arise due to the freedom of one partner to access their accounts.

Category 2: Constructive consequence

Theme 1: Relationship growth

Relationships grow in password sharing. Couples develop empathic understanding, relationship resilience, be relieved of anxiety over partner's welfare, and consolidation of commitment.

Subtheme 1: Empathic understanding

The participants claimed that they were able to put themselves on the perspective of their partner by accessing their personal accounts. By reading their partner's conversations with their peers and family, they felt what their partner feels even if the topics of discussion would be their relationship. They were able to read discussions of their partner's concern over them and their partner's perspectives on the challenges they encountered as a couple and as an individual.

Subtheme 2: Relationship resilience

Although there were challenges in relationships, understanding their partner's perspective served as a protective factor in the disruption of warm connection between the couple. They were able to bounce back from their problems due to their understanding of their partner's thoughts from their conversations and social media contents.

Subtheme 3: Assurance of partner's wellbeing

The participants tend to be concerned about their partner's welfare. With the knowledge of their partner's whereabouts and activities that comes along with password sharing, they found relief over their said fears or anxieties related to their partner's wellbeing. The participants understood that their partner's absence was simply a preoccupation with their responsibilities.

Subtheme 4: Consolidation of commitment and certainty on relationship

By understanding their thoughts as relayed on password shared accounts, they develop a sense of certainty in their relationship. They felt that their relationship was already at the level of married relationships as they believed that married couples also do password shared accounts. Additionally, password sharing strengthens their commitment to the relationship as they felt that shared communications bonded them like that of married couples.

Theme 2: Closer to family members

The couples also felt that they had become closer to their partner's family because participants also claimed that they have access to their partner's communication with their family. As they got to under-

stand their partner's family's thoughts and situation, they got to understand the emotions that the family has over them as their partner's love interest. The messages that their partner did not disclose in face-to-face conversations were readily available to them to read and access. As such, they could empathize with their family more easily. Some participants claimed that since password sharing led to increased frequency of communication between their family and partner, this helped their family members become closer to their partner.

Discussion

Password sharing comes from a few motivations which can be categorized as relational and personal reasons. Although it may seem obvious, men share their password because of reasons that involve their partner; however, not all reasons concern the person whom they will share with. There are motivations that are personal which would neither support nor disturb their relationship.

Relational Motivations

The study investigated that there were personal and relational motivations in password sharing. In theory, Maslow reverse hierarchy of needs states that needs are occasionally reversed, with individuals prioritizing their love and belongingness over physiological and safety needs [12] allowing their partners access to their accounts and risk data privacy breach. Also, women have varying thoughts and opinions about password sharing, but they all agreed that the reasons for it is that password sharing portrays a symbol of trust, commitment, and an indication of a healthy relationship. According to Bevan [4], Password sharing is described as "a mutual token of love and trust and as a kind of insurance policy against unfaithfulness". This suggests that sharing

is now regarded as a sign of "trust" between partners since there is nothing to hide.

Password sharing also started because of couples become comfortable with each other. Relating it to one of the dimensions of Sternberg's [27] theory of love, states that intimacy encompasses the perception of comfort in a loving relationship. Where higher levels of intimacy could lead to comfort in one another.

On the other hand, password sharing was also a sign of anxiety over romantic relationships and brewing jealousy. Hence, emerging men saw password sharing as a form of peace offering for certain conflicts as according to Bevan [4], sharing passwords is a symbol of trust.

Personal Motivations

Passwords were shared as their interest were also shared. According to a study conducted by Matthews et al. [18], device sharing, and borrowing is the most prevalent form of device; entertainment, social/messaging, and web browsing are the most popular activities.

In addition, password sharing was also seen as a shared responsibility in academics, occupation, and on their own family. Past studies also found that password sharing was to ease one's responsibilities in communication [3; 18]. This can be applied to couples since they collaborate with their partners in utilizing their shared memories for easier retrieval of academic and business-related concerns. Couples often construct passwords together using personal information to make them easier to remember, which may serve both practical and emotional purposes. This ease in communication extends to communicating with their own families. Even in emergencies, password sharing seemed to be beneficial [33].

This study also investigated the respondents' perceived outcomes of password shar-

ing. They believed that password sharing in relationships has both detrimental impact and constructive consequences on their relationship and their own personal lives.

Detrimental Impact

Password sharing blurred personal boundaries. This aligns with the idea of enmeshment in which two or more people, usually family members, are overly involved in each other's lives and relationships that limits or prevents healthy connections and jeopardizes personal autonomy and identity [1; 30]. Participants shared that their partner accessed messages and information they were reluctant to share. In addition, accessing information led to jealousy [8]. In a past study, Facebook³-related jealousy motivates partners to perpetuate surveillance on their partner's account [7]. The consistent surveillance of their partners therefore makes the participants more conscious about their social media interaction. Therefore, even in past study [14] it was recommended that couples should draw a line with their ideals.

Likewise, password sharing led to unpleasant emotions. One of the unpleasant emotions that accompany password sharing was retroactive jealousy, or an individual's upset feelings over romantic history [13]. Retroactive jealousy also endangers the romantic relationship they currently enjoy. Additionally, Frequent checking or opening of a partner's account may indicate a lack of trust and suspicions about cheating [28].

Constructive Consequences

Password sharing is not all destructive to a relationship. There were outcomes of password sharing that promote growth in relationships between the couple as well as

the relationship between the individual and their partner's family. This may be due to ease of communication, an important factor in relationship satisfaction [9], which was brought by password sharing.

Emerging adult men viewed password sharing a sign of trust. As the relationship's foundation of trust strengthened, sharing "personal" devices became increasingly prevalent, with convenience and trust once again serving as the two most influential elements [18; 29]. As they develop mutual trust, they also become empathetic to their partner. This aligns with the concept of empathy of Carl Rogers wherein the individual puts himself in the position of the other without prejudice to have a better understanding of the situation [12]. The couple gained insight into why their partner may think and feel in a certain way, increasing their empathic understanding of each other.

As there is a mutual understanding that they are both responsible and accountable for each other's safety, they are both liable for each other's protection [31]. They had become easily aware of troubles their partner had hence they were able to react with immediacy [2].

Password sharing also permits understanding of their partner's family's thoughts and feelings. This reflects the study of Lucido [16] which states that overall relationship satisfaction is correlated with communication frequency. The exchange of communication between the partner and the family allowed the two parties to become more accepting of each other.

Conclusion

In conclusion, password sharing is not limited to motivations that would be beneficial to the relationship but also foreseeing

³ Is officially banned in the Russian Federation.

benefits for oneself. In addition, in emerging adult men, password sharing can have detrimental and constructive consequences.

This study is not without its limitations. Our study only focused on the reasons and outcomes of password sharing through the lens of male view; thus, the differences in perception of password sharing behaviors between genders (Males and Females) were not discussed as the evident personality difference between the personalities of different genders [23] may yield more results. Since this study is limited to heterosexual relationships only and the target participants were solely students, we recommend that future researchers conduct this study on different populations such as workers and homosexuals who are in a relationship to provide a wider perspective on the said phenomena.

In addition, the participants belonged to a collectivist culture. Compared to the individualistic nature of westerners, Filipinos tend to be collectivists, they identify with their social circles, family ties, and geographical relations [24]. Hence, their view of being in an extended self might have permitted the comfort of sharing their password. In an individualist culture where individuality is foremost important, sharing of passwords might have a different dynamic and mechanism. The researchers recommend conducting a study outside the collectivist culture to gain more insight on individualist culture and therefore pave the way for comparison between the contrasting orientations. Alternatively, researchers can also look in the moderating effect of cultural orientation in the connection between password sharing and relationship satisfaction.

References

1. American Psychological Association. Enmeshment. *APA Dictionary of Psychology* (2nd ed.). Washington: Publ. American Psychological Association, 2015. 1221 p.
2. Baker C.K., Carreño P.K. Understanding the role of technology in adolescent dating and dating violence. *Journal of Child and Family Studies*, 2015. Vol. 25(1), pp. 308–320. DOI:10.1007/s10826-015-0196-5
3. Barber S.J., Rajaram S., Fox E.B. Learning and remembering with others: The key role of retrieval in Shaping Group recall and collective memory. *Social cognition*, 2012. Vol. 3(1), pp. 121–132. DOI:10.1521/soco.2012.30.1.121
4. Bevan J.L. Social networking site password sharing and account monitoring as online surveillance. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2018. Vol. 21(12), pp. 797–802. DOI:10.1089/cyber.2018.0359
5. Braun V., Clarke V. Thematic analysis. *APA Handbook of Research Methods in Psychology, Research Designs: Quantitative, Qualitative, Neuropsychological, and Biological*, 2012. Vol. 2, pp. 57–71. DOI:10.1037/13620-004
6. Chambers T. Qualitative research in corporate communication. *Baruch Site*. 2013. URL: <https://blogs.baruch.cuny.edu/com9640epstein/?p=543> (Accessed 28.09.2022).
7. Clayton R., Nagurney A., Smith J. Cheating, breakup, and divorce: Is Facebook⁴ use to blame? *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2013. Vol. 16(10), pp. 717–720. DOI:10.1089/cyber.2012.0424
8. Cohen L., Nicholas B., Borchert K. Private flirts, public friends: understanding romantic jealousy responses to an ambiguous social network site message as a function of message access exclusivity. 2014. Vol. 35, pp. 535–541. DOI:10.1016/j.chb.2014.02.050

⁴ Is officially banned in the Russian Federation.

9. De Netto P.M., Quek K.F., Golden K.J. Communication, the heart of a relationship: Examining capitalization, accommodation, and self-construal on relationship satisfaction. *Frontiers in Psychology*, 2012. Vol. 12. DOI:10.3389/fpsyg.2021.767908
10. Enriquez V.G. Kapwa: A core concept in Filipino social psychology. *Philippine Social Sciences and Humanities Review*, 1978. Vol. 42, pp. 1–4.
11. Enriquez V.G. Pagbabangong-dangal: Psychology and cultural empowerment. Quezon City: Akademya ng Kultura at Sikolohiyang Pilipino, 1994, pp. 29–30.
12. Feist J., Feist G., Roberts T. Theories of personality (9th ed.). *McGraw Hill*, 2017, pp. 267–268, 303.
13. Frampton J.R., Fox J. Social media's role in romantic partners' retroactive jealousy: Social comparison, uncertainty, and information seeking. *Social media and society*, 2018. Vol. 4(3). DOI:10.1177/2056305118800317
14. Gunzburg F. Facebook and infidelity: Social media can lead to divorce -Be careful on Facebook⁵! [Electronic resource]. 2016. URL: <http://marriage-counselor-doctor.com/facebook-and-infidelity> (Accessed 01.03.2023).
15. Lenhart A., Duggan M. Couples, the internet, and social media [Electronic resource]. *Pew Research Center: Internet, Science & Tech*, 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2014/02/11/couples-the-internet-and-social-media/> (Accessed 28.09.2022).
16. Lucido N. Communication habits and relationship satisfaction within college students' romantic relationships. 2015 [Bachelor's thesis]. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/112142/nlucido.pdf?sequence> (Accessed 05.03.2023).
17. Malasig J. National Privacy Commission reminds couples: "Share love, not passwords." Interaksyon. (2019, February 14). URL: <https://interaksyon.philstar.com/trends-spotlights/2019/02/14/144073/national-privacy-commission-reminds-couples-share-love-not-passwords/> (Accessed 28.09.2022).
18. Matthews T. She'll just grab any device that's closer: A study of everyday device & account sharing in households [Electronic resource]. Google Research. 2016. URL: <https://research.google/pubs/pub44670/> (Accessed 23.02.2023).
19. Meter D.J., Bauman S. When sharing is a bad idea: The effects of online social network engagement and sharing passwords with friends on cyberbullying involvement. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2015. Vol. 18(8), pp. 437–442. DOI:10.1089/cyber.2015.0081
20. Nichols M., Davis S. Family therapy: Concepts and methods (11th ed.). *Pearson*, 2016. 72 p.
21. Paniagua F.A., Yamada A.M. Handbook of Multicultural Mental Health: Assessment and treatment of diverse populations. Elsevier Gezondheidszorg, 2013. 660 p.
22. Pe-Pua R., Protacio-Marcelino E. Sikolohiyang pilipino (Filipino psychology): A legacy of Virgilio G. Enriquez, 2000. Vol. 3(1), pp. 49–71. DOI:10.1111/1467-839x.00054
23. Schmitt D.P., Long A.E., McPhearson A., O'Brien K., Remmert B., Shah S.H. Personality and gender differences in global perspective. *International Journal of Psychology*, 2016. Vol. 52, pp. 45–56. DOI:10.1002/ijop.12265
24. Shapiro M. Asian culture beliefs: Philippines. University of Hawaii [Electronic resource]. 2002. URL:<http://www.ntac.hawaii.edu/downloads/products/briefs/culture/pdf/ACB-Vol2-Iss3-Philippines.pdf> (Accessed 06.03.2023).
25. Silva K., Chein J., Steinberg L. The influence of romantic partners on male risk-taking. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2020. Vol. 37(5), pp. 1405–141. DOI:10.1177/0265407519899712

⁵ Is officially banned in the Russian Federation.

26. Statista. Most used social media platforms Philippines Q3 2021 [Electronic resource]. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1127983/philippines-leading-social-media-platforms/> (Accessed 28.09.2022).
27. Sternberg R. Duplex theory of love: triangular theory of love and theory of love as a Story [Electronic resource]. Cornell University, 1986. URL: <http://www.robertjsternberg.com/about-main-page> (Accessed 21.11.2022).
28. Stonard K.E., Bowen E., Walker K., Price S.A. They'll always find a way to get to You: Technology use in adolescent romantic relationships and its role in dating violence and abuse. *Journal of Interpersonal Violence*, 2015. DOI:10.1177/0886260515590787
29. Turk V. It's time to stop sharing your passwords with your partner [Electronic resource]. *WIRED*, 2020, November 28. URL: <https://www.wired.com/story/its-time-to-stop-sharing-your-passwords-with-your-partner/> (Accessed 23.02.2023).
30. Valenzuela S., Halpern D., Katz J. Social network sites, marriage well-being and divorce: Survey and state-level evidence from the United States. *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 36, pp. 94–101. DOI:10.1016/j.chb.2014.03.034
31. Watson H., Moju-Igbene E., Kumari A., Das D. "We hold each other accountable": Unpacking how social groups approach cybersecurity and privacy together. *Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2020, pp. 1–12. DOI:10.1145/3313831.3376605
32. Whitty M., Doodson J., Creese S., Hodges D. Individual differences in cyber security behaviors: An examination of who is sharing passwords. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2015. Vol. 18(1), pp. 3–7. DOI:10.1089/cyber.2014.0179
33. Zhang-Kennedy L., Chiasson S., Van Oorschot P.C. Revisiting password rules: facilitating human management of passwords. *APWG Symposium on Electronic Crime Research (ECrime)*, 2016. DOI:10.1109/ecrime.2016.7487945

Information about the authors

Jan Patrick G. Gutierrez, MA in Psychology, Assistant Professor, Department of Psychology, Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9243-097X>, e-mail: jgutierrez@feu.edu.ph

April Johniline D. Aledia, BS in Psychology, Research Student, Department of Psychology, Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2125-4453>, e-mail: april.aledia0426@gmail.com

Giorella G. Guevarra, BS in Psychology, Research Student, Department of Psychology, Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8506-8000>, e-mail: giorellagguevarra@gmail.com

Jamaica Raivayne A. Jasa, BS in Psychology, Research Student, Department of Psychology, Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3742-4941>, e-mail: jamaica.jasa@gmail.com

Dharell M. Villanueva, BS in Psychology, Research Student, Department of Psychology, Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1798-0355>, e-mail: dharellmarcos@gmail.com

Kelly S. Tan, BS in Psychology, Research Student, Department of Psychology, Far Eastern University – Manila, Manila, Philippines, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5065-8123>, e-mail: kly.15.tan@gmail.com

Информация об авторах

Гутierrezес Ян Патрик Г., магистр психологии, доцент, факультет психологии, Дальневосточный университет – Манила, Манила, Филиппины, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9243-097X>, e-mail: jgutierrez@feu.edu.ph

Аледиа Эйприл Джонилин Д., бакалавр психологии, студент-исследователь, факультет психологии, Дальневосточный университет — Манила, Манила, Филиппины, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2125-4453>, e-mail: aprilaledia0426@gmail.com

Геварра Джорелла Г., бакалавр психологии, студент-исследователь, факультет психологии, Дальневосточный университет — Манила, Манила, Филиппины, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8506-8000>, e-mail: giorellagguevarra@gmail.com

Джаса Ямайка Райвайн А., бакалавр психологии, студент-исследователь, факультет психологии, Дальневосточный университет — Манила, Манила, Филиппины, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3742-4941>, e-mail: jamaica.jasa@gmail.com

Виллануэва Дарелл М., бакалавр психологии, студент-исследователь, факультет психологии, Дальневосточный университет — Манила, Манила, Филиппины, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1798-0355>, e-mail: dharellmarcos@gmail.com

Тан Келли С., бакалавр психологии, студент-исследователь, факультет психологии, Дальневосточный университет — Манила, Манила, Филиппины, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5065-8123>, e-mail: kly.15.tan@gmail.com

Получена 25.08.2023

Received 25.08.2023

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Exploratory Investigation of the Effects of Perspective Taking and Awareness of Vulnerability on Impressions of Robots

Shinnosuke Ikeda

Kanazawa University Kakuma-machi, Kanazawa, Ishikawa, Japan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9128-5627>, e-mail: odenshin@gmail.com

Objective. This exploratory study investigated whether perspective-taking and awareness of vulnerability procedures could enhance impressions of robots.

Background. A society characterized by the harmonious coexistence of humans and robots is poised for realization in the imminent future. Nevertheless, numerous challenges must be confronted for the materialization of such a societal paradigm. One among them pertains to the prevailing tendency for humans to harbor adverse perceptions of robots, the amelioration of which proves to be a complex endeavor. The present study undertakes an exploratory investigation into strategies aimed at mitigating unfavorable impressions associated with robots.

Study design. Participants were randomly assigned to one of three groups: control group, perspective perception group, and robot vulnerability awareness group, and received different instructions.

Participants. Online experiments were conducted with 360 participants who were asked to imagine and describe a day in the life of a robot, and their impressions of the robot were measured using a questionnaire.

Measurements. Upon conjecturing and articulating the robot's daily routines, participants shared their perceptions of the robot through the application of three assessment tools: the Robot Anxiety Scale, the Mind Attribution Scale, and the Familiarity Rating Scale.

Results. The manipulation checks confirmed successful manipulation, but there was no evidence that perspective-taking or awareness of vulnerability influenced impressions of the robot.

Conclusions. The efficacy of perspective-taking, a technique established as beneficial in ameliorating adverse perceptions of humans, may exhibit diminished effectiveness in the context of alleviating negative impressions associated with robots.

Keywords: social robot; perspective taking; awareness of vulnerability of the robot; empathy; human impression of the robot.

Funding. This work was supported by JSPS Topic-Setting Program to Advance Cutting-Edge Humanities and Social Sciences Research Grant Number JPJS00122674991.

For citation: Ikeda S. Exploratory Investigation of the Effects of Perspective Taking and Awareness of Vulnerability on Impressions of Robots. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 155–163. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150210>

Экспериментальное исследование влияния децентрации и осознания уязвимости на восприятие человеком роботов

Икеда Ш.

Университет Канадзавы Какума-мачи, Канадзава, Исикава, Япония
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9128-5627>, e-mail: odenshin@gmail.com

Цель. Поиск ответа на вопрос о том, приведут ли децентрация (стремление понять опыт и точку зрения других) и повышение осведомленности об уязвимости робота к изменению восприятия человеком роботов.

Контекст и актуальность. Общество, характеризующееся гармоничным существованием людей и роботов, готово к реализации важнейших задач, стоящих перед ближайшим будущим человечества. Тем не менее для материализации такой парадигмы необходимо решение множества проблем, одна из которых связана с преобладанием у людей негативного восприятия роботов. Настоящее исследование посвящено изучению стратегий, направленных на смягчение неблагоприятных впечатлений, возникающих у людей при взаимодействии с роботами.

Дизайн исследования. Участники были случайным образом распределены в одну из трех групп: контрольную группу, группу «децентрации» и группу осознания уязвимости роботов и получили различные инструкции. Участники должны были представить и описать один день из жизни робота, а их впечатления от робота измерялись с помощью анкеты.

Участники. В онлайн-эксперименте приняли участие 360 человек.

Методы (инструменты). Свободное описание распорядка дня робота; три оценочных инструмента: Шкалы тревожности робота, Шкалы атрибуции разума и Шкалы оценки знакомства.

Результаты. Проверка подтвердила успешность манипуляций, но не было обнаружено никаких доказательств того, что «децентрация», т.е. стремление понять опыт и точку зрения других, или осознание уязвимости повлияли на впечатления людей о роботах.

Выходы. Эффективность метода «децентрации», признанного полезным для смягчения негативных представлений о людях, демонстрирует меньшую эффективность при смягчении негативных впечатлений, связанных с роботами.

Ключевые слова: социальный робот; децентрация; осознание уязвимости робота; эмпатия; восприятие человеком роботов.

Финансирование. Данная работа выполнена при поддержке Программы определения тем для продвижения передовых исследований в области гуманитарных и социальных наук, № JPJS00122674991.

Для цитаты: Икеда Ш. Экспериментальное исследование влияния децентрации и осознания уязвимости на восприятие человеком роботов // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 155–163. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150210>

Introduction

Empathy, a crucial ability for group living [23; 25], is multidimensional in nature [4] and has been defined as the capacity to recognize the emotions of others with minimal discrimination between self and others

[8]. While empathy is observed in various animal species, humans are believed to possess more advanced forms of empathy as a result of evolution [6; 7; 15].

Empathy is often associated with the ability to adopt the perspective of oth-

ers [5; 13]. In fact, research has suggested that empathy can be augmented through the practice of perspective-taking, where individuals strive to understand the experiences and viewpoints of others [10; 12]. For instance, taking the perspective of individuals belonging to a certain category has been shown to decrease prejudice based on age and race [9; 11].

However, recent research has highlighted that perspective-taking may not be effective in reducing prejudice towards robots [26]. Studies have reported that humans struggle to empathize with robots [3; 24], and that traditional perspective-taking procedures employed in previous studies do not improve negative impressions of robots [26]. In fact, it has been demonstrated that humans encounter difficulties in adopting the perspective of robots [27].

Given the increasing likelihood of further development in the coexistence with robots in the future, how can we recognize robots as social partners? This study investigates, in an exploratory manner, the effects of awareness of the vulnerability of robots. For instance, research has shown that humans can deliver electric shocks to a moving, talking LEGO robot at a higher intensity than to a human, upon command [1]. If humans are made aware of the fact that robots, like humans, are unable to recover from fatal injuries, they may be more likely to treat robots with a similar level of consideration as they would humans.

This study aims to investigate whether altering the perspective-taking procedure and raising awareness of the vulnerability of the robot would result in changes in impressions of the robot. Although previous research has shown that perspective-taking does not significantly impact impressions of robots [26], it is hypothesized that

awareness of vulnerability may positively influence these impressions. To test this hypothesis, participants were randomly assigned to one of four experimental conditions: (1) perspective-taking group, (2) awareness of vulnerability group, (3) combined perspective-taking and awareness of vulnerability group, and (4) control group. Impressions of the robot were assessed after the experimental manipulation in each condition.

Method

Participants

The study was conducted using an online survey, with a total of 360 participants (136 female, 223 male, 1 non-response, Mean age = 51,01 years, $SD = 10,53$, range = 18–60) recruited through GMO Research (<https://gmo-research.com/>). The procedures for this study were approved by the Ethical Review Board of the author's institution (approval number 22H11).

Materials

In this study, the following three questionnaires were used to measure impressions of robots: The first is the Robot Anxiety Scale (RAS) [20]. This scale measures anxiety about robots in general with items such as "I would be nervous if I had to operate a robot in front of other people". The scale consisted of 11 items answered on a 5-point scale. The second is the Mind Attribution Scale (MAS) [14]. This scale measures the degree of mind attribution to robots through items such as "To what extent are robots able to experience joy?" The scale consisted of 18 items answered on a 7-point scale. The third is the Familiarity Rating Scale (FRS) [17]. This scale measures familiarity with the robot, and 11 adjective pairs such as "unfriendly-friendly" are presented, and the participants

answer on a 7-point scale (the higher the number, the stronger their familiarity with the robot).

Procedure

The study was conducted on GORILLA Experiment Builder, an online experimental program. Participants accessed Gorilla from the URL provided in the GMO Research survey request and participated in the experiment. Four conditions were set for this study, and participants were randomly delivered a link that allowed them to access one of the four conditions.

The study consisted of six phases: an age and gender response phase, a free writing phase, a computational task phase, a RAS phase, a MAS phase, and an FRS phase. In each phase, participants were provided with instructions on what they were required to do, and they initiated the phase by pressing the "Start" button. There was no time limit set for each phase, unless otherwise noted. However, if the total duration of a phase exceeded 30 minutes, the phase was forcibly terminated, as there was no intention to continue beyond that point.

In the free writing phase, a picture of NAO, a bipedal humanoid robot, was presented to all conditions with different instructions for each of the four conditions. The instructions were as follows: Control group: Participants were instructed to imagine and describe a typical day in the life of the robot shown in the picture, which can talk to humans and perform simple household chores. Perspective-taking group: Participants were instructed to imagine and describe a day in the life of the robot from its point of view, as if they were the robot, which can talk to humans and perform simple household chores. Awareness of vulnerability group: Participants were instructed to imagine a day in the life of the robot and describe

it in detail, while noting that the robot is fragile and cannot be restored to its original state if severely damaged. The robot shown in the picture can talk to humans and perform simple household chores. Perspective-taking x Awareness of vulnerability group: Participants were instructed to imagine a day in the life of the robot as if they were the robot, and describe it in detail from the robot's point of view. They were also instructed to note that the robot is fragile and cannot be restored to its original state if severely damaged. The robot shown in the picture can talk to humans and perform simple household chores. Participants were informed that they had 5,5 minutes to write the description, and a countdown was displayed on the screen 30 seconds before the end. In the calculation task phase, 20 one-digit addition questions were performed as fillers.

In the RAS, MAS, and FRS phases, all questions were presented on the screen in a random order. The user could not move to the next screen until all items in each phase were answered.

Coding

For each of the three scales, the mean of the rating values for each item was calculated for each individual and used as the score. The RAS score ranged from 1 to 5, with higher scores indicating greater anxiety toward the robot; the MAS score ranged from 1 to 7, with higher scores indicating greater mind attribution to the robot; and the FRS score ranged from 1 to 7, with higher scores indicating greater familiarity with the robot.

Results

Manipulation check of free writing procedures

The study examined whether there were differences in the content of the descrip-

tions provided in the free writing phase based on the instructions given in each of the four conditions. Since the criterion of changes in the frequency of first person, often used in perspective-taking studies in Western countries, may not be applicable in Japanese language where first person is often omitted, text mining was conducted to analyze the words used in the descriptions. Correspondence analysis was performed using KH Coder version 3.Beta.07b [16], including all parts-of-speech, and the top 60 words with significant differences were used in the analysis. The results were shown in Figure, which displayed the words that were salient in each of the four conditions, arranged in the direction of the name of each condition.

The findings from Figure showed that the word “壊れる” (meaning “break” in Japanese) appeared characteristically in the group that underwent the awareness of vulnerability condition. On the other hand, the words “主人” (meaning “master” in Japanese) and “人間” (meaning “human” in Japanese) appeared characteristically in the group that underwent the perspective-taking condition. This suggests that participants in the perspective-taking group considered themselves as robots and viewed humans relatively. Additionally, the words “掃除” (meaning “cleaning” in Japanese) and “掃除” (meaning “preparation” in Japanese) were common words across all groups. Given the prevalent omission of the subject in Japanese sentences, the frequent utilization of first-person pronouns, a conventional metric employed for manipulation check in Western contexts, was deemed unsuitable. Additionally, the pioneering nature of the methodology employed in this study precluded the preselection of standard words. Consequently,

the operational checks implemented in this study, while not furnishing robust evidence, based on these results, it can be concluded that the manipulation of the free writing procedure was successful in eliciting different content in the descriptions based on the instructions given in each condition.

Impression Rating of the Robot

The study conducted a one-factor, four-level between-participants analysis of variance (ANOVA) to examine the effects of perspective-taking and awareness of vulnerability on impressions of the robot, using the RAS, MAS, and FRS scale scores as dependent variables (see Table). The results showed that the main effect of condition was not significant for any of the scales: RAS ($F(3, 356) = 0,446, p = 0,720, \eta_p^2 = 0,004$), MAS ($F(3, 356) = 0,587, p = 0,624, \eta_p^2 = 0,005$), or FRS ($F(3, 356) = 0,916, p = 0,433, \eta_p^2 = 0,008$). This indicates that neither perspective-taking nor awareness of vulnerability had a significant effect on impressions of the robot, as measured by the RAS, MAS, and FRS scores.

Discussion

The findings of the study suggest that perspective-taking and awareness of vulnerability, as manipulated in the study, did not have a significant effect on impressions of the robot. This is consistent with previous research that showed perspective-taking did not reduce robot anxiety [26]. However, it is noteworthy that the lack of effect of awareness of vulnerability on impressions of the robot was contrary to the predictions of the study. This finding may suggest that other factors, beyond perspective-taking and awareness of vulnerability, may play a more significant role in shaping impressions of robots. Further research may be needed to explore and understand the complex re-

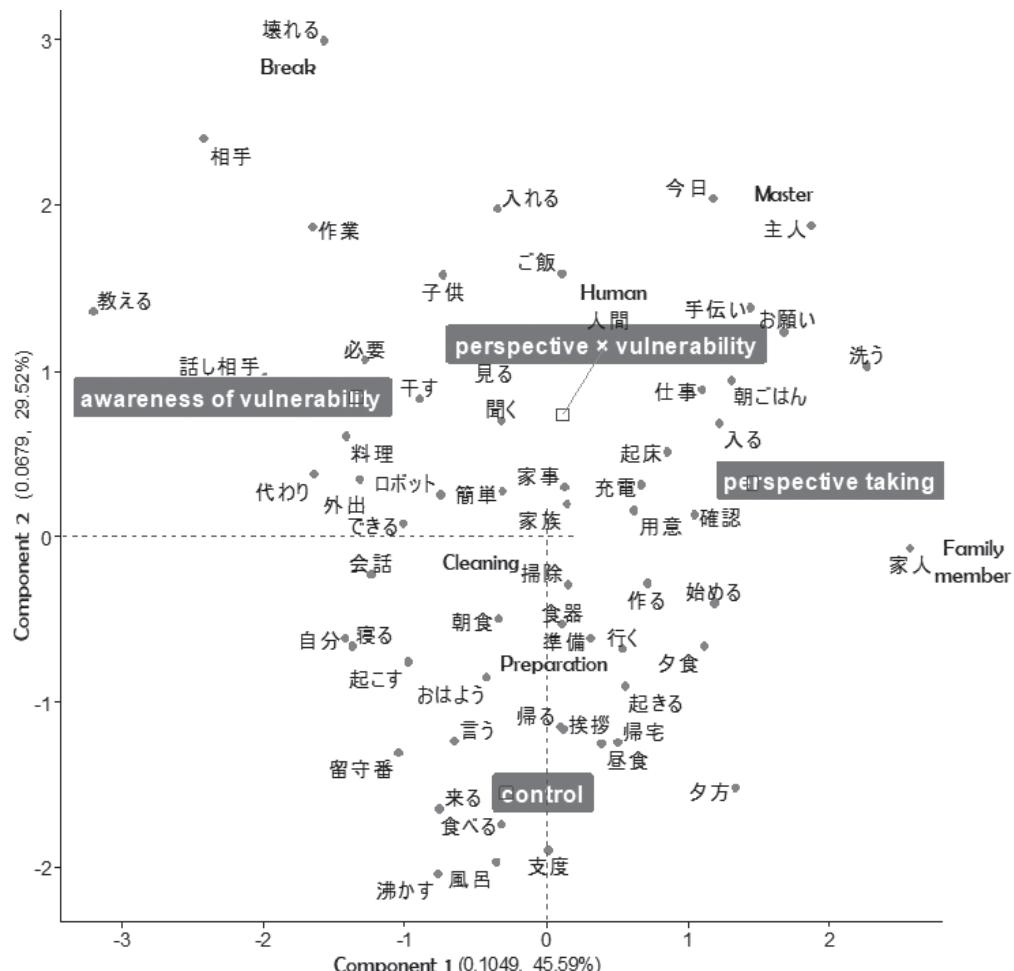

Fig. Results of correspondence analysis of free writing content

Table
Average of impression ratings for robots in each condition

Variables	Control	Perspective taking	Awareness of vulnerability	Perspective x vulnerability
RAS	3,369 (0,987)	3,445 (0,820)	3,445 (0,946)	3,524 (0,846)
MAS	3,456 (1,006)	3,551 (0,874)	3,454 (0,927)	3,361 (1,031)
FRS	4,253 (1,010)	4,370 (0,891)	4,463 (0,897)	4,257 (1,171)

Note: Values in parentheses indicate standard deviations.

lationship between human cognition and impressions of robots.

One possible explanation for the lack of significant effects of perspective-taking and

awareness of vulnerability on impressions of the robot despite successful manipulations could be related to the uncanny valley phenomenon. The uncanny valley refers to the discomfort or eeriness that humans may experience when interacting with robots or other artificial agents that closely resemble humans but are not quite identical [14; 19]. Perspective-taking and awareness of vulnerability may have made the robot feel creepy or uncanny to participants, counteracting any positive shift in impressions. Previous research [26] has shown that explicit instruction to suppress prejudice toward robots can reduce robot anxiety, but perspective-taking does not have the same effect. This suggests that direct and explicit procedures may be more effective in improving impressions of robots compared to indirect procedures like perspective-taking and awareness of vulnerability. Negative impressions of robots may be naturally held in everyday life situations [2; 18], and communicating with robots may evoke mixed responses, ranging from feeling anthropomorphic to feeling distant from humans [21; 22].

Perspective taking and vulnerability awareness, which were manipulated in the study, did not significantly affect impressions of the robot. Based on the results of this study, research should be planned to discover ways to mitigate negative impressions of robots. To promote coexistence with robots in the future, it may be necessary to consider a variety of measures, including explicit procedures to suppress prejudice, in addition to indirect approaches like perspective-taking and awareness of

vulnerability. Understanding the complex and multifaceted nature of human-robot interactions and impressions of robots is important for developing effective strategies for human-robot coexistence. Further research in this area can contribute to our understanding of how to improve impressions of robots and foster positive interactions between humans and robots.

Conclusion

The strategic application of perspective-taking, renowned for its efficacy in ameliorating adverse perceptions of humans, may demonstrate diminished effectiveness when applied to mitigate negative impressions associated with robots. This discrepancy might be attributed to the inherent challenge of engaging in perspective-taking for robots compared to humans. In anticipation of an era characterized by the harmonious coexistence of humans and robots, the imperative arises to seek social-psychological solutions facilitating a more congruent and harmonized societal life, including the explicit attenuation of prejudice directed towards robots.

Declarations

Conflicts of Interest

The author declares no conflicts of interest.

Data Availability Statement

The data that support the findings of this study and materials are openly available in Open Science Framework at https://osf.io/49uns/?view_only=9cc7353e43b545d3973a6af933176ca4

References

1. Bartneck C., Hu J. Exploring the abuse of robots. *Interaction Studies. Social Behaviour and Communication in Biological and Artificial Systems*, 2008. Vol. 9(3), pp. 415–433. DOI:10.1075/is.9.3.04bar
2. Berridge C., Zhou Y., Robillard J.M., Kaye J. Companion robots to mitigate loneliness among older adults: Perceptions of benefit and possible deception. *Frontiers in Psychology*, 2023, February, pp. 1–9. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1106633

3. Chang W., Wang H., Yan G., Lu Z., Liu C., Hua C. EEG based functional connectivity analysis of human pain empathy towards humans and robots. *Neuropsychologia*, 2021. Vol. 151(November 2020), 107695. DOI:/10.1016/j.neuropsychologia.2020.107695
4. Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983. Vol. 44(1), pp. 113–126. DOI:/10.1037/0022-3514.44.1.113
5. Davis M.H. Empathy: A Social Psychological Approach. Madison, Wis.: Brown & Benchmark Publishers, 1994. 260 p.
6. de Waal F.B.M. The antiquity of empathy. *Science*, 2012. Vol. 336(6083), pp. 874–876. DOI:/10.1126/science.1220999
7. de Waal F.B.M. Putting the altruism back into altruism: The evolution of empathy. *Annual Review of Psychology*, 2008. Vol. 59, pp. 279–300. DOI:/10.1146/annurev.psych.59.103006.093625
8. Decety J. The neurodevelopment of empathy in humans. *Developmental Neuroscience*, 2010. Vol. 32(4), pp. 257–267. DOI:/10.1159/000317771
9. Dovidio J.F., Ten Vergert M., Stewart T.L., Gaertner S.L., Johnson J.D., Esses V.M., Riek B.M., Pearson A.R. Perspective and prejudice: Antecedents and mediating mechanisms. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004. Vol. 30(12), pp. 1537–1549. DOI:/10.1177/0146167204271177
10. Galinsky A.D., Ku G. The effects of perspective-taking on prejudice: The moderating role of self-evaluation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004. Vol. 30(5), pp. 594–604. DOI:/10.1177/0146167203262802
11. Galinsky A.D., Moskowitz G.B. Perspective-taking: Decreasing stereotype expression, stereotype accessibility, and in-group favoritism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 78(4), pp. 708–724. DOI:/10.1037/0022-3514.78.4.708
12. Gehlbach H. Social perspective taking: A facilitating aptitude for conflict resolution, historical empathy, and social studies achievement. *Theory and Research in Social Education*, 2004. Vol. 32(1), pp. 39–55. DOI:/10.1080/00933104.2004.10473242
13. Goldstein N.J., Vezich I.S., Shapiro J.R. Perceived perspective taking: When others walk in our shoes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2014. Vol. 106(6), pp. 941–960. DOI:/10.1037/a0036395
14. Gray K., Wegner D.M. Feeling robots and human zombies: Mind perception and the uncanny valley. *Cognition*, 2012. Vol. 125(1), pp. 125–130. DOI:/10.1016/j.cognition.2012.06.007
15. Herrmann E., Call J., Hernández-Lloreda M.V., Hare B., Tomasello M. Humans have evolved specialized skills of social cognition: The cultural intelligence hypothesis. *Science*, 2007. Vol. 317(5843), pp. 1360–1366. DOI:/10.1126/science.1146282
16. Higuchi K.A. Two-Step Approach to Quantitative Content Analysis: KH Coder Tutorial Using Anne of Green Gables (Part I). *Ritsumeikan Social Science Review*, 2016. Vol. 52(3), pp. 77–91. <http://hdl.handle.net/10367/8013>
17. Kanda T., Ishiguro H., Ishida T. Psychological Evaluation on Interactions between People and Robot. *Journal of the Robotics Society of Japan*, 2001. Vol. 19(3), pp. 362–371. DOI:/10.7210/jrsj.19.362
18. Liu X. (Stella), Wan L.C., Yi X. (Shannon). Humanoid versus non-humanoid robots: How mortality salience shapes preference for robot services under the COVID-19 pandemic? *Annals of Tourism Research*, 2022. Vol. 94, 103383. DOI:/10.1016/j.annals.2022.103383
19. MacDorman K.F. Mortality salience and the uncanny valley. *Proceedings of 2005 5th IEEE-RAS International Conference on Humanoid Robots*, 2005. Vol. 2005, pp. 399–405. DOI:/10.1109/ICHR.2005.1573600
20. Nomura T., Suzuki T., Kanda T., Kato K. Measurement of anxiety toward robots. *Proceedings – IEEE International Workshop on Robot and Human Interactive Communication*, 2006, pp. 372–377. DOI:/10.1109/ROMAN.2006.314462

21. Okanda M., Taniguchi K., Wang Y., Itakura S. Preschoolers' and adults' animism tendencies toward a humanoid robot. *Computers in Human Behavior*, 2021. Vol. 118, 106688. DOI:/10.1016/j.chb.2021.106688
22. Okumura Y., Hattori T., Fujita S., Kobayashi T. A robot is watching me!: Five-year-old children care about their reputation after interaction with a social robot. *Child Development*, 2023, pp. 1–9. DOI:/10.1111/cdev.13903
23. Panksepp J., Panksepp J.B. Toward a cross-species understanding of empathy. *Trends in Neurosciences*, 2013. Vol. 36(8), pp. 489–496. DOI:/10.1016/j.tins.2013.04.009
24. Rosenthal-Von Der P tten A.M., Schulte F.P., Eimler S.C., Sobieraj S., Hoffmann L., Maderwald S., Brand M., Kr mer N.C. Investigations on empathy towards humans and robots using fMRI. *Computers in Human Behavior*, 2014. Vol. 33, pp. 201–212. DOI:/10.1016/j.chb.2014.01.004
25. Seyfarth R.M., Cheney D.L. Affiliation, empathy, and the origins of Theory of Mind. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2013. Vol. 110(SUPPL2), pp. 10349–10356. DOI:/10.1073/pnas.1301223110
26. Wullenkord R., Eyssel F. Diversity training with robots: Perspective-taking backfires, while stereotype-suppression decreases negative attitudes towards robots. *Frontiers in Robotics and AI*, 2022. Vol. 9(March), pp. 1–14. DOI:/10.3389/frobt.2022.728923
27. Xiao C., Xu L., Sui Y., Zhou R. Do People Regard Robots as Human-Like Social Partners? Evidence From Perspective-Taking in Spatial Descriptions. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11(February), pp. 1–11. DOI:/10.3389/fpsyg.2020.578244

Information about the authors

Shinnosuke Ikeda, PhD in Education, Associate Professor, Human and Social Administration Department, Kanazawa University Kakuma-machi, Kanazawa, Ishikawa, Japan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9128-5627>, e-mail: odenshin@gmail.com

Информация об авторах

Икеда Шинносuke, кандидат педагогических наук, доцент, факультет управления людьми и социальной сферы, Университет Канадзавы Какума-мачи, Канадзава, Исиакава, Япония, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9128-5627>, e-mail: odenshin@gmail.com

Получена 04.08.2023

Received 04.08.2023

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Стратегический подход к оценке цифровизации систем управления человеческими ресурсами: пример российских компаний

Завьялова Е.К.

Высшая школа менеджмента, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6098-8335>, e-mail: zavyalova@gsom.spbu.ru

Бордунос А.К.

Высшая школа менеджмента, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Цель. Разработка и апробация стратегического подхода к оценке цифровизации систем
управления человеческими ресурсами (УЧР).

Контекст и актуальность. Процесс цифровизации систем УЧР (electronic Human Resource
Management; e-HRM) достиг трансформационного уровня развития, привлекая усиленное вни-
мание исследователей и практиков. Однако концепция цифровизации систем УЧР еще находит-
ся на раннем этапе развития. Данная работа поддерживает дискуссию о поиске инструментов
измерения данного феномена, предлагая авторскую шкалу, отирающуюся на теорию заинте-
рессованных сторон и гарвардскую стратегическую модель УЧР.

Дизайн исследования. В работе изучалась модель стратегического подхода к оценке циф-
ровизации систем УЧР. Для проверки надежности и валидности предложенных в работе шкал
применялся факторный анализ. Наличие и характер взаимозависимости проверялись посред-
ством иерархического регрессионного анализа.

Участники. Случайную выборку исследования составили респонденты из 449 компаний в
России из 16 отраслей, с количеством сотрудниками более 50 человек из городов с населением бо-
лее 800 тыс. человек.

Методы (инструменты). Авторские шкалы: цифровизация систем УЧР, интересы заинте-
ресованных сторон, результативность цифровизации систем УЧР.

Результаты. Предложена комплексная методика оценки процессов цифровой трансформации
УЧР в российских компаниях, позволяющая оценить результаты цифровизация систем УЧР с по-
зиции стратегического подхода. Доказана валидность и надежность оценочных шкал методики. По-
казано применимость стратегического подхода, основанного на учете интересов заинтересованных
сторон, которые влияют на уровень (0,379) и результативность (0,455) цифровизации систем УЧР.

Основные выводы. Стратегический подход, основанный на теории заинтересованных
сторон и гарвардской модели УЧР, показал себя в качестве эффективной методологии оценки
цифровизации систем УЧР: чем выше степень ориентации деятельности отдела по управле-
нию человеческими ресурсами компаний на цели заинтересованных сторон, тем выше уровень
и результативность цифровизации. Методика оценки включает 5-факторную модель анали-
за цифровизации систем УЧР по следующим критериям: 1. степень внедрения цифровизации в

реализацию современных программ и практик УЧР; 2. эффективность организации процессов цифровизации систем УЧР; 3. практическая ценность внедрения процессов цифровизации относительно достижения ключевых целей УЧР в компании.

Ключевые слова: система управления человеческими ресурсами; гарвардская модель УЧР; цифровизация систем УЧР.

Для цитаты: Завьялова Е.К., Бордунос А.К. Стратегический подход к оценке цифровизации систем управления человеческими ресурсами: пример российских компаний // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 164–178. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150211>

Strategic Approach to Measuring Digitalization of Human Resource Management Systems: Example of Russian Companies

Elena K. Zavyalova

Graduate School of Management, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6098-8335>, e-mail: zavyalova@gsom.spbu.ru

Aleksandra K. Bordunos

Graduate School of Management, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Objective. *Development and empirical approbation of a strategic approach for evaluating digitalization of human resource management systems (HRM).*

Background. *The electronic HRM (e-HRM) system has reached a transformational level of development, attracting increased attention from researchers and practitioners. However, the concept of e-HRM is still in its early stage of development. This paper contributes to the discussion about operationalizing this phenomenon by proposing an original e-HRM scale based on stakeholder theory and the Harvard strategic model of HRM.*

Study design. *The paper investigated a model of strategic approach to measuring digitalization of HRM, namely how stakeholders' interests are related to e-HRM processes and outcomes. The proposed scales' reliability and validity were tested using exploratory and confirmatory factor analysis, while hierarchical regression analysis was used to check the presence and nature of the relationship.*

Participants. *The study used a random sample of respondents from 449 companies in Russia from 16 industries located in cities with a population of more than 800 thousand people and having more than 50 employees.*

Measurements. *The authors' scales include e-HRM, stakeholder interests, and e-HRM results.*

Results *The research introduces systematic approach for evaluating the processes related to digital transformation of HRM in Russian companies, which allows assessing the results of e-HRM from the strategic perspective. The proposed scales demonstrate a high level of validity and reliability. The research showed that strategic perspective to e-HRM, being based on interests of stakeholders, affect both e-HRM ($\beta = 0,379$) and e-HRM results ($\beta = 0,455$).*

Conclusions. *The strategic approach based on stakeholder theory and the Harvard HRM model has proven to be an effective methodology for assessing e-HRM: the higher the degree of orientation of the company's HRM department's activities towards stakeholder goals, the higher the level and effectiveness of digitalization. The evaluation methodology includes a 5-factor model for analyzing e-HRM according to the following criteria: 1. the degree of implementation of digitalization in the implementation of modern HRM programs and practices; 2. the efficiency of the organization of HRM digitalization processes; 3. the practical value of the implementation of digitalization processes in relation to the achievement of key HRM objectives in the company.*

Keywords: e-HRM; Harvard HRM model; digitalization of HRM.

For citation: Zavyalova E.K., Bordunov A.K. Strategic Approach to Measuring Digitalization of Human Resource Management Systems: Example of Russian Companies. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 164–178. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150211> (In Russ.).

Введение

В настоящее время происходит «цифровая революция» в сфере управления человеческими ресурсами (УЧР). Она проявляется как во внедрении компьютерных технологий в систему УЧР, так и в изменении структуры управления людьми и соответствующих компетенций менеджеров по персоналу [2; 12; 19].

Под системой УЧР подразумевается комплексный подход к управлению персоналом, объединяющий принципы, политики и практики в области УЧР, нацеленные на определенный результат [17]. Цифровизация систем УЧР (e-HRM) – обобщающий термин, охватывающий все возможные варианты применения цифровых технологий для УЧР, направленные на создание ценности для сотрудников и руководства на индивидуальном, групповом, организационном, межорганизационном и глобальном уровне [5].

Данное исследование изучает стратегический подход к измерению цифровизации систем УЧР в России. Предпочтительной моделью для изучения стратегических аспектов в последнее десятилетие стала гарвардская модель УЧР. В соответствии с данной моделью

предпочтения заинтересованных сторон влияют на систему УЧР, косвенно оказывая воздействие на ее результативность [4; 13]. Актуальность данной модели для изучения стратегических аспектов цифровизации систем УЧР была обоснована в предыдущих исследованиях [6]. Выбор теоретической основы определил ключевые исследовательские вопросы и теоретическую модель (рис. 1):

1. Как измерить цифровизацию систем УЧР и ее результаты?
2. Какова роль заинтересованных сторон в цифровизации систем УЧР и ее результатах?

Для ответа на данные вопросы на первом этапе исследования проведен интегративный обзор литературы. Его задача – выделить из предметной области ключевые компоненты, влияющие на полноту определения исследуемых понятий, так как в литературе отсутствует единогласие в отношении измерения уровня и результативности цифровизации систем УЧР. Результат проведенного обзора – три шкалы для измерения ключевых концепций: уровень цифровизации систем УЧР, результаты цифровизации систем УЧР и предпочтения заинтересованных сторон.

Рис. 1. Теоретическая модель исследования

На втором шаге проведена эмпирическая апробация авторских шкал и выявленной модели для компаний в России. Данное исследование опирается на теорию заинтересованных сторон (стейкхолдеров), в ее приложении к стратегическому УЧР, продолжая дискуссию [6], предполагая, что ожидания заинтересованных сторон становятся предикторами цифровизации систем УЧР (*H1*) и определяют результаты цифровизации систем УЧР (*H2*). Данные предположения позволяют сформулировать следующие гипотезы:

H1: Ожидания заинтересованных сторон положительно связаны с цифровизацией систем УЧР: чем выше степень ориентации деятельности отдела по управлению человеческими ресурсами компании на ожидания заинтересованных сторон, тем выше уровень цифровизации УЧР.

H2: Ожидания заинтересованных сторон также положительно связаны с результатами цифровизации систем УЧР: чем выше степень ориентации деятельности отдела по управлению человеческими ресурсами компании на ожидания заинтересованных сторон, тем выше результативность цифровизации систем УЧР. При этом цифровизация систем УЧР выступает в роли медиатора.

Таким образом, данное исследование расширяет представление академического сообщества и практиков о цифровизации систем УЧР в России, предлагает инструменты измерения ключевых понятий и описывает механизм воздействия стейкхолдеров на процесс цифровизации УЧР.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование состоит из трех шагов: интегративный обзор, валидация шкал, эмпирическая апробация модели.

Интегративный обзор охватывал следующие источники информации: 1) ака-

демические публикации в реферируемых журналах на английском и русском языках; 2) публикации в ведущих деловых изданиях России; 3) информацию, раскрываемую компаниями в добровольных годовых отчетах и во время гостевых лекций, а также в рамках профессиональных конференций. В английском языке существует несколько синонимов e-HRM, например, virtual HR(M) [16], HR Information System (HRIS) [14], web-based HRM [18], intranet-based HRM, HRM e-services [8], Electronic HR (e-HR), Online HRM, Web HRM, HR Information Technology (HRIT), Digital HRM, Computer-based HRIS [7]. Для интегративного обзора использовался поиск по всем упомянутым вариантам.

Задача интегративного обзора — ответить на первый исследовательский вопрос: как измерить цифровизацию систем УЧР и ее результаты. Для этого все выбранные в рамках проведенного обзора утверждения были оформлены в форме анкеты. Респонденту предлагалось ответить на утверждения по частотной семибалльной шкале Р. Ликерта, где «1» — наименьшая степень согласия с утверждением, «7» — наибольшая. В случае неактуальности вопроса предлагалось использовать «0». Шкалы не содержали реверсивных вопросов и составлялись изначально на русском языке, поэтому не требовали перевода. При наличии специфичных терминов они пояснялись в анкете, например, «Wellbeing-программы (программы, направленные на укрепление физического, умственного, финансового благополучия сотрудников)». Для оценки содержательной (внешней) валидности опросник, включающий выбранные утверждения, был первоначально направлен узкому кругу экспертов: исследователям в области УЧР, руководителям компаний и директорам отдела по управлению персоналом. Также ан-

кеты содержали открытые вопросы для возможности уточнения каждой шкалы. Все полученные от экспертов рекомендации были учтены. Однако так как цифровизация систем УЧР — латентная (скрытая) переменная, требовалось также выявить модель для ее измерения.

Выборка исследования. Для валидации шкал и эмпирической апробации модели была составлена случайная выборка из 449 компаний, основываясь на базе данных Amadeus Bureau Van Dijk. Для анализа случайным образом были отобраны компании со штатом свыше 50 сотрудников из крупных городов России с населением более 800 тыс. человек. Рандомизация позволила установить схожесть выборки с генеральной совокупностью компаний в России по ключевым характеристикам, включая длительность существования на рынке, штат, локацию и отраслевую принадлежность. Сбор данных проводился с помощью полуструктурированных интервью по телефону с руководителями компаний ($n = 32$), менеджерами по управлению персоналом ($n = 409$) или схожих функций ($n = 8$), итого 449 респондентов. По-прежнему сохранялись открытые вопросы, позволяющие при необходимости отследить важные для содержательной валидности аспекты, например: «пожалуйста, укажите цель, не указанную в предложенных вариантах вопроса».

Методы валидации шкал. Далее проводилась оценка внутренней согласованности каждой шкалы при помощи программ IBM SPSS Statistics 21 (значения α -Кронбаха $> 0,70$) и определялась значимость межпунктовой корреляции ($p < 0,05$). Для проверки факторной структуры с помощью разведывательного факторного анализа применялись следующие методы: метод выделения факторов — метод главных компонент, основываясь на собственном значении

(> 1); метод вращения — Варимакс с нормализацией Кайзера. Оценивались результаты тестов Бартлетта (X^2 -квадрат; $p < 0,05$) и Кайзера-Мейера-Олкина (КМО $> 0,70$), а также доля объясняющей дисперсии шкал. Выявленная предпочтительная факторная структура шкалы цифровизации систем УЧР дополнительно тестировалась с помощью конфирматорного факторного анализа с использованием IBM AMOS 21. Оценивались показатели валидности факторов: CR, AVE, MSV, MaxR(H), межфакторной корреляции [10]; показатели валидности модели: CMIN/DF; CFI $> 0,95$; SRMR $< 0,08$; RMSEA $< 0,08$.

Метод эмпирической апробации модели. Регрессионный анализ проводился при помощи приложений SPSS 21 и Stata SE 13, с применением команды medeff [9]. Для каждой латентной переменной тестируемой модели (рис. 1) использовались средние значения компонент, после чего переменные стандартизировались. В качестве контрольных в модель были включены следующие переменные: количество зарегистрированных торговых марок, применение компаниями Agile технологий для управления проектами (agile), доля сотрудников до 25 лет, наличие сотрудников с удаленной занятостью (дистант), работающих неполный рабочий день, доля самозанятых сотрудников. Для проверки отсутствия мультиколлинеарности использовался коэффициент инфляции дисперсии (VIF < 5).

Результаты

Результаты интегративного обзора показывают, что при анализе цифровизации систем УЧР важно учитывать четыре ключевых аспекта [5]: 1) *содержательный*: в каких функциях управления человеческими ресурсами происходит цифровизация, например, e-recruitment — цифровизация

подбора, e-compensation — цифровизация процессов, связанных с оплатой труда [9]; 2) *процессный*: посвящен степени цифровизации систем УЧР, например, встречает ли цифровизация сопротивление или недоверие со стороны пользователей, насколько предложенные решения удобны в использовании; 3) *широта охвата*: кто имеет доступ к оцифрованной информации — только сотрудники отдела по работе с персоналом или также руководство, весь штат, внешние участники; 4) *ценностные аспекты* — какие цели и ценность цифровизации систем УЧР для пользователей, насколько ценность превышает инвестиции. На содержательном уровне различают *трансформационный* подход к цифровизации систем УЧР, который нацелен на достижение задач стратегического уровня, в отличие от функционала *оперативного* или *тактического* уровня [16].

Проведенный обзор позволил выявить три группы вопросов и утверж-

дений, которые вошли в шкалу цифровизации систем УЧР (Приложение). Так как исследование проводилось на организационном уровне анализа, вопросы, связанные с широтой охвата, не учитывались. Однако при разведывательном факторном анализе выделилось не три, а пять факторов (рис. 2, табл. 1, 2), все показатели валидности факторов приближены к установленным нормам — α -Кронбаха = 0,959, КМО = 0,950, χ^2 -квадрат = 10814,546** [10]. При 5-факторном подходе полная объясненная дисперсия = 80,484, факторные нагрузки 0,647-0,890; а при 1-факторном подходе доля объяснительной дисперсии = 52,156, факторные нагрузки 0,487-0,863, что также соответствует норме, хоть и уступает в значениях. Конфирматорный факторный анализ подтвердил валидность 5-факторной модели: CMIN/DF = 3,094; CFI = 0,953; SRMR = 0,039; RMSEA = 0,068 (табл. 2, Приложение).

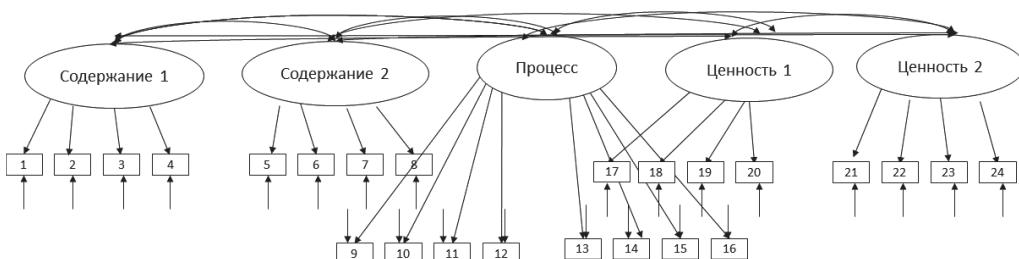

Рис. 2. Предпочтительная 5-факторная модель для измерения уровня цифровизации систем УЧР

Таблица 1
Матрица компонент e-HRM

Факторы	1	2	3	4	5
1. Процесс: α -Кронбаха = 0,973, межпунктовая корреляция 0,750—0,888					
процесс_5	0,859				
процесс_8	0,840				
процесс_9	0,839				
процесс_11	0,837				

Факторы	1	2	3	4	5
процесс_6	0,821				
процесс_10	0,819				
процесс_12	0,805				
процесс_4	0,799				
2. Содержание 1: α -Кронбаха = 0,935, межпунктовая корреляция 0,709–0,844					
содержание1_3		0,890			
содержание1_4		0,866			
содержание1_2		0,862			
содержание1_1		0,834			
3. Ценность 1: α -Кронбаха = 0,925, межпунктовая корреляция 0,716–0,815					
ценность1_4			0,802		
ценность1_2			0,798		
ценность1_5			0,780		
ценность1_3			0,775		
4. Ценность 2: α -Кронбаха = 0,885, межпунктовая корреляция 0,589–0,717					
ценность2_4				0,813	
ценность2_3				0,783	
ценность2_2				0,754	
ценность2_5				0,748	
5. Содержание 2: α -Кронбаха = 0,866, межпунктовая корреляция 0,504–0,725					
содержание2_3					0,725
содержание2_4					0,706
содержание2_2					0,662
содержание2_1					0,647

Таблица 2
Показатели валидности модели цифровизации систем УЧР

Факторы	CR	AVE	MSV	MaxR(H)	1	2	3	4	5
1. Процесс	0,973	0,817	0,582	0,974	(0,904)				
2. Ценность 1	0,924	0,753	0,540	0,930	0,735***	(0,868)			
3. Ценность 2	0,884	0,657	0,420	0,892	0,575***	0,527***	(0,811)		
4. Содержание 1	0,936	0,785	0,329	0,939	0,394***	0,343***	0,574***	(0,886)	
5. Содержание 2	0,868	0,623	0,582	0,884	0,763***	0,646***	0,648***	0,548***	(0,790)

Примечание: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$; выделение по диагонали – квадратный корень из AVE превосходит корреляции между конструктами, что свидетельствует о дискриминантной валидности.

В качестве заинтересованных сторон учитывались предпочтения: 1) собственников или инвесторов компаний; 2) клиентов; 3) сотрудников; 4) обще-

ства [5]. Среди наиболее значимых результатов e-HRM были выбраны следующие: 1) насколько e-HRM способствует достижению целей компании и 2) HR-службы, а также 3) способствует формированию вовлеченности персонала. Последующая апробация не подтвердила независимость пунктов в каждой из двух категорий, указывая на предпочтительность однофакторного подхода, объединяющего в одну шкалу три пункта, соответствующие результатам цифровизации систем УЧР, и в другую шкалу 4 пункта, отражающие интересы стейкхолдеров (табл. 3, 4).

Представленные в Приложении шкалы уже отражают результаты модификаций, проведенных после 1) получения обратной связи о важности уточнения формулировок в результате анализа анкет экспертами и 2) оценки избыточности вопросов при помощи

разведывательного анализа данных, полученных от 449 респондентов — были оставлены по 8 пунктов с наибольшей факторной нагрузкой для оценки содержания, процесса и ценности цифровизации систем УЧР [5]. При сокращении опросника дополнительно проверялось сохранение содержательной валидности. Значения α -Кронбаха, значимость межпунктовой корреляции, как и результаты тестов Бартлетта, Кайзера-Мейера-Олкина, а также доля объяснительной дисперсии всех трех шкал соответствуют установленной норме.

Табл. 5 иллюстрирует описательные статистики и корреляции переменных модели, для апробации которой применялся иерархический регрессионный анализ. Представленные результаты подтверждают наличие линейной корреляции между зависимой переменной

Таблица 3

Результаты e-HRM: матрица компонент, межпунктовая корреляция

Пункты	Компонента 1	результаты_2	результаты_1	результаты_3
результаты_2	0,944	1		
результаты_1	0,926	0,820**	1	
результаты_3	0,925	0,817**	0,768**	1

α -Кронбаха = 0,924, КМО = 0,757, χ^2 -квадрат = 1030,036**, полная объясненная дисперсия = 86,783

Примечание: ** — корреляция Пирсона значима на уровне $p < 0,01$ (2-сторон.).

Таблица 4

Предпочтения заинтересованных сторон: матрица компонент, межпунктовая корреляция

Пункты	Компонента 1	ожидания_4	ожидания_1	ожидания_3	ожидания_2
ожидания_4	0,860	1			
ожидания_1	0,846	0,606**	1		
ожидания_3	0,842	0,714**	0,596**	1	
ожидания_2	0,760	0,506**	0,594**	0,458**	1

α -Кронбаха = 0,845, КМО = 0,777, χ^2 -квадрат = 780,691**, полная объясненная дисперсия = 68,547

Примечание: ** — корреляция Пирсона значима на уровне $p < 0,01$ (2-сторон.).

и каждой из независимых переменных, а также отсутствие значимой линейной корреляции между независимыми переменными, что важно для проведения регрессионного анализа. В данном случае цифровизация систем УЧР выступает в роли одной независимой переменной. В качестве возможной альтернативы проверялась возможность включения субшкал опросника цифровизации систем УЧР в роли пяти независимых переменных. Высокий уровень корреляции между ними (табл. 6) позволил сделать выбор в пользу первого подхода.

Табл. 7 отражает результаты иерархической регрессии. Всего было проанализировано четыре модели: модели 1.1 и 2.1 использовались только для контрольных переменных, в то время как модели 1.2 и 2.2 позволяли протестировать гипотезы исследования для зависимых переменных.

Представленные в таблице результаты указывают на высокий уровень надежности моделей: значимость F -статистики на уровне 0,01; $R^2 = 0,373$ для модели с цифровизацией систем УЧР в роли зависимой переменной и 0,595 — для модели с результатами цифровизации систем УЧР в роли зависимой переменной. Мультиколлинеарность в данных не обнаружена.

Представленные данные позволяют подтвердить гипотезу $H1$: действительно, ожидания заинтересованных сторон положительно связаны с цифровизацией систем УЧР ($\beta = 0,379$, значимость на уровне 0,01). Гипотезу $H2$ о положительной связи между ожиданиями заинтересованных сторон и результатами цифровизации систем УЧР, опосредованной уровнем цифровизации систем УЧР, также удалось подтвердить. Общий эффект ожиданий заинтересованных сторон равен 0,455,

Таблица 5
Описательные статистики и корреляции для переменных моделей 1.2, 2.2

Переменные	Минимум-максимум	Среднее	Стд. отклонение	Корреляция		
				Результаты / Уровень	Результаты / Ожидания	Уровень / Ожидания
Результаты	0–7	4,464	2,040	1		
Уровень	0–6,75	3,405	1,581	0,737**	1	
Ожидания	0–7	5,440	1,685	0,504**	0,451	1

Примечание: * — значимость на уровне $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Таблица 6
Корреляция переменных моделей

Переменные	1	2	3	4	5	6	7
1. Результаты	1						
2. Ожидания	0,504**	1					
3. Уровень: содержание 1	0,330**	0,185**	1				
4. Уровень: ценность 2	0,460**	0,251**	0,526**	1			
5. Уровень: содержание 2	0,591**	0,348**	0,505**	0,570**	1		
6. Уровень: процесс	0,708**	0,475**	0,380**	0,514**	0,698**	1	
7. Уровень: ценность1	0,775**	0,486**	0,322**	0,461**	0,581**	0,694**	1

Примечание: ** — значимость на уровне $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

включая прямой эффект = 0,202 и косвенный = 0,252 (табл. 8).

Таким образом, в результате исследования удалось предложить три валидированные шкалы и модель для анализа стратегического подхода к оценке цифровизации систем УЧР, предполагая важность учета интересов заинтересованных сторон, которые связаны с уровнем цифровизации систем УЧР ($\beta = 0,379$) и с результативностью цифровизации ($\beta = 0,455$).

Обсуждение результатов

Интегративный обзор позволил составить набор утверждений, которые стали основой для трех авторских шкал.

Подобный подход традиционно используется в исследованиях систем УЧР [11; 15]. Однако с ним связан ряд ограничений: контекстуальная обусловленность и эквифинальность [1], когда в компаниях могут использоваться другие практики, которые ведут к схожим результатам. Поэтому рекомендовано в анкете сохранять открытые вопросы для того, чтобы своевременно отслеживать появление подобных практик. Также рекомендуется апробация предложенных шкал в условиях других стран.

В результате интегративного обзора сложилось ожидание трехфакторного подхода для измерения цифровизации систем УЧР, однако факторный ана-

Таблица 7
Результаты регрессии (стандартизованные коэффициенты)

Переменные	Модель 1.1	Модель 1.2	Модель 2.1	Модель 2.2
Зависимая переменная	Уровень цифровизации	Уровень цифровизации	Результат цифровизации	Результат цифровизации
Независимые:				
Ожидания		0,379**		0,204**
Уровень цифровизации				0,684**
Контрольные:				
Торговые марки	-0,031	-0,034	0,047	0,066*
Agile	0,252**	0,193**	0,243**	0,039
Доля до 25 лет	0,232**	0,180**	0,097†	-0,090*
Дистантные условия	0,048	0,046	0,092†	0,057
Неполный рабочий день	0,086	0,102*	-0,054	-0,104*
Фриланс	0,080	0,090†	0,047	-0,001
Значимость модели	<i>F</i> = 23,993**, <i>R</i> ² = 0,246	<i>F</i> = 39,102**, <i>R</i> ² = 0,373	<i>F</i> = 8,874**, <i>R</i> ² = 0,108	<i>F</i> = 80,830**, <i>R</i> ² = 0,595

Примечание: ** — значимость на уровне $p < 0,01$, * — $p < 0,05$, † — $p < 0,1$.

Таблица 8
Эффекты

Эффекты	Среднее	95% доверительный интервал	
Непрямой эффект (ACME)	0,252	0,202	0,312
Прямой эффект (DE)	0,202	0,138	0,269
Общий эффект (TE)	0,455	0,345	0,577

лиз указывает на предпочтение пятифакторной структуры в наблюдаемом контексте. Также неожиданным может показаться предпочтительность объединения ожиданий стейкхолдеров в один фактор, как и результатов цифровизации систем УЧР. Такие наблюдения соответствуют гарвардской модели УЧР [4] и предпочтениям комплексного подхода к управлению «здравьем организации» [1], уделяя равное внимание широкому кругу стейкхолдеров и результатов, что легло в основу гарвардской модели УЧР; в то время как ранее основные приоритеты отдавались интересам собственников в угоду краткосрочных финансовых показателей, что было отражено в мичиганской модели УЧР [4]. Данное наблюдение подчеркивает пригодность гарвардской модели для изучения стратегических аспектов УЧР в России. Для уточнения различий, связанных с субшкалами, в дальнейших исследованиях можно дополнительно использовать критерии анализа независимых выборок, например, критерии Манна-Уитни или t-критерий Стьюдента.

Дизайн исследования также связан с рядом ограничений, которые не позволяют провести оценку ретестовой валидности стратегической модели. Для этого понадобятся лонгитюдные наблюдения без возможности введения условия анонимности для сбора ответов.

Также любопытно проанализировать смещение ответов на вопросы анкеты: большая доля респондентов выбирали наивысший балл (7), из-за чего приходилось обращаться к стандартизованным переменным. Это может указывать на наличие «эффекта грандиозности», когда респонденты выбирают практики или утверждения, чтобы быть в тренде в большей степе-

ни, нежели следуя выявленным потребностям [3]. Возможно, цифровизация систем УЧР тоже может оказаться результатом такого эффекта. В этой связи особенно значимым вкладом данной работы стало включение вопросов о задачах, целях, ценностях, результатах цифровизации систем УЧР, а не только о содержательных или процессных аспектах данного процесса.

Заключение

В текущем исследовании изучался стратегический подход к измерению цифровизации систем УЧР. Работа иллюстрирует, что чем выше степень ориентации деятельности отдела по управлению человеческими ресурсами компании на ожидания заинтересованных сторон, тем выше уровень цифровизации УЧР и ее результативность.

Исследование поддерживает дискуссию о поиске инструментов измерения стратегического подхода к цифровизации систем УЧР, предлагая модель, составленную с опорой на теорию заинтересованных сторон и гарвардскую стратегическую модель УЧР. Методика оценки уровня цифровизации систем УЧР включает 5-факторную модель анализа по следующим критериям: 1. степень внедрения цифровизации в реализацию современных программ и практик УЧР (факторы 1.2 «Содержание»); 2. эффективность организации процессов цифровизации УЧР (фактор 3 «Процесс»), 3) практическая ценность внедрения процессов цифровизации относительно достижения ключевых целей УЧР в компании (факторы 4, 5 «Ценности»). Интересы заинтересованных сторон рассматриваются совокупно в рамках однофакторного подхода. Аналогичным образом учитываются результаты цифровизации систем УЧР.

Предложенные авторские шкалы демонстрируют высокий уровень валидности и надежности, что является основным теоретическим вкладом данной статьи в изучение цифровизации систем

УЧР. Практический вклад связан с обобщением повестки в области цифровизации систем УЧР, выявлением стратегического подхода к управлению данным процессом.

Приложение

Таблица 1

Шкала для оценки уровня цифровизации систем УЧР

Компонента	Вопрос и утверждения
Содержание цифровизации систем УЧР:	
Трансформационный УЧР: оцените степень автоматизации реализуемых программ работы с персоналом (7 – полностью автоматизирована, 1 – совсем не автоматизирована)	
0,891	1. Программы управления талантами
0,928	2. Программы вовлеченности персонала
0,932	3. Wellbeing-программы (программы, направленные на укрепление физического, умственного, финансового благополучия сотрудников)
0,911	4. Программы взаимодействия с социальной средой (поддержка культуры, спорта и т.д.)
Межпунктовая корреляция: 0,709**–0,844**; CR = 0,936; AVE = 0,785; MSV = 0,329; MaxR(H) = 0,939	
1.2. Операционный и тактический уровень УЧР: какова степень внедрения цифровых технологий в следующих сферах управления человеческими ресурсами (7 – полностью внедрена, 1 – совсем не внедрена):	
0,839	5. Поиск и отбор персонала
0,887	6. Обучение и развитие персонала
0,867	7. Компенсация и оплата труда
0,783	8. Ведение административного документооборота
Межпунктовая корреляция: 0,716**–0,815**, CR = 0,868; AVE = 0,623; MSV = 0,582; MaxR(H) = 0,884	
Процесс цифровизации: оцените, насколько вы согласны со следующими утверждениями относительно внедренных в вашей компании цифровых HR-технологий (1 – полностью не согласен(-на); 7 – полностью согласен(-на)).	
0,942	9. Цифровые HR-технологии используются в повседневной деятельности компании
0,915	10. Цифровые технологии УЧР надежны в работе (доступны и работают без ошибок)
0,913	11. Цифровые технологии УЧР доступны для доработки и усовершенствования
0,927	12. Цифровые HR-технологии служат в качестве инструментов достижения основных целей компании
0,901	13. Цифровые HR-технологии используются оптимальным образом

Компонента	Вопрос и утверждения
0,917	14. Цифровые HR-технологии интенсивно используются в компании
0,923	15. Цифровые HR-технологии интегрированы в общую стратегию цифровой трансформации компании
0,891	16. HR-специалисты участвуют во внедрении цифровых HR-технологий
Межпунктовая корреляция: 0,750**—0,888**; CR = 0,973; AVE = 0,817; MSV = 0,582; MaxR(H) = 0,974	
Ценность цифровизации систем УЧР	
Цели цифровизации систем УЧР: отметьте, в какой степени внедрение цифровых технологий управления человеческими ресурсами ориентировано на следующие цели (7 – сильно ориентирована, 1 – совсем не ориентирована).	
0,883	17. Повышение экономических показателей деятельности компании
0,923	18. Оптимизация рабочего времени HR-специалиста
0,896	19. Улучшение качества внутренних коммуникаций
0,910	20. Повышение стратегической значимости деятельности HR-службы
Межпунктовая корреляция 0,716**—0,815**; CR 0,924; AVE 0,753; MSV 0,540; MaxR(H) = 0,930	
Практическая ценность цифровизации систем УЧР: оцените практическую ценность следующих цифровых технологий, внедренных или внедряемых в деятельность по HR в вашей компании (7 – очень ценно, 1 – совсем не ценно).	
0,867	21. Онлайн-системы управления человеческими ресурсами
0,868	22. Технологии, связанные с большими данными
0,830	23. Боты и электронные помощники
0,884	24. Технологии, автоматизирующие внутреннюю работу HR-отдела
Межпунктовая корреляция: 0,589**—0,717**; CR = 0,884; AVE = 0,657; MSV = 0,420; MaxR(H) = 0,892	
α -Кронбаха = 0,959, КМО = 0,950, Xu -квадрат 10814,546**, полная объясненная дисперсия = 80,484; межфакторная корреляция 0,343***—0,763***	

Таблица 2
Шкала для оценки ожидания заинтересованных сторон

Компонента	Вопрос и утверждения
Ожидания заинтересованных сторон: отметьте, в какой степени деятельность HR-отдела вашей компании ориентирована на следующие цели (7 – сильно ориентирована, 1 – совсем не ориентирована):	
0,846	1. Достижение бизнес-результатов компании
0,760	2. Удовлетворение потребностей клиентов
0,842	3. Формирование человеческого капитала компании
0,860	4. Формирование имиджа социально ответственной организации
Межпунктовая корреляция 0,458**—0,714**	
α -Кронбаха = 0,845, КМО = 0,777, Xu -квадрат = 780,691** полная объясненная дисперсия = 68,547	

Таблица 3

Шкала для оценки результатов цифровизации систем УЧР

Компонента	Вопрос и утверждения
Результаты e-HRM: отметьте, в какой степени внедрение цифровых технологий в УЧР (7 – в большой степени, 1 – в незначительной степени):	
0,926	1. Способствует достижению целей компании
0,944	2. Способствует достижению целей HR-службы
0,925	3. Способствует формированию вовлеченности персонала
Межпунктовая корреляция 0,768**–0,820** α -Кронбаха = 0,924, КМО = 0,757, Ху-квадрат = 1030,036**, полная объясненная дисперсия = 86,783	

Примечание: ** – значимость на уровне $p < 0,01$.

Литература/References

1. *Бордунос А.К., Кошелева С.В.* Эволюция стратегического подхода к управлению человеческими ресурсами с позиций систем организации труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2016. № 3. С. 30–53.
2. *Bordunos A.K., Kosheleva S.V.* Evolyutsiya strategicheskogo podkhoda k upravleniyu chelovecheskimi resursami s pozitsii sistem organizatsii truda [Evolution of strategic human resource management through the lens of High Performance Work Systems]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment* = *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2016, no. 3, pp. 30–53. (In Russ.).
3. *Колосница М., Финкельштейн Г.* HR в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // HRTimes. 2016. Т. 30. № 5. URL: https://www.ecopsy.ru/insights/hr-v-tsifrovuyu-epochu/?sphrase_id=760496 (дата обращения: 01.08.2023).
4. *Alvesson M.* The triumph of emptiness: Consumption, higher education, and work organization. OUP Oxford, 2013. 243 p.
5. *Beer M., Boselie P., Brewster C.* Back to the future: Implications for the field of HRM of the multistakeholder perspective proposed 30 years ago // Human Resource Management. 2015. Vol. 54. № 3. P. 427–438.
6. *Bondarouk T.V., Ruël H.J.M.* Electronic Human Resource Management: challenges in the digital era // The International Journal of Human Resource Management. 2009. Vol. 20. № 3. P. 505–514.
7. *Bondarouk T., Parry E., Furtmueller E.* Electronic HRM: four decades of research on adoption and consequences // The International Journal of human resource management. 2017. Vol. 28. № 1. P. 98–131.
8. *Dixit R.* HRM to e-HRM: Concept, application & applicability // IITM Journal of Information Technology. 2015. Vol. 1. № 1. P. 78–88.
9. *Hicks R., Tingley D.* Causal mediation analysis // The Stata Journal. 2011. Vol. 11. № 4. P. 605–619.

10. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural equation modeling: a multidisciplinary journal. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–55.
11. *Huselid M.A., Becker B.E.* The strategic impact of high performance work systems // Academy of Management annual meeting. 1995. P. 1–27.
12. *Huselid M., Minbaeva D.* Big data and human resource management // Sage handbook of human resource management. 2019. P. 494–507.
13. *Jackson S.E., Schuler R.S., Jiang K.* An aspirational framework for strategic human resource management // Academy of Management Annals. 2014. Vol. 8. № 1. P. 1–56.
14. *Kovach K.A., Hughes A.A., Fagan P., Maggitti P.G.* Administrative and strategic advantages of HRIS // Employment Relations Today. 2002. Vol. 29. № 2. P. 43–48.
15. *Lawler III E.E.* High-Involvement Management. Participative Strategies for Improving Organizational Performance. Jossey-Bass Inc., Publishers, 350 Sansome Street, San Francisco, CA 94104, 1986. 252 p.
16. *Lepak D.P., Snell S.A.* Virtual HR: Strategic human resource management in the 21st century // Human resource management review. 1998. Vol. 8. № 3. P. 215–234.
17. *Posthumus R.A. et al.* A high performance work practices taxonomy: Integrating the literature and directing future research // Journal of management. 2013. Vol. 39. № 5. P. 1184–1220.
18. *Ruel H., Bondarouk T., Loosje J.K.* E-HRM: Innovation or irritation. An explorative empirical study in five large companies on web-based HRM // Management revue. 2004. P. 364–380.
19. *Ulrich D., Dulebohn J.H.* Are we there yet? What's next for HR? // Human Resource Management Review. 2015. Vol. 25. № 2. P. 188–204.

Информация об авторах

Завьялова Елена Кирилловна, доктор психологических наук, профессор кафедры организационного поведения и управления персоналом, Высшая школа менеджмента, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6098-8335>, e-mail: zavyalova@gsom.spbu.ru

Бордунос Александра Константиновна, преподаватель кафедры организационного поведения и управления персоналом, Высшая школа менеджмента, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Information about the authors

Elena K. Zavyalova, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Organizational Behavior and Human Resources Management, Graduate School of Management, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6098-8335>, e-mail: zavyalova@gsom.spbu.ru

Aleksandra K. Bordunos, Lecturer at the Department of Organizational Behavior and Human Resources Management, Graduate School of Management, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Получена 09.08.2023

Received 09.08.2023

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

Создание шкалы «Принадлежность-эксклюзия»

Суворова И.Ю.

**ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО «МПСУ»),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Раханова А.А.

**ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО «МПСУ»),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0080-7479>, e-mail: aarakhanova@gmail.com

Корзун Н.В.

**ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО «МПСУ»),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3238-0928>, e-mail: nikitakorzun@yandex.ru

Цель. Проверка валидности и надежности шкалы «Принадлежность-эксклюзия», созданной с опорой на «Общую шкалу удовлетворения базовых психологических потребностей» Э. Деси и Р. Райна.

Контекст и актуальность. Принадлежность как базовая психологическая потребность упоминается в ряде теорий, однако наиболее концептуально описана в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, в рамках которой она диагностируется как одна из шкал «Общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей». Однако авторы гораздо большее внимание уделяли потребности в автономии как необходимому условию для самодетерминации, что привело к размытию границ феномена принадлежности и относительно низким показателям критериев качества этой шкалы. В результате серия исследований привела к созданию трехфакторной модели принадлежности, нуждающейся в проверке на валидность и надежность.

Дизайн исследования. Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе было проведено тестирование для оценки конвергентной валидности, согласования поведения переменных с переменными других опросников, надежности и внутренней согласованности. На втором этапе проверялась факторная валидность. Третий этап был посвящен стандартизации.

Участники. На первом этапе в исследовании приняли участие 76 студентов МПСУ очной формы обучения (17 – мужского пола, 59 – женского) в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 20$; $SD = 1,03$). На втором этапе выборку составили 1905 человек (501 – мужского пола, 1404 – женского) в возрасте от 9 до 81 лет ($M = 27,81$; $SD = 10,4$). Третий этап исследования проводился на выборке в 1925 человек (509 – мужского пола, 1416 – женского) в возрасте от 9 до 93 лет ($M = 28,11$; $SD = 10,6$).

Методы (инструменты). Проверка критериев качества опросника выполнялась с помощью вычисления внутренней согласованности (альфа Кронбаха), ретестовой надежности, корреляционного анализа шкал опросника между собой, а также с другими опросниками. Факторная валидность проверялась с помощью конфирматорного факторного анализа. Вычисления проводились в IBM SPSS 23 и AMOS 23.

Результаты. Проверка опросника на валидность, надежность и внутреннюю согласованность показала статистически значимые результаты практически во всех случаях: Кронбаха составляет 0,849, что соответствует уровню хорошей внутренней согласованности; уровень

значимости ретестовой надежности и конвергентной валидности для всех трех шкал $p \leq 0,01$. Корреляция с другими опросниками подтвердила содержательный аспект трех видов принадлежности. В результате конфирматорного факторного анализа $CFI = 0,928$; $RMSEA = 0,064$, что несколько выходит за рекомендованные значения.

Основные выводы. В результате проведения верификации созданного опросника было установлено, что он прошел все необходимые процедуры для проверки. Опросник является хорошей промежуточной моделью потребности в принадлежности и представляет собой вполне рабочий инструмент, однако нуждается в дополнительной доработке.

Ключевые слова: принадлежность себе; принадлежность диаде; принадлежность группе; базовые потребности; шкала удовлетворенности базовых психологических потребностей; теория самодетерминации.

Для цитаты: Суворова И.Ю., Раханова А.А., Корзун Н.В. Создание шкалы «Принадлежность-эксклюзия» // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 179–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150212>

The “Relatedness-Exclusion” Scale: Creation and Validation

Irina Yu. Suvorova

Moscow University of Psychology and Social Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Anastasia A. Rakhanova

Moscow University of Psychology and Social Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0080-7479>, e-mail: aarakhanova@gmail.com

Nikita V. Korzun

Moscow University of Psychology and Social Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3238-0928>, e-mail: nikitakorzun@yandex.ru

Objective. The article describes a test of the validity and reliability of the Relatedness-Exclusion scale, based on the general scale of satisfaction of basic psychological needs by E. Deci and R. Ryan.

Background. Relatedness as a basic psychological need is mentioned in a number of theories, but it is most conceptually described in the Self-determination theory by E. Deci and R. Ryan, within which it is diagnosed as one of the scales of the “General Scale of Satisfaction of Basic Psychological Needs.” However, the authors paid much more attention to the need for autonomy as a necessary condition for self-determination. This bias led to a blurring of the boundaries of the phenomenon of relatedness and relatively low indicators of the quality criteria of this scale. As a result, a series of studies led to the creation of a three-factor model of belonging that needs to be tested for validity and reliability.

Study design. The study was carried out in three stages. At the first stage, testing was carried out to assess convergent validity, consistency of the behavior of the variables with the variables of other questionnaires, reliability and internal consistency. At the second stage, factorial validity was checked. The third stage was devoted to standardization.

Participants. At the first stage of the study, 76 full-time MPSU students (17 m, 59 f) aged from 17 to 22 years ($M = 20$; $SD = 1,03$) took part. At the second stage, the sample consisted of 1905 people (501 m, 1404 f) aged from 9 to 81 years ($M = 27,81$; $SD = 10,4$). The third stage of the study was conducted on a sample of 1925 people.

Measurements. The quality criteria of the questionnaire were checked by calculating internal consistency (Cronbach's α), test-retest reliability, and correlation analysis of the questionnaire scales with

each other, as well as with other questionnaires. Factorial validity was tested using confirmatory factor analysis. Calculations were carried out in IBM SPSS 23 and AMOS 23.

Results. *Checking the questionnaire for validity, reliability and internal consistency showed statistically significant results in almost all cases: Cronbach's α is 0,849, which corresponds to the level of good internal consistency; the significance level of test-retest reliability and convergent validity for all three scales is $p \leq 0,01$. Correlation with other questionnaires confirmed the content aspect of the three types of relatedness. As a result of confirmatory factor analysis, CFI = 0,928; RMSEA = 0,064, which is slightly beyond the recommended values.*

Conclusions. *As a result of verification of the created questionnaire, it was established that it passed all the necessary procedures for verification. The questionnaire is a good intermediate model of the need to belong and is a completely working tool, but needs additional refinement.*

Keywords: relatedness to self; relatedness to a dyad; relatedness to a group; basic needs; General Scale of Basic Psychological Needs Satisfaction; theory of self-determination.

For citation: Suvorova I.Yu., Rakhanova A.A., Korzun N.V. The “Relatedness-Exclusion” Scale: Creation and Validation. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 179–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150212> (In Russ.).

Введение

Потребность в принадлежности представляет собой фундаментальный конструкт, так или иначе описанный в ряде теорий как привязанность (теория привязанности Боулби [13]), условие формирования Эго-идентичности (теория Э. Эрикссона [11]) и социальной идентичности (теория социальной идентичности А. Тэшфела [18]), однако наиболее концептуально описана в теории самодетерминации (ТСД) Э. Деси и Р. Райана [14]. Теория самодетерминации и личностной автономии была предложена в 70-х годах прошлого века и описала внутренние и внешние факторы мотивации/амотивации человека. Согласно авторам, человек изначально самодетерминирован и замотивирован на активное взаимодействие с социальной реальностью. Снижение же мотивации связано с фрустрацией базовых психологических потребностей. Э. Деси и Р. Райаном были выделены три базовые психологические потребности: в автономии, компетенции и принадлежности (иногда переводимой как связанность). С этих пор началась дискуссия о

взаимосвязи автономии и принадлежности в жизни человека: в норме автономия и принадлежность имеют позитивную взаимосвязь [17], причем некоторые авторы обнаруживают стадийность в степени их удовлетворения (потребность в автономии появляется при удовлетворении потребности в принадлежности) [16]; обратная же корреляция указывает на подмену автономии независимостью, что случается при слабом Эго [12].

Теория базовых психологических потребностей легла в основу одноименного опросника «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» (General Scale of Basic Psychological Needs Satisfaction), адаптированного на русский язык И.Ю. Суворовой, Н.В. Корзуном и А.А. Бабий [9]. Тем не менее адаптация опросника на русский язык показала «слабость» шкалы «Потребность в принадлежности»: по сравнению с двумя другими шкалами — «Потребность в автономии» и «Потребность в компетентности» — она имела наибольшую дисперсию и сравнительно низкие показатели ретестовой надежности [3]. Было сделано

предположение, что границы феномена принадлежности, вкладываемые авторами, недостаточно очерчены. Дело в том, что авторы теории самодетерминации в основном исследовали потребность в автономии как фактор внутренней мотивации, тогда как исследования потребности в принадлежности и компетентности практически не представлены в рамках ТСД. Поэтому нами был проведен ряд исследований на уточнение границ феномена принадлежности и формирование ее теоретической модели. Результаты данных исследований отражены в статьях «Определение границ феномена базовой психологической потребности в принадлежности» [3] и «Эмпирическое обоснование трехфакторной модели потребности в принадлежности» [10].

Конструкт

«Принадлежность-эксклюзия»

Проведение фокус-группы [3] подтвердило предположение о более сложной структуре потребности в принадлежности и позволило выделить 3 ее аспекта: принадлежность себе, принадлежность диадным отношениям и принадлежность группе. Дальнейший эксплораторный факторный анализ на выборках бездомных, людей с наркотической зависимостью, жертв травли и условной нормы [10] показал обоснованность трех выделенных ранее аспектов принадлежности. Так была получена и впервые описана в статье «Эмпирическое обоснование трехфакторной модели потребности в принадлежности» эмпирическая трехфакторная модель потребности в принадлежности (рис. 1), которая легла в основу опросника «Принадлежность-эксклюзия», верификации которого посвящена данная статья.

Трехфакторная модель принадлежности (рис. 1) включает три шкалы:

принадлежность себе, принадлежность диадическим отношениям и принадлежность группе. Принадлежность себе понимается как ощущение своей целостности, протяженности и аутентичности, что в большей степени соответствует определению Эго-идентичности Э. Эрикsona [11]. Принадлежность диадическим отношениям неразрывно связана с принадлежностью себе. Более того, отношения в диаде в первые годы жизни являются условием для появления целостного чувства Я [19]. Напротив, отсутствие надежной привязанности к значимому другому влечет за собой недоверие к миру и нарушение Эго-идентичности [13], что впоследствии может привести к социальной изоляции и нарушению социальной адаптации (принадлежности к группе). Принадлежность к группе связана с формированием социального Я. С одной стороны, это не такая фундаментальная структура, как чувство аутентичности самому себе, формирующееся в диадических отношениях, с другой — через принадлежность к социальной группе (или группам) мы определяем себя в системе социальных отношений, той самой реальности, в которой протекает наша жизнь. Отчужденность от социальных контактов и одиночество сравнимы с так называемой социальной смертью.

Программа исследования

Верификация составленного опросника проходила в три этапа. На первом этапе (2022 г.) на выборке из 76 студентов МПСУ очной формы обучения (17 — мужского пола, 59 — женского) в возрасте от 17 до 22 лет ($M = 20$; $SD = 1,03$) были вычислены ретестовая надежность (время между тестом и ретестом составило 7 дней), внутренняя согласованность, конвергентная валидность и валидность поведения переменных в шкалах. На втором

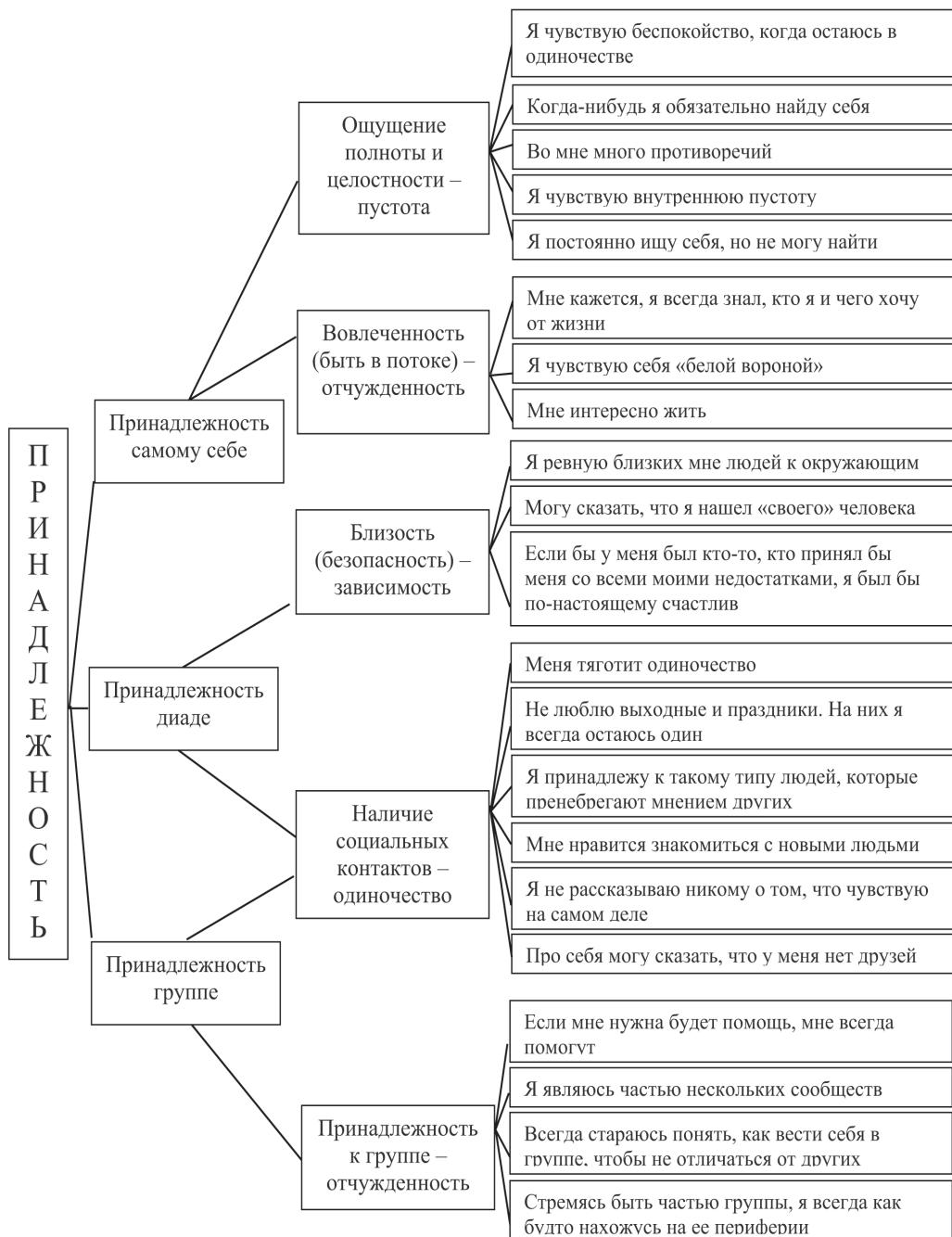

Рис. 1. Модель опросника «Принадлежность-эксклюзия»

ром этапе (2023 г.) на выборке из 1905 человек (501 — мужского пола, 1404 — женского) в возрасте от 9 до 81 лет ($M = 27,81$; $SD = 10,4$) с помощью конфирматорного факторного анализа проверялась факторная валидность. На третьем этапе на выборке из 1925 человек (509 — мужского пола, 1416 — женского) в возрасте от 9 до 93 лет ($M = 28,11$; $SD = 10,6$) была проведена дифференциальная валидность.

Инструментарий

В табл. 1 приведен подбор опросников для вычисления согласования с поведением переменных.

Понятие принадлежности себе, как было отмечено ранее, связано с аутентичностью, самоидентификацией и самоощущением человека. Данный феномен включает субъективное чувство целостности, переживания потока, непрерывности и устойчивости собственного «Я», что во многом описывает эго-идентичность человека. Поэтому для анализа шкалы «Принадлежность себе» нами был выбран опросник «Структура Эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой, определяющий три показателя: «Автономная идентичность», «Предрешенная идентичность» и «Диффузная идентичность» [8], и опросник «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, включаю-

щий такие шкалы, как «Работа как удовольствие», «Работа как смысл», «Работа как усилие» и «Работа как пустота» [5]. Опросник Е.Н. Осина направлен на диагностику чувства потока.

Принадлежность группе представляет собой осознание человеком себя частью различных социальных групп: семейных, учебных, этнических, демографических, территориальных, конфессиональных и прочих. В качестве эквивалентных шкал были выбраны шкалы опросника «Идентификация работников в организации» В.А. Штроо [7] и шкала «Удовлетворение потребности в принадлежность» опросника «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» Э. Деси и Р. Райана [9].

Принадлежность диадическим отношениям указывает на возможность устанавливать глубокие интимные отношения. Поэтому в качестве проверочных опросников были выбраны опросник «Привязанность к близким людям» Д.В. Каширского и Н.В. Сабельниковой [6], диагностирующий «Избегание» и «Беспокойство» как аспекты привязанности и взаимоотношений в диаде, а также опросник «Переживание одиночества» Е.А. Манаковой [4]. Опросник «Переживание одиночества» включает следующие шкалы: «Переживание одиночества как негативного чувства» и

Подбор методик для проверки конструктной валидности

Таблица 1

Принадлежность себе	Опросник «Структура Эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой; Опросник «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева
Принадлежность группе	Опросник «Идентификация работников в организации» В.А. Штроо; Шкала «Принадлежность» опросника «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» Э. Деси и Р. Райана
Принадлежность диаде	Опросник «Привязанность к близким людям» Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой; Опросник «Переживание одиночества» Е.А. Манакова

«Духовное одиночество как отсутствие понимания».

В исследовании приняли участие студенты и преподаватели МПСУ и МИПа, а также знакомые, кому была разослана ссылка. Можно сказать, что выборка отвечает требованиям рандомности. Даные собирались с помощью Яндекс.форм в удобное для респондентов время.

Результаты

Внутренняя согласованность. Для проверки надежности по внутренней согласованности характеристик было проведено вычисление коэффициента α Кронбаха. Результаты расчетов показали, что разработанная методика в целом обладает достаточной внутренней согласованностью: значение коэффициента

Кронбаха составляет 0,827, что соответствует уровню хорошей внутренней согласованности. Тем не менее шкалы «Принадлежность группе» и «Принадлежность диаде» имеют довольно низкую надежность (табл. 2).

При исключении вопросов 3, 5 и 10 общая α Кронбаха составила 0,849, для шкал «Принадлежность себе» — $\alpha = 0,806$; «Принадлежность группе» — $\alpha = 0,642$; «Принадлежность диаде» — $\alpha = 0,518$.

Проверка на нормальность. Для выбора коэффициента корреляции была осуществлена проверка выборки на нормальность с использованием критерия Колмогорова-Смирнова. В результате нормальное распределение подтвердилось для шкал «Принадлежность себе»

Таблица 2

Вычисление α Кронбаха для всего опросника, отдельных шкал и вопросов

Весь опросник $\alpha = 0,827$	Принадлежность себе $\alpha = 0,769$	вопрос 1 — $\alpha = 0,741$ вопрос 4 — $\alpha = 0,742$ вопрос 7 — $\alpha = 0,761$ вопрос 10 — $\alpha = 0,806$ вопрос 13 — $\alpha = 0,724$ вопрос 16 — $\alpha = 0,751$ вопрос 19 — $\alpha = 0,705$ вопрос 21 — $\alpha = 0,707$
	Принадлежность группе $\alpha = 0,584$	вопрос 2 — $\alpha = 0,547$ вопрос 5 — $\alpha = 0,642$ вопрос 8 — $\alpha = 0,514$ вопрос 11 — $\alpha = 0,503$ вопрос 14 — $\alpha = 0,506$ вопрос 17 — $\alpha = 0,553$ вопрос 20 — $\alpha = 0,540$
	Принадлежность диаде $\alpha = 0,505$	вопрос 3 — $\alpha = 0,518$ вопрос 6 — $\alpha = 0,477$ вопрос 9 — $\alpha = 0,414$ вопрос 12 — $\alpha = 0,432$ вопрос 15 — $\alpha = 0,415$ вопрос 18 — $\alpha = 0,493$

и «Принадлежность группе». Для шкалы «Принадлежность диаде» значение теста оказалось меньше 0,05, что говорит о том, что данные в этой группе не имеют нормального распределения.

Репетиторская надежность. Для оценки надежности был проведен корреляционный анализ между шкалами опросника после первого и повторного тестирования. Коэффициенты корреляции по критерию r -Спирмена вычислялись для шкал «Принадлежность себе», «Принадлежность диаде» и «Принадлежность группе» отдельно (табл. 3).

Для всех вычислений уровень значимости для оценки корреляций — $p \leq 0,01$. Результаты позволяют заключить, что созданная методика является надежной.

Конвергентная валидность. Конвергентная валидность определяет, в какой степени конструкты, которые должны быть взаимосвязаны внутри методики, действительно имеют эту связь. Мы предполагали, что все три шкалы — «Принадлежность себе», «Принадлежность диаде» и «Принадлежность группе» — должны иметь положительную корреляцию. Результаты показаны в табл. 4.

При проверке опросника на конвергентную валидность были получены взаимосвязи на уровне значимости $p \leq 0,01$, что говорит о том, что переменные внутри опросника ведут себя так, как это заложено в теории. Как ни странно, максимально близкими по смыслу оказались шкалы «Принадлежность себе» и «Принадлежность группе», тогда как самая слабая связь обнаружена между «Принадлежностью группе» и «Принадлежностью диаде».

Корреляции с другими опросниками. Для проверки согласованности поведения переменных в нашем опроснике с поведением переменных в других, валидных опросниках были вычислены корреляции между шкалами нашего опросника и шкалами других опросников, описанных в процедуре исследования (табл. 1). Проверка валидности шкалы «Принадлежность себе» осуществлялась с помощью проверки ее взаимосвязи со шкалами опросников «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева и «Структура Эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой (табл. 5).

Таблица 3

Результаты корреляции r -Спирмена

Переменная	Корреляция с повторным тестированием, r -Спирмена
Принадлежность себе	0,956**
Принадлежность диаде	0,604**
Принадлежность группе	0,785**

Примечание: ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Таблица 4

Результаты проведенного корреляционного анализа

Переменная	1, r -Спирмена	2, r -Спирмена
1. Принадлежность себе	—	
2. Принадлежность диаде	0,560**	—
3. Принадлежность группе	0,628**	0,320**

Примечание: ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Таблица 5

Корреляции между шкалой «Принадлежность себе» и шкалами из опросников:
 «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е.Н. Осина,
 Д.А. Леонтьева и «Структура Эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой

Методика	Шкалы опросника	Принадлежность себе
Опросник «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева	Работа – удовольствие	0,263*
	Работа – смысл	0,254*
	Работа – усилие	–0,249*
	Работа – пустота	–0,254*
Опросник «Структура Эго-идентичности» Е.Л. Солдатовой	Автономная идентичность	0,551**
	Предрешенная идентичность	0,424**
	Диффузная идентичность	–0,616**

Примечание: Уровни значимости: ** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$.

Положительные корреляции между шкалой «Принадлежность себе» и шкалами «Работа – удовольствие», «Работа – смысл» указывают, что «Принадлежность себе» связана с ощущением наполненности и смысла, что звучало во время фокус-группы. Отрицательная корреляция с «Работой как усилием» и «Работой как пустотой» опять же указывает на переживание принадлежности себе как наполненности и легкости. Любопытно, что чувство наполненности и осмысленности связано как с автономной структурой идентичности (сформированной самим субъектом после переживания кризиса), так и предрешенной (структурой, пассивно перенятой от значимых других). Отрицательная корреляция с диффузной идентичностью объясняется невозможностью целостного ощущения Я в случае распада предыдущей структуры Я и отсутствием ориентиров для построения новой, что более чем логично. Более сильные корреляции между «Принадлежностью себе» и структурами идентичности по сравнению с переживанием опыта потока указывают на то, что «Принадлежность себе» – более фундаментальный конструкт и су-

ществует вне рабочей ситуации. Более того, в нашей выборке большую долю занимали студенты, не включенные в трудовые отношения.

Проверка валидности шкалы «Принадлежность диаде» осуществлялась с помощью проверки ее взаимосвязи со шкалами опросников «Привязанность к близким людям» Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой и «Переживание одиночества» Е.А. Манакова (табл. 6).

Сравнивая «Принадлежность диаде» со шкалами опросника «Привязанность к близким людям», мы получили значимую обратную корреляцию со шкалой «Беспокойство», соответствующей амбивалентной привязанности. С другой стороны, со шкалой «Избегание» какая-либо связь отсутствует. Мы предполагаем, что шкала «Принадлежность диаде» вскрывает нарушение устойчивой психологической связи с другим при сохранении физического контакта.

Взаимосвязи с опросником «Переживание одиночества» оказались значимыми в случае переживания одиночества как негативного чувства, духовного и физического одиночества, что подтверждает наше предположение о том,

Таблица 6

Корреляции между шкалой «Принадлежность диаде» и шкалами из опросников: «Привязанность к близким людям» Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой и «Переживание одиночества» Е.А. Манакова

Методики	Шкалы опросника	Принадлежность диаде
Опросник «Привязанность к близким людям» Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой	Избегание	—
	Беспокойство	−0,658**
Опросник «Переживание одиночества» Е.А. Манакова	Переживание одиночества как негативного чувства	−0,703**
	Отрицание переживания одиночества	—
	Переживание одиночества как временного вынужденного явления	—
	Одиночество как результат страха брать ответственность за других	—
	Духовное одиночество как отсутствие понимания	−0,562**
	Физическое одиночество вследствие собственной непривлекательности	−0,471**

Примечание: ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

что «Принадлежность диаде» отражает глубокую психологическую связь со значимым другим. Отрицание переживания одиночества, переживание одиночества как временного явления или одиночество как страх быть отвергнутым (избегание) не вписываются в этот конструкт.

Проверка валидности шкалы «Принадлежность группе» осуществлялась с помощью проверки ее взаимосвязи со шкалами опросника «Идентификация работников в организации» В.А. Штроо и шкалой «Принадлежность» опросника «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» Э. Деси и Р. Райана (табл. 7).

Таблица 7

Корреляции между шкалой «Принадлежность группе» и шкалами из опросников: «Идентификация работников в организации» В.А. Штроо, «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» Э. Деси и Р. Райана

Методики	Шкалы опросника	Принадлежность группе
Опросник «Идентификация работников в организации» В.А. Штроо	Микрогрупповая идентичность	—
	Групповая идентичность	—
Шкала «Принадлежность» опросника «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» Э. Деси и Р. Райана	Принадлежность	0,703**

Примечание: ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Высокая корреляция между шкалой «Принадлежность» Э. Деси и Р. Райана, которую они по большей части понимали как взаимодействие с некоторым сообществом, и «Принадлежностью к группе» указывает на совпадение смыслов данных шкал. Удивило отсутствие взаимосвязи «Принадлежности группе» с «Микрогрупповой идентичностью» (идентификация с неформальными подгруппами в группе) и «Групповой идентичностью» (идентификация со структурой). Возможно, эти вопросы слишком узкие, затрагивающие непосредственно профессиональную область, тогда как «Принадлежность группе» отражает внутреннее чувство интеграции во что-то большее.

В целом, учитывая вычисленные корреляции, можно заключить, что шкала «Принадлежность-эксклюзия» прошла проверку на конструктивную валидность как согласование с теорией поведения переменных.

Факторная валидность. Соответствие эмпирической структуры методики теоретической модели проверялось при помощи конфирматорного факторного анализа в системе AMOS 23 и экспрессорного факторного анализа в SPSS 23. Метрика латентных переменных давалась через их дисперсии, которые приравнивались к 1. Для оценки пригодности моделей использовались критерии CFI¹ и RMSEA². Модель считается адекватной, если RMSEA < 0,06; CFI > 0,95 [15].

Модель исходного опросника изображена на рис. 2. Однако при запуске расчетов несколько переменных (вопросы 8, 11, 15, 17, 21) оказались недоступными для классификации.

Вопросы 8, 11 и 17 приходятся на шкалу «Принадлежность группе», из чего следует, что данная шкала не отражает точно свое содержание. К исключенным вопросам были отнесены следующие:

8. Я являюсь частью нескольких сообществ.

11. Про себя могу сказать, что у меня нет друзей.

17. Всегда стараюсь понять, как вести себя в группе, чтобы не отличаться от других.

После их исключения шкала «Принадлежность группе» включила такие вопросы:

2. Мне нравится знакомиться с новыми людьми.

14. Если мне нужна будет помочь, мне всегда есть к кому обратиться.

20. Стремясь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии.

Оставшиеся вопросы характеризуют «Принадлежность группе» как потенциальную установку человека быть в обществе, а не фактические социальные контакты. Этим можно объяснить отсутствие корреляций со шкалами опросника «Идентификация работников в организации» В.А. Шттро.

После исключения пяти неопределенных вопросов получаем новую модель (рис. 3).

¹ Сравнительный индекс соответствия (CFI) – указывает на соотношение нулевой модели (теоретической модели, в которой связи между переменными равны 0) с тестируемой моделью. Значения CFI находятся в промежутке от 0 до 1.

² Корень среднеквадратической ошибки аппроксимации (RMSEA) количественно определяет уровень несоответствия модели. Значения параметра колеблются от 0 до 1. Значения выше 0,10 указывают на серьезное несоответствие. Значения ниже 0,06 указывают на хорошее соответствие модели.

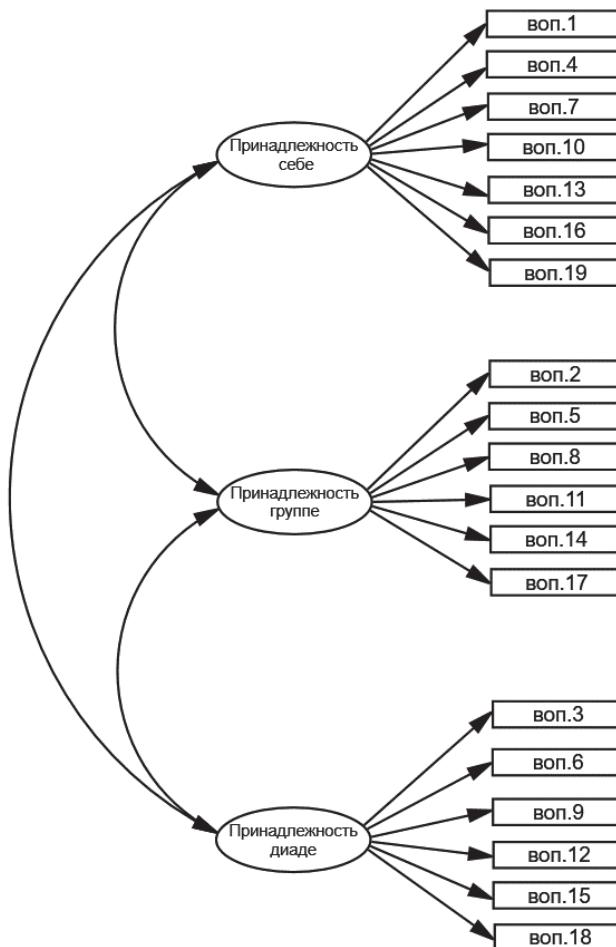

Рис. 2. Модель исходного опросника

Модель на рис. 3. оказалась доступной для вычислений: сравнительный индекс соответствия $CFI = 0,819$, корень среднеквадратической ошибки аппроксимации $RMSEA = 0,090$. Однако эти данные выходят за пределы хорошей сходимости модели. Для нормализации модели мы решили воспользоваться стратегией, опубликованной в статье, посвященной адаптации опросника Э. Деси и Р. Райана [9], и включить такие факторы, как прямой и обратный во-

прос. Добавление четвертого фактора показано на рис. 4.

Модель на рис. 4. оказалась лучшее: сравнительный индекс соответствия $CFI = 0,928$, корень среднеквадратической ошибки аппроксимации $RMSEA = 0,064$. Однако любопытно, что теперь шкала «Принадлежность себе» имеет обратную зависимость к «Принадлежности группе» и «Принадлежности диаде». С учетом небольшого количества вопросов и прямой взаимос-

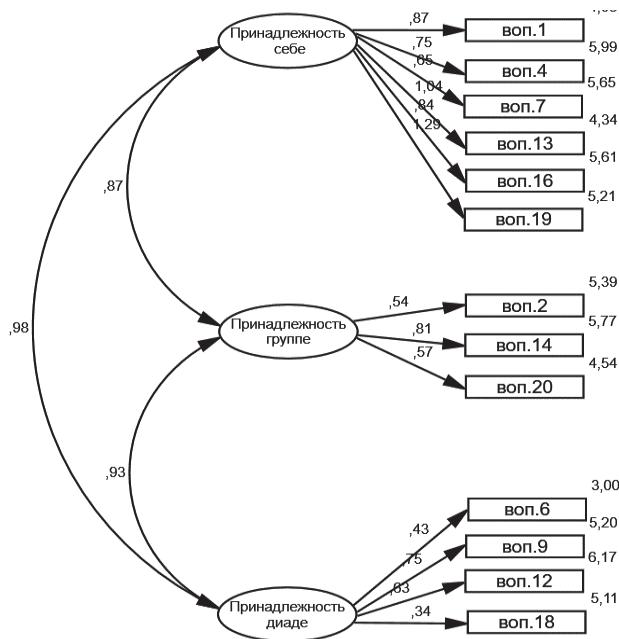

Рис. 3. Трехфакторная модель после исключения вопросов 8, 11, 15, 17, 21

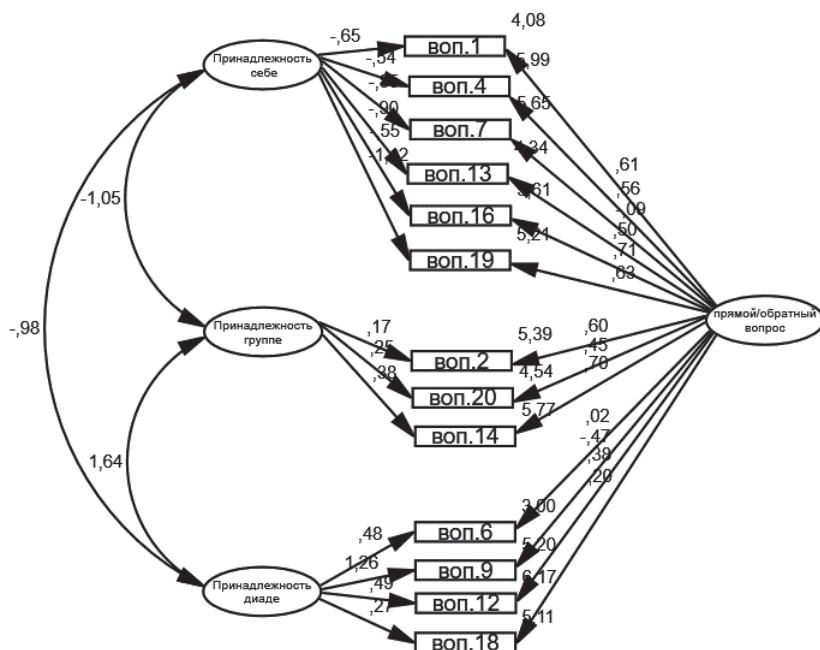

Рис. 4. Трехфакторная модель с добавлением фактора Прямой/обратный вопрос

взяи шкал «Принадлежность группе» и «Принадлежность диаде» мы решили попробовать их объединить в один фактор (рис. 5).

Показатели сходимости модели немного ниже, чем у аналогичной трехфакторной: $CFI = 0,817$, корень среднеквадратической ошибки аппроксимации $RMSEA = 0,089$. После добавления переменной Прямой/обратный вопрос получили модель на рис. 6.

Как и во втором случае, связь между «Принадлежностью группе» и «Принадлежностью себе» отрицательная. Показатели соответствия модели немного ниже, чем во втором случае: $CFI = 0,924$, корень среднеквадратической ошибки аппроксимации $RMSEA = 0,064$.

Сводная таблица показателей всех пяти моделей приведена в табл. 8.

Модель на рис. 4 оказалась точнее всего, однако ее показатели несколько выходят за рекомендуемые пределы по-

казателей хорошей сходимости модели. Так, получившийся сравнительный индекс соответствия $CFI = 0,93 < 0,95$, а корень среднеквадратической ошибки аппроксимации $RMSEA = 0,064 > 0,06$. Тем не менее данные показатели приближены к рекомендуемым, поэтому, хоть опросник и нуждается в доработке, он представляет собой вполне рабочий инструмент. Исправленный опросник с ключами приведен в Приложении.

Дифференциальная валидность

Дифференциальная валидность проходила с учетом удаленных вопросов на выборке из 1925 человек (1394 — женского пола и 558 — мужского) в возрасте от 11 до 74 лет ($M = 28$, $SD = 11,7$). Возрастные группы были выделены с опорой на психосоциальную модель развития психики Э. Эрикsona [4]:

419 человек в возрасте до 20 лет (101 — мужского пола, 318 — женского);

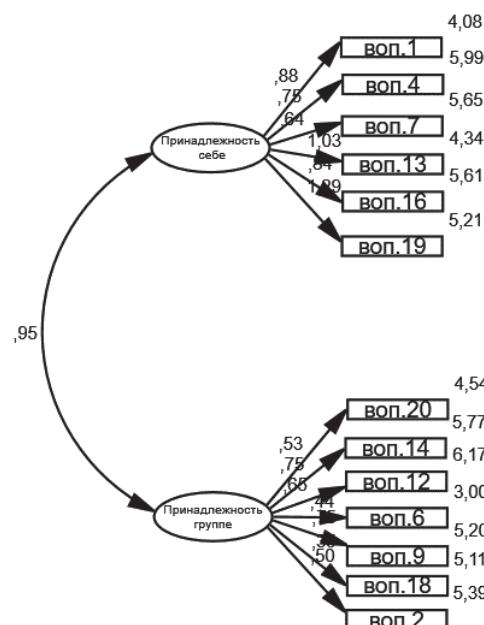

Рис. 5. Двухфакторная модель потребности в принадлежности

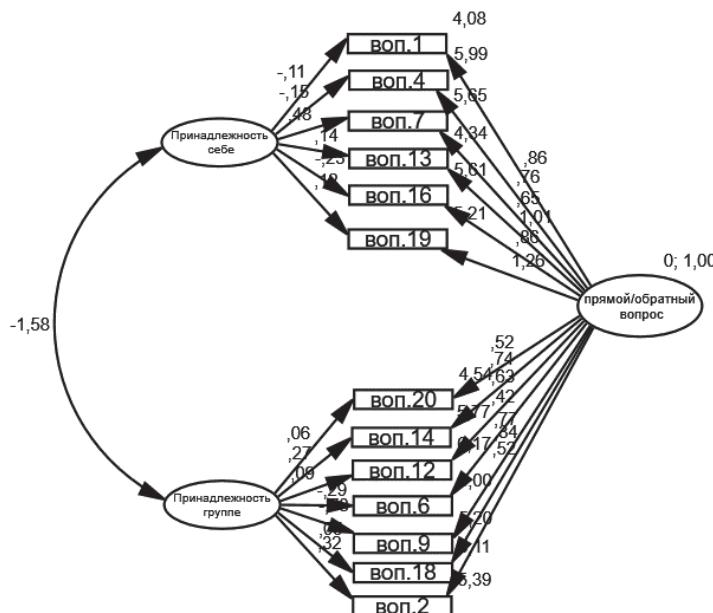

Рис. 6. Двухфакторная модель с добавлением прямого/обратного вопроса

Таблица 8
Показатели соответствия альтернативных моделей

Название модели	df	χ^2 , p	χ^2/df	CFI	RMSEA
Модель на рис. 3	62	1061,00; $p \leq 0,001$	17,1	0,819	0,090
Модель на рис. 4	49	445,943; $p \leq 0,001$	9,10	0,928	0,064
Модель на рис. 5	64	1070,00; $p \leq 0,001$	16,7	0,817	0,089
Модель на рис. 6	51	469,398; $p \leq 0,001$	9,20	0,924	0,064

Примечание: df – число степеней свободы, CFI – сравнительный индекс соответствия, RMSEA – корень среднеквадратической ошибки аппроксимации (с 90%-м доверительным интервалом).

628 человек в возрасте 20–25 лет (188 – мужского пола, 440 – женского);

410 человек в возрасте 26–35 лет (127 – мужского пола, 283 – женского);

361 человек в возрасте 36–45 лет (92 – мужского пола, 269 – женского);

122 человека в возрасте 46–66 лет (42 – мужского пола, 80 – женского);

12 человек в возрасте более 66 лет (8 – мужского пола, 4 – женского).

Распределение значений по полу и возрасту вычислялось для каждой шкалы отдельно. Многофакторный дисперсионный анализ показал, что в целом пол и возраст практически не оказывают статистически значимого влияния на удовлетворение потребности в принадлежности. Причем влияние возраста больше влияния пола и суммарного их влияния. Так, можно отметить, что возраст влияет на распределение удовлет-

ворения потребности в принадлежности себе ($F = 1,38; p \leq 0,05$). Изменение значений принадлежности себе в зависимости от возраста показано в табл. 9.

Таблица 9
Среднее значение показателей шкалы
«Принадлежность себе»

Возраст, лет	M	SD
до 20	28,76	5,68
20–25	30,58	5,17
26–35	29,95	5,72
36–45	29,48	5,65
> 46	30,16	5,35

До 20 лет принадлежность себе у мужчин и женщин является минимальной, достигает своего максимума в 20–25 лет, затем несколько снижается в промежутке 26–45 лет, а после – увеличивается. В 20–25 лет подростковый кризис остается позади, и человек формирует устойчивое чувство Я [2]. Временной промежуток 26–45 лет соответствует периоду создания семьи и заботы о детях. Более того, в этот период также происходит кризис взрослоти, заключающийся в переосмыслинении своих целей и ценностей [1]. К 46–50 годам люди обычно завершают выполнение родительской функции и становятся более свободными.

Для уточнения результатов MANOVA и определения значимости различий между возрастными группами для шкалы «Принадлежность себе» был использован post hoc анализ (наименьшая значимая разница Фишера – LSD, табл. 10).

Возрастной промежуток 20–25 лет действительно выделяется среди остальных возрастных промежутков максимально высокими значениями принадлежности себе. Значения до 20 лет и после 25 лет остаются примерно одинаковыми: до 20 лет устойчивое переживание Я только формируется, поэтому чувство принадлежности себе выражено слабо. После 25 лет люди обычно связывают себя брачными и родительскими узами.

Заключение

Статья была посвящена созданию шкалы «Принадлежность-эксклюзия», в основе которой лежат исследования феноменологии потребности в принадлежности. На фокус-группе было обнаружено, что потребность в принадлежности включает потребность в принадлежности самому себе, потребность в принадлежности диаде и потребность в принадлежности группе. Три потребности были организованы как шкалы опросника «Принадлежность-эксклюзия». Проверки опросника на валидность, надежность и внутреннюю согласованность, деталь-

Таблица 10
Вычисление различий между возрастными группами для шкалы
«Принадлежность себе» (post hoc анализ)

Возраст, лет	до 20	20–25	26–35	36–45
до 20	—	1,99**		
20–25	-1,99**	—	-1,12*	-1,67**
26–35		1,12*	—	
36–45		1,67**		—
> 46				

Примечание: * – уровень значимости $p \leq 0,05$; ** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

но описанные в данной статье, показали статистически значимые результаты практически во всех случаях: а Кронбаха составляет 0,849, что соответствует уровню хорошей внутренней согласованности; уровень значимости ретестовой надежности и конвергентной валидности для всех трех шкал — $p \leq 0,01$. Корреляция с другими опросниками подтвердила содержательный аспект трех видов принадлежности. Так, «Принадлежность себе» связана с ощущением целостности, наполненности и смысла. «Принадлежность диаде» освещает глубокие психологические и духовные связи с другим. Шкала «Принадлежность группе» отражает потенциальную установку быть в обществе, что стало еще более очевидным после удаления четырех вопросов, раскрывающих фактические связи человека с группой. Проверка факторной валидности с помощью конфирматорного факторного анализа показала, что эмпирические данные объясняются теоретической моделью, однако показатели надежности несколько выходят за допустимый ин-

тервал. Дисперсионный анализ показал, что пол не оказывает влияния на шкалы принадлежности, тогда как возраст влияет только на шкалу «Принадлежность себе».

В целом можно заключить, что созданный опросник прошел все необходимые процедуры для проверки опросников и является хорошей промежуточной моделью потребности в принадлежности, однако нуждается в дополнительной доработке. Во-первых, следует решить, какой же смысл должен быть у шкалы «Принадлежность группе» — фактическая принадлежность или психологическая готовность быть частью чего-то большего. Во-вторых, необходимо увеличить внутреннюю согласованность шкал «Принадлежность группе» и «Принадлежность диаде». В-третьих, необходимо расширить выборку и охватить возрастную группу 66+. Наконец, результаты исследования были бы полнее с проверкой критериальной валидности и поиском взаимосвязи удовлетворения потребности в принадлежности с другими личностными показателями.

Приложение

Шкала «Принадлежность-эксклюзия»

Прочтите утверждения в поле «Утверждения» и выберите степень согласия с ними из перечисленных справа: «совершенно не согласен», «не согласен», «скорее не согласен», «затрудняюсь ответить», «скорее согласен», «согласен», «совершенно согласен».

Утверждения	Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не знаю	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен	Совершенно согласен
Я чувствую беспокойство, когда остаюсь в одиночестве							
Мне нравится знакомиться с новыми людьми							
Когда-нибудь я обязательно найду себя							

Утверждения						
Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не знаю	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен	Совершенно согласен
Меня тяготит одиночество						
Во мне многое противоречий						
Могу сказать, что я нашел «своего» человека						
Не люблю выходные и праздники. На них я всегда остаюсь один						
Я чувствую себя «белой вороной»						
Если мне нужна будет помочь, мне всегда есть к кому обратиться						
Я чувствую внутреннюю пустоту						
Я принадлежу к такому типу людей, которые пренебрегают мнением других						
Мне интересно жить						
Стремясь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии						

Ключи:

Принадлежность самому себе: 1R, 3R, 5R, 8R, 10R, 12.

Принадлежность группе: 2, 9, 13R.

Принадлежность диаде: 4R, 6, 7R, 11R.

Подсчет баллов:

Все баллы по шкалам складываются. В опроснике используются прямые и обратные (R) шкалы. Подсчет баллов в прямых шкалах:

Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не знаю	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен	Совершенно согласен
1	2	3	4	5	6	7

Подсчет баллов в обратных шкалах:

Совершенно не согласен	Не согласен	Скорее не знаю	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен	Совершенно согласен
7	6	5	4	3	2	1

Литература

1. *Большунова Н.Я.* Кризис взрослости // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. 2020. Гл. 24. С. 346–358. DOI:10.38098/univ.2020.55.72.024
2. *Комарова О.Н., Рассказова А.Л.* Динамика формирования эго-идентичности на этапе юношеской социализации // Вестник Тверского государственного университета. 2023. Том 3. № 1. С. 62.
3. *Корзун Н.В., Суворова И.Ю.* Определение границ феномена базовой психологической потребности в принадлежности // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. Том 2. № 59. С. 28–38.
4. *Манакова Е.А.* Опросник переживания одиночества // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 149–171.
5. *Осин Е.Н.* Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. 2017. № 2. С. 121–129.
6. *Сабельникова Н.В., Каширский Д.В.* Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Том 36. № 4. С. 84–97.
7. *Сидоренков А.В., Шипитко О.Ю., Штильников Д.Е., Штроо В.А.* Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации // Организационная психология. 2019. Том 9. № 3. С. 74–102.
8. *Солдатова Е.Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: Юургү, 2007. 267 с.
9. *Суворова И.Ю., Бабий А.А., Корзун Н.В.* Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей Э. Деси и Р. Райана // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1–2. С. 55–66.
10. *Суворова И.Ю., Корзун Н.В.* Эмпирическое обоснование трехфакторной модели потребности в принадлежности // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 2(63). С. 49–61.
11. *Эриксон Э.Г.* Детство и общество: пер. с англ. СПб.: ACT, 1996. 592 с.
12. *Allen J.P., Hauser S.T., Bell K.L.* Longitudinal assessment of autonomy and relatedness in adolescent-family interactions as predictors of adolescent ego development and self-esteem // Child Development. 1994. Vol. 65(3). P. 179–194.
13. *Bowlby J.* Separation anxiety // The International Journal of Psychoanalysis. 1960. Vol. 41. P. 89–113.
14. *Deci E.L., Ryan R.M.* Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // Canadian psychology. Psychologie canadienne. 2008. Vol. 49(3). P. 182–194.
15. *Hu L.T.* Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives. Structural Equation Modeling // A Multidisciplinary Journal. 1999. Vol. 1(6). P. 1–51.
16. *Kluwer E.S. et al.* Autonomy in relatedness: How need fulfillment interacts in close relationships // Personality and Social Psychology Bulletin. 2020. Vol. 46(4). P. 603–616.
17. *Ryan R.M., Powelson C.L.* Autonomy and relatedness as fundamental to motivation and education // The journal of experimental education. 1991. Vol. 60(1). P. 49–66.
18. *Tajfel H.* Social identity and intergroup behaviour // Social science information. 1974. Vol. 13(2). P. 65–93.
19. *Winnicott D.W.* Dependence in infant care, in child care, and in the psycho-analytic setting // International Journal of Psycho-Analysis. 1963. Vol. 44(2). P. 339–344.

References

1. Bolshunova N.Ya. Krizis vzroslosti [Crisis of adulthood]. *Individualnoye, natsionalnoye i globalnoye v soznanii sovremennoogo cheloveka: novyye idei, problemy, nauchnyye napravleniya =*

Individual, national and global in the consciousness of modern man: new ideas, problems, scientific directions, 2020. Vol. 24, pp. 346–358. DOI:10.38098/univ.2020.55.72.024 (In Russ.).

2. Komarova O.N., Rasskazova A.L. Dinamika formirovaniya ego-identichnosti na etape yunosheskoy sotsializatsii [Dynamics of ego-identity formation at the stage of youthful socialization]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tver State University*, 2023. Vol. 3, no. 1, p. 62. (In Russ.).
3. Korzun N.V., Suvorova I.Yu. Opredeleniye granits fenomena bazovoy psikhologicheskoy potrebnosti v prinadlezhnosti [Definition of the boundaries of the phenomenon of the basic psychological need for belonging]. *Aktualnyye problemy psikhologicheskogo znaniya = Actual problems of psychological knowledge*, 2022. Vol. 2, no. 59, pp. 28–38. (In Russ.).
4. Manakova E.A. Oprosnik perezhivaniya odinochestva [Questionnaire on the experience of loneliness]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2018. Vol. 3, no. 69, pp. 149–171. (In Russ.).
5. Osin E.N. Diagnostika perezhivaniy v professionalnoy deyatelnosti: validizatsiya metodiki [Diagnostics of experiences in professional activity: validation of methodology]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2017. Vol. 2, no. 2, pp. 121–129. (In Russ.).
6. Sabelnikova N.V., Kashirsky D.V. Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam [Questionnaire of attachment to close people]. *Psikhologicheskiy zhurnal = Psychological Journal*, 2015. Vol. 36, no. 4, pp. 84–97. (In Russ.).
7. Sidorenkov A.V., Shipitko O.Yu., Shtilnikov D.E., Stroo V.A. Razrabotka instrumentariya izucheniya identifikatsii rabotnikov v organizatsii [Development of tools for studying employee identification in an organization]. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational psychology*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 74–102. (In Russ.).
8. Soldatova E.L. Struktura i dinamika normativnogo krizisa perekhoda k vzroslosti [Structure and dynamics of the normative crisis of transition to adulthood]. Chelyabinsk: Yuurgu [Susu], 2007. 267 p. (In Russ.).
9. Suvorova I.Yu., Babiy A.A., Korzun N.V. Adaptatsiya obshchey shkaly udovletvoreniya bazovykh psikhologicheskikh potrebnostey [Adaptation of the general scale of satisfaction of basic psychological needs of E. Desi and R. Ryan]. *Aktualnyye problemy psikhologicheskogo znaniya = Actual problems of psychological knowledge*, 2021, no. 1-2, pp. 55–66. (In Russ.).
10. Suvorova I.Yu., Korzun N.V. Empiricheskoye obosnovaniye trekhfaktornoy modeli potrebnosti v prinadlezhnosti [Empirical substantiation of the three-factor model of the need for belonging]. *Aktualnyye problemy psikhologicheskogo znaniya = Actual problems of psychological knowledge*, 2023, no. 2(63), pp. 49–61. (In Russ.).
11. Erikson E.G. Detstvo i obshchestvo: per. s angl [Childhood and society: trans. from English]. St. Petersburg: AST [AST], 1996. 592 p. (In Russ.).
12. Allen J.P., Hauser S.T., Bell K.L. Longitudinal assessment of autonomy and relatedness in adolescent-family interactions as predictors of adolescent ego development and self-esteem. *Child Development*, 1994. Vol. 65, no. 3, pp. 179–194.
13. Bowlby J. Separation anxiety. *The International Journal of Psychoanalysis*, 1960. Vol. 41, pp. 89–113.
14. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health. *Canadian psychology. Psychologie canadienne*, 2008. Vol. 49, no. 3, pp. 182–194.
15. Hu L.T. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria versus New Alternatives. *Structural Equation Modeling. A Multidisciplinary Journal*, 1999. Vol. 1, no. 6, pp. 1–51.
16. Kluwer E.S. et al. Autonomy in relatedness: How need fulfillment interacts in close relationships. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2020. Vol. 46, no. 4, pp. 603–616.
17. Ryan R.M., Powelson C.L. Autonomy and relatedness as fundamental to motivation and education. *The journal of experimental education*, 1991. Vol. 60, no. 1, pp. 49–66.

18. Tajfel H. Social identity and intergroup behaviour. *Social science information*, 1974. Vol. 13, no. 2, pp. 65–93.
19. Winnicott D.W. Dependence in infant care, in child care, and in the psycho-analytic setting. *International Journal of Psycho-Analysis*, 1963. Vol. 44, pp. 339–344.

Информация об авторах

Суворова Ирина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО «МПСУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Раханова Анастасия Антоновна, студент 3 курса факультета психологии, кафедра социальной психологии, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО «МПСУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0080-7479>, e-mail: aarakhanova@gmail.com

Корзун Никита Владимирович, магистрант 2 курса факультета психологии, кафедра консультативной психологии, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (ОАНО ВО «МПСУ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3238-0928>, e-mail: nikitakorzun@yandex.ru

Information about the authors

Irina Yu. Suvorova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychology, MPSU, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>, e-mail: i.suvorova89@gmail.com

Anastasia A. Rakhanova, 3rd year Student of the Faculty of Psychology, Department of Social Psychology, MPSU, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0080-7479>, e-mail: aarakhanova@gmail.com

Nikita V. Korzun, 2nd year Master of the Faculty of Psychology, Department of Counseling Psychology, MPSU, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3238-0928>, e-mail: nikitakorzun@yandex.ru

Получена 12.01.2024

Received 12.01.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Цифровая среда как пространство становления психики современного человека

Рецензия на учебное пособие С.А. Безгодовой и А.В. Микляевой
«Цифровые трансформации психологии человека».
СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. 176 с.

Шейнов В.П.

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

В рецензируемом пособии обобщаются результаты современных научных исследований, посвященных вопросам изменений в психическом функционировании человека, обусловленных его взаимодействием с цифровыми технологиями.

Для цитаты: Шейнов В.П. Цифровая среда как пространство становления психики современного человека // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 200–204. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150213>

The Digital Environment as a Space for Developing the Psyche of a Modern Person

Review of the book by S.A. Bezgodova and A.V. Miklyaeva
“Digital transformations of human psychology”. Saint Petersburg:
Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2023. 176 p.

Viktor P. Sheinov

Republican Institute of Higher Education, Minsk, Republic of Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

The book summarizes the results of modern scientific research on the issues of changes in human mental functioning caused by its interaction with digital technologies.

For citation: Sheinov V.P. The Digital Environment as a Space for Developing the Psyche of a Modern Person. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 200–204. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150213> (In Russ.).

Проблема влияния цифровой среды на психику человека широко обсуждается последнее десятилетия в научном сообществе. Дискуссии, посвященные этому во-

просу, носят полярный характер: от признания позитивного влияния цифровой среды на психическую организацию человека до призывов к отказу от использования цифровых устройств во избежание причинения вреда человеку. Особенность научных исследований на эту тему заключается в том, что они носят фрагментарный характер, раскрывая, как правило, отдельные аспекты обсуждаемой проблемы, и, кроме того, в некоторых случаях освещают тему взаимодействия человека с цифровой средой довольно тенденциозно, в логике поддержки одной из обозначенных выше позиций. Изданное в институте психологии ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена учебное пособие «Цифровые трансформации психологии человека» [1] решает задачу целостного представления материалов по заявленной теме с опорой на анализ фактической информации, представленной в результатах современных научных исследований, в котором оценочная парадигма («Цифровые трансформации психического потенциала — это хорошо или плохо?») сменяется парадигмой научно-психологического анализа причин и следствий наблюдаемых изменений («В чем конкретно заключаются эти изменения, чем они вызваны и каковы их проявления в деятельности людей?»).

Отличительной чертой рецензируемого пособия является опора на теоретико-методологические положения интегративного подхода к психологии человека и социальному взаимодействию людей, продолжающие традиции психологической школы Герценовского университета. Методологические предпосылки создания пособия составили идеи культурно-исторической теории Л.С. Выготского, принципы целостности, системности и комплексности, сформулированные в работах Б.Г. Ананьева, а также концепция интегрального синтеза психологического знания В.Н. Панферова. Авторы предлагают рассматривать

смешанную реальность, в условиях которой происходит становление и функционирование психики современного человека, как новую (и, что важно, нормативную) социальную ситуацию развития, при взаимодействии с которой психическая организация человека трансформируется с целью адаптивного функционирования в разнообразных процессах жизнедеятельности, и раскрывают изменения психического потенциала человека через обращение к результатам многочисленных эмпирических исследований, проведенных в данном предметном поле в последние десятилетия. Через весь текст прослеживается стремление авторов изложить достоверные, подтвержденные результатами научных исследований факты, знакомство с которыми позволит читателям увидеть в закономерно происходящих изменениях психического потенциала человека, обусловленных цифровизацией среды его обитания, не поводы для паники или, наоборот, неоправданного оптимизма, а принципиально новые возможности, которые получает человек, а также сопряженные с ними риски и способы управления ими.

Первый раздел «Теоретико-методологические предпосылки изучения цифровых трансформаций человека» раскрывает основные проблемы психологического изучения изменений психического потенциала человека в условиях цифровизации различных сфер жизни. В этой части пособия показано, что основной характеристикой цифровых трансформаций психологии человека является разнообразие их проявлений в зависимости от субъектности человека, а также описаны другие существенные различия закономерностей развития и функционирования психики в «доцифровой» и «цифровой» среде. В этом контексте обсуждаются поколенческие изменения, которые свидетельствуют о том, что цифровая среда является в

современном мире не столько инструментом, с помощью которого человек оптимизирует свою деятельность, сколько социокультурным феноменом, на фоне которого происходят изменения в функционировании психического потенциала человека.

В следующих разделах описываются цифровые трансформации отдельных компонентов психического потенциала. Так, в разделе «Цифровые трансформации психофизиологического потенциала человека» обсуждаются вопросы изменения мотивационной, эмоциональной и регуляторной сфер человека в связи с взаимодействием с цифровыми технологиями. Авторы обращаются к таким феноменам, как цифровая потребность, цифровая прокрастинация, цифровая скука, цифровой стресс и цифровое совладание, анализируют изменения иерархии потребностей, механизмов возникновения различных эмоциональных реакций и возможностей произвольной саморегуляции. В разделе «Цифровая трансформация психофизического потенциала человека» описываются феномены сенсорного конфликта, клипового мышления, когнитивной скуости и многие другие эффекты, возникающие в процессах познания, реализуемых в контексте использования цифровых технологий. Отмечается, что когнитивный потенциал в большей степени, чем другие психические явления, «надстраивается» цифровыми инструментами, что влечет за собой во многих случаях «экономию энергии» в познавательной деятельности посредством частичной передачи им своих функций. Раздел «Цифровые трансформации деятельностино-психологического потенциала человека» раскрывает проявления психодинамического потенциала и феномен индивидуального стиля деятельности в цифровой среде, своеобразие реализации общих и специальных способностей в деятельности с использованием цифровых технологий. Обсуждаются та-

кие феномены, как цифровые способности, цифровая креативность и цифровой интеллект. В разделе «Цифровые трансформации социально-психологического потенциала человека» охарактеризованы особенности общения и взаимодействия людей в цифровой среде, анализируются психологические особенности гибридной речи, уделяется внимание феноменам утилитаризации нравственных суждений, психологического дистанцирования и др. Раздел «Цифровые трансформации рефлексивного потенциала человека» посвящен рассмотрению феноменов цифровой картины мира, цифрового мировоззрения и цифровой идентичности. Подчеркивается, что смешанная реальность становится предметом отражения и рефлексии современного человека, в связи с чем ключевым фактором адаптации человека в мире является формирование целостной и непротиворечивой картины смешанной реальности и представлений о себе в этой реальности. Рассматриваются новые возможности для самопознания человека, предоставляемые современными цифровыми технологиями, и их взаимосвязь с изменениями в сфере экзистенциальных переживаний. Содержательно связывает все разделы пособия последовательно проводимая авторами мысль о том, что в условиях цифровизации различных сфер жизни на первый план выходят проблемы субъектности человека как пользователя цифровых технологий, обеспечивающих ему возможности самостоятельного смыслопорождения, целеполагания и управления своим поведением. Этот тезис является лейтмотивом «Заключения», завершающего текст.

Будучи учебным пособием, данное издание решает, в первую очередь, задачи, связанные с организацией учебного материала, необходимые для организации образовательного процесса в вузах. Авторы указывают, что целевой аудиторией, кото-

рой может быть потенциально интересны представленные в пособии материалы, являются студенты психологических и педагогических направлений подготовки. Однако, по моему мнению, изложенные в пособии материалы представляют интерес не только для психологов, но и для социологов, культурологов, ИТ-специалистов и др. Поэтому я бы предложил авторам подумать о расширении круга потенциальных читателей, тем более что способы презентации учебного материала делают доступным его освоение студентами, не имеющими профильной подготовки в области психологии или педагогики.

Каждый раздел пособия включает в себя несколько содержательных блоков. Блок «Основные понятия» позволяет читателю сориентироваться в терминологии, используемой в тексте соответствующего раздела. Это крайне важно, поскольку речь идет преимущественно о принципиально новых феноменах. Приведенные формулировки используемых в тексте определений значительно облегчают чтение и позволяют избежать многих недоразумений. Вспоминаются в связи с этим мысли Рене Декарта («*Верно определите слова, и вы освободите мир от половины недоразумений*») и Аристотеля («*Как много споров могли быть прекращены, если бы участники договорились дать определение терминам*»). В блоке «Ведущие идеи раздела» конспективно представляются несколько ключевых тезисов, вокруг которых разворачивается содержание информационного модуля данного раздела. Эти блоки представляют собой своеобразные навигаторы, которые помогают «не заблудиться» в основном тексте. Любой раздел завершается «Вопросами для обсуждения», активизирующими мысль читателя, а также «Практическими заданиями», которые могут использоваться для организации

аудиторной и самостоятельной работы студентов.

Пособие построено так, что может стать (и, уверен, станет) стартовой площадкой для приобщения к научной работе, прежде всего, студентов и магистрантов, поскольку оно им адресовано. Но и сложившиеся исследователи получат творческий импульс для вхождения в проблемы, множество из которых представлено в этом пособии. Неоценимую помощь в этом окажут обзорный характер данного издания и обширный список использованной при написании пособия литературы, насчитывающий более 500 источников. То, что этот список представлен в двух частях — общий в конце пособия и краткий, использованный при написании каждого раздела, создает дополнительное удобство для пользователя пособием. И вместе с тем краткий список подсказывает не спешить переходить к следующему разделу, а, обратившись к первоисточникам, углубиться в то, что только что прочел.

Обобщение результатов эмпирических исследований — важнейшая и вместе с тем чрезвычайно сложная проблема современной психологической науки. На пути решения этой проблемы — большое число препятствий, с которыми приходится сталкиваться современным исследователям. Среди этих препятствий одно из первых мест занимает отсутствие четких психологических дефиниций и критерии, чрезвычайно усложняющее сопоставление данных, полученных исследователями, представляющими разные научные направления. В рецензируемом пособии предпринята успешная попытка уточнить понятийный аппарат изучаемой проблемы (например, весьма интересными и продуктивными представляются трактовки новых феноменов, таких как клиповое мышление, цифровая прокрастинация,

цифровой интеллект, цифровая картина мира и др., посредством их «вписывания» в категориальный строй современной психологии). Кроме того, особенность данного пособия состоит в том, что оно включает результаты недавно проведенных психологических исследований, и многие идеи, заложенные в нем, еще нуждаются в дополнительном их изучении. Обращает на себя внимание «плотность» информации, насыщенность каждого раздела существенно новыми сведениями: это тот случай, когда «мыслям тесно». В результате при сравнительно небольшом объеме пособия в нем представлен огромный фактический материал. Поэтому оно может использоваться не только в качестве средства формирования у студентов умений и навыков использования психологических знаний при анализе взаимодействия человека с цифровой средой, но и как своеобразный навигатор при планировании

научных исследований в соответствующем его тематике предметном поле. Кроме того, внимательное прочтение пособия может подтолкнуть к практическим выводам в области психопрофилактики и психокоррекции цифровой аддикции и негативных эффектов, возникающих при взаимодействии с цифровой средой, что может оказаться полезным для разработки безопасного и одновременно эффективно развивающего психический потенциал цифрового контента.

Лично я читал пособие с большим удовольствием. Прежде всего, из-за насыщенного содержания, в силу чего узнал много нового для себя. Но и по причине прекрасного языка, как научного, так и литературного. Надеюсь, что и другие читатели этого пособия испытают, как и я, то же чувство благодарности авторам за их большой, крайне своевременный и очень полезный труд.

Литература

1. Безгодова С.А., Микляева А.В. Цифровые трансформации психологии человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. 176 с.

References

1. Bezgodova S.A., Miklyeva A.V. Tsifrovye transformatsii psikhologii cheloveka [Digital transformations of human psychology]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2023. 176 p.

Информация об авторах

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Information about the authors

Viktor P. Sheinov, Doctor of Sociology, PhD in Physics and Mathematics, Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Skills, Republican Institute of Higher Education, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Получена 28.06.2024

Received 28.06.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: актуальные вопросы оптимизации межличностного и межгруппового взаимодействия

Абалмасова А.Д.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9336-5756>, e-mail: abalmasovaad@mgppu.ru

В статье представлен отчет о работе ежегодной IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», состоявшейся 15–16 мая 2024 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Отражены основные события научного форума, подчеркнута его значимость для продвижения перспективных направлений социально-психологических исследований, а также их практического применения. Отмечается важность обмена опытом между исследователями из различных научных школ для решения актуальных социально-психологических проблем в области обучения и развития личности.

Ключевые слова: конференция; студенты; социальная психология; образование; личность; возрастная психология; семья; психология групп; киберпсихология; практическая этнопсихология; организационная психология; дорожный трафик; коучинг.

Для цитаты: Абалмасова А.Д. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: актуальные вопросы оптимизации межличностного и межгруппового взаимодействия // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 2. С. 205–213. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150214>

Conference in Memory of M.Y. Kondratiev: Topical Issues of Optimization of Interpersonal and Intergroup Interaction

Anastasia D. Abalmasova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9336-5756>, e-mail: abalmasovaad@mgppu.ru

The article presents a report on the work of the annual IX International Scientific and Practical Conference in memory of M.Y. Kondratiev “Social Psychology: issues of theory and practice”, held on May 15–16, 2024 at the Moscow State Psychological and Pedagogical University. The main events of the scientific forum are reflected and its importance for the promotion of promising areas of socio-psy-

chological research, as well as their practical application, is emphasized. The importance of the exchange of experience between researchers from various scientific schools for solving urgent socio-psychological problems in the field of education and personal development is noted.

Keywords: conference; social psychology; education; students; personality; family; age psychology; group psychology; cyberpsychology; practical ethnopsychology; organizational psychology; traffic; coaching.

For citation: Abalmasova A.D. Conference in Memory of M.Y. Kondratiev: Topical Issues of Optimization of Interpersonal and Intergroup Interaction. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 2, pp. 205–213. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150214> (In Russ.).

15–16 мая 2024 года в ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (МГППУ) состоялась ежегодная IX Международная научно-практическая конференция памяти Михаила Юрьевича Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики», организованная факультетом «Социальная психология». На конференции собрались студенты, аспиранты, а также молодые ученые-исследователи вместе с заслуженными психологами из различных областей, чьи работы и исследования связаны с современной социальной психологией. В ходе мероприятия участники ознакомились с последними отечественными и зарубежными методами организации и проведения научных исследований, рассмотрели перспективные направления для исследования социально-психологических проблем, а также обменялись опытом в научной и практической деятельности.

Конференция проходила в смешанных форматах – онлайн и офлайн.

В этом году в конференции приняли участие несколько сотен человек из разных городов России: Астрахань, Барнаул, Белгород, Владимир, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Калуга, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Мариуполь, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск,

Новый Уренгой, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Саратов, Санкт-Петербург, Симферополь, Смоленск, Сочи, Таганрог, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Херсон, Чебоксары, Челябинск, а также из зарубежных стран: Беларусь, Бразилия, Великобритания, Вьетнам, Казахстан, Киргизия, Молдавия, США, Узбекистан [1]. Председателем программного комитета конференции выступила зав. каф. «Социальная психология развития» факультета «Социальная психология» МГППУ д-р психол. наук, проф. Н.Н. Толстых.

Пленарное заседание конференции открыла с приветственным обращением декан факультета социальной психологии, канд. биол. наук, проф. кафедры теоретических основ социальной психологии МГППУ Т.Ю. Маринова. Она подчеркнула важность данного события для поддержания передачи опыта, обмена научно-практическими знаниями, обсуждения важных социально-психологических вопросов. Т.Ю. Маринова отметила, что данная конференция, посвященная М.Ю. Кондратьеву, совпала со 100-летием А.В. Петровского. Именно Михаил Юрьевич Кондратьев был одним из лучших учеников А.В. Петровского, который, будучи еще студентом, работал в его лаборатории, став в дальнейшем последователем его научных идей.

На пленарном заседании было заслушано 7 докладов. Направление обсуждаемых на конференции проблем задал доклад профессора кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства» МГППУ, д-ра психол. наук, проф., акад. РАО Н.Н. Нечаева на тему: «Роль категории развития в психологии образования». Докладчик обратил внимание слушателей на тот факт, что при всей важности занимаемого положения в психологии содержание категории развития не может ограничиваться только проблематикой психологии развития.

Актуальному вопросу был посвящен доклад д-ра психол. наук, заместителя директора по научной работе Института психологии Российской академии наук (Москва) А.В. Махнача на тему: «Психология семьи: от неблагополучия к жизнеспособности», в котором спикер поделился результатами исследования, проведенного на двух выборках студентов: русских и бурят. В докладе был представлен анализ семейных ресурсов и обозначены факторы, способствующие жизнеспособности семьи в отношении каждой выборки.

В докладе руководителя лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФГБНУ ФНЦ ПМИ, д-ра психол. наук, проф., акад. РАО В.С. Собкина и вед. науч. сотр. лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФГБНУ ФНЦ ПМИ, канд. психол. наук Е.А. Калашниковой на тему: «Влияние социально-стратификационных факторов на представления родителей о целях образования своего ребенка» обсуждались цели образования, которые выступают важным показателем особенностей социализации подрастающего поколения и находятся в тесной взаимосвязи с представлениями родителей о социаль-

ных навыках, личностных качествах, необходимых для дальнейшей самореализации ребенка.

Профессор кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», д-р психол. наук, проф. Т.И. Шульга в своем выступлении «Социально-психологический анализ восприятия социальной напряженности жителями России и Казахстана» обратила внимание слушателей на одну из актуальных тем — феномен социальной напряженности: как он проявляется, как люди его понимают и как переживают. Докладчик поделилась со слушателями результатами исследования, которое было проведено на жителях России и Казахстана. Было отмечено, что существуют различия между странами в переживании социальной напряженности, а также то, что люди по-разному выходят из такого состояния психоэмоционального напряжения.

В выступлении доц. кафедры специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова», канд. психол. наук, доц. И.В. Тихоновой на тему: «Стресс и родительство: взгляд молодежи» было раскрыто значение социокультурных факторов в процессе выбора копинг-стратегий и обозначена концептуальность разных копинг-стратегий в различных культурах.

В заключение пленарного заседания прозвучал доклад доцента Департамента образовательных программ, вед. эксперта Центра общего и дополнительного образования имени А.А. Пинского Института образования НИУ ВШЭ, канд. психол. наук, доц. А.С. Обухова на тему: «Территориальная самостоятельность детей и подростков как социальный аспект взросления», основным выводом кото-

рого явился тезис о том, что территориальный фактор, т.е. место, где проживает ребенок, является главным социокультурным фактором, влияющим на поведенческую модель взросления ребенка.

В течение двух дней на конференции активно работали 7 секций, состоялись 2 круглых стола и 4 мастер-класса. С докладами в ходе конференции выступили более 150 человек, а всего для участия зарегистрировались более 450 человек, которые очно и онлайн приняли участие в мероприятиях конференции.

После выступлений на пленарном заседании состоялась работа в рамках секций. Основные направления работы конференции: «Актуальные проблемы социальной психологии личности», «Актуальные проблемы социальной психологии групп», «Киберпсихология и общество», «Возрастная социальная психология», «Современные технологии в психологии и образовании», «Практическая этнопсихология», «Социальная психология дорожного трафика», «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии».

В ходе работы секции «Актуальные проблемы социальной психологии личности» (руководители — д-р психол. наук, проф. Н.Н. Толстых, канд. психол. наук, старший преподаватель П.А. Бабанин) с интересом были заслушаны и обсуждены выступления д-ра психол. наук, проф. Е.Н. Волковой (Москва) на тему: «Психологические критерии благополучия подростков в контексте цифровой социализации»; аспирантки кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения О.Г. Щукиной (Москва) на тему: «Специфика психологического консультирования по проблемам ревности в романтических отношениях»; канд. психол. наук, доц. Т.С. Леви (Москва) на тему:

«Методика “Психологическая граница личности”: возможности диагностики и коррекции межличностных отношений»; канд. психол. наук, доц. О.Б. Михайловой (Москва) совместно со студенткой филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы А.И. Корж на тему: «Нарциссизм как психологическая проблема: норма или патология?».

В рамках работы секции «Актуальные проблемы социальной психологии групп» (руководитель — д-р психол. наук, проф. М.Е. Сачкова) были заслушаны и обсуждены доклады д-ра психол. наук и проф. кафедры общей психологии ИОН РАНХиГС М.Е. Сачковой (Москва) и проф. кафедры общей и социальной психологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского Л.Э. Семеновой (Нижний Новгород) на тему: «Решение социальных проблем и вера в паранормальное студентов разных курсов»; канд. психол. наук и ст. науч. сотр. Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований А.В. Петраковой (Москва) и канд. психол. наук, вед. науч. сотр. Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований Т.А. Лыковой (Москва) на тему: «Опыт применения методологии теории социальных ролей в изучении киносъемочной команды»; д-ра психол. наук, проф. Г.Б. Горской (Краснодар) совместно с аспиранткой кафедры психологии А.А. Витер (Краснодар) на тему: «Психологические предпосылки коллективной эффективности спортивных команд»; канд. психол. наук Е.И. Бериловой (Краснодар) на тему: «Особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта, уровня развития группы и копинг-стратегий у спортсменов, занимающихся командными видами спорта»; канд. психол. наук Ю.М. Босенко (Краснодар) на тему:

«Взаимосвязь отношений спортсменов-подростков с ближайшим окружением и мотивационного климата в команде».

В рамках работы секции «Киберпсихология и общество» (ведущие — канд. психол. наук, доц. Н.В. Кочетков, канд. биол. наук, доц. Т.Ю. Маринова) были заслушаны и обсуждены выступления мл. науч. сотр. Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ Э.С. Цигеман (Санкт-Петербург) и канд. психол. наук, ст. науч. сотр. Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ Л.В. Марарицы (Санкт-Петербург) на тему: «Сравнение психологических аспектов качества коммуникации в онлайн- и онлайн-коммуникации: обзор исследований»; д-ра психол. наук, проф. А.А. Нестеровой (Москва) совместно с аспиранткой А.А. Феклистовой (Москва) на тему: «Фаббинг: исследование социально-психологических предикторов»; проф. кафедры общей, возрастной и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы А.В. Сергеевой (Санкт-Петербург) на тему: «Личностная готовность к переменам студенческой молодежи в условиях киберобучения»; студентки факультета социальных наук и массовых коммуникаций М.А. Фроловой (Москва) и д-ра психол. наук, проф. кафедры психологии и развития человеческого капитала М.В. Клементьевой (Москва) на тему: «Соотношение типов привязанности и базовых ценностей у молодежи в реальной и виртуальной среде»; студентки факультета социальных наук и массовых коммуникаций М.Ю. Никулиной на тему: «Самоотношение и выбор стратегий конфликтного поведения в онлайн- и онлайн-средах»; студента факультета социальных наук ННГУ им.

Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) Н.А. Назарова и канд. психол. наук, доц. В.А. Демаревой (Нижний Новгород) на тему: «Пилотное исследование эффекта зорителя при просмотре фильма жанра “триллер”».

На секции «Возрастная социальная психология» (ведущие — канд. психол. наук, доц. Н.С. Денисенкова, канд. психол. наук, старший преподаватель П.А. Бабанин) большой интерес у слушателей вызвали доклады научных сотрудников лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН И.В. Ларионова (Москва) и С.В. Тарасова (Москва), вед. науч. сотр. Лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН, д-ра психол. наук Т.В. Дробышевой (Москва) на тему: «Ожидаемая удовлетворенность жизнью на пенсии в группе российских предпенсионеров: результаты первичного анализа»; канд. психол. наук, доц. А.В. Полиной (Москва) и студентки факультета психологии Государственного университета просвещения А.Д. Балиной на тему: «Депривация доверия у подростков, воспитывающихся в трудной жизненной ситуации»; канд. психол. наук, доц. Е.М. Ивановой (Москва) и студентов ИКПСР (Москва) И.В. Карунина, М.А. Коркиной, Т.А. Шкинdera на тему: «Влияние утраты родителя в подростковом возрасте на уровень экзистенциальной исполненности жизни молодых людей».

В рамках работы секции «Современные технологии в психологии и образовании» (руководитель — канд. психол. наук, доц. О.Б. Крушельницкая) большой интерес был проявлен к докладу зав. сектором психологического сопровождения МГППУ Е.В. Анисимовой на тему: «Особенности проявления эмпатических способностей у студентов и старшеклассников», в котором докладчик поделилась

результатами психологического исследования и опытом практической работы с обучающимися по развитию эмпатических способностей как основы успешной социализации; не меньший интерес у слушателей вызвал доклад школьного психолога из США Т.В. Коттл на тему: «Психологическая помощь учителю в профилактике и преодолении негативных переживаний у школьников». Хочется отметить выступление канд. психол. наук, доц. О.В. Кружковой (Екатеринбург) на тему: «Обесценивание как социально-психологический механизм вандализма». С актуальным докладом выступила студентка ФГБОУ ВО МГУ имени А.И. Куинджи С.В. Маштакова (Мариуполь) на тему: «Развитие навыков стрессоустойчивости у женщин г. Мариуполя», которая поделилась ценным опытом психологической помощи, результаты которого были подтверждены эмпирическим исследованием. Аспирантка и преподаватель ГБУ РГУ им. А.Н. Косыгина С.А. Исаева (Москва) в своем докладе на тему: «Проблемы социально-психологической адаптации комбатантов с ПТСР» рассказала про актуальный практический опыт работы по содействию адаптации комбатантов с ПТСР. Отметим и доклад аспиранта ОАНО ВО «МПСУ» К.А. Богатырева (Москва) на тему: «Некоторые этические вопросы использования нейросетей в образовании». С интересом было встречено выступление доц., канд. психол. наук Т.Н. Кочетковой (Санкт-Петербург) на тему: «Последствия объектного восприятия собственного тела» про объектное восприятие своего тела (отношение к своему телу как к объекту) как основы стремления следовать моде.

Большое количество докладов прозвучало на секциях «Современное состояние и тенденции развития организацион-

ной психологии» (руководители — канд. психол. наук, доц. А.В. Погодина, канд. физ.-мат. наук, доц. М.А. Харченко) и «Социальная психология дорожного трафика» (руководитель — канд. психол. наук, доц. Т.В. Кочетова). Актуальные вопросы были подняты в выступлениях вед. научн. сотр. Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ИП РАН, д-ра психол. наук А.А. Алдашевой и аспирантки ИП РАН Ю.А. Абдулиной (Москва) на тему: «Личностные особенности специалистов с разным уровнем удовлетворенности трудом»; студентки факультета социальной психологии МГППУ И.И. Игнатенко (Москва) на тему: «К вопросу привлечения и удержания молодых специалистов на крупном промышленном предприятии»; магистра психологии Э.А. Городковой (Москва) и доц., канд. психол. наук А.С. Мельничук (Москва) на тему: «Взаимосвязь выраженности стресса руководителей и предпочтаемых ими форм власти в организации»; студентки факультета социальной психологии МГППУ М.А. Логачевой (Москва) и проф. каф. психологии управления МГППУ, канд. психол. наук, доц. А.В. Погодиной (Москва) на тему: «Сравнительный анализ социально-психологических факторов профессиональной деятельности работников ресторанных бизнесов в зависимости от специфики их деятельности»; аспиранта ФГБОУ ВО КНИТУ И.В. Шавкина (Казань) и канд. психол. наук, доц. Р.В. Куприяновой (Казань) на тему: «Формирование корпоративной культуры в организациях индустрии гостеприимства»; канд. психол. наук, доц. Н.В. Волковой (Санкт-Петербург), ассистента кафедры организационного поведения и управления персоналом СПбГУ А.К. Бордунос (Санкт-Петербург) и канд. психол. наук,

доц. В.А. Чикер (Санкт-Петербург) на тему: «Социальный капитал поколений в организациях: тематическое моделирование предметного поля»; студентки факультета социальной психологии МГППУ А.А. Каракаш (Москва) на тему: «Базовые психологические потребности сотрудников организации и их представления об организационной культуре»; студентки факультета социальной психологии МГППУ О.В. Шмелевой (Москва) на тему: «К вопросу об организации процесса адаптации в условиях организационных изменений»; студента факультета социальной психологии МГППУ А.С. Барсукова (Москва) на тему: «Трудности изучения межличностных отношений между инструкторами по вождению и выпускниками автошкол и пути их преодоления»; студентки факультета социальной психологии МГППУ Э.К. Баясевой (Москва) на тему: «Проблема исследования представлений взрослых о детях как участниках дорожно-транспортной среды»; аспиранта Российского государственного социального университета А.Ю. Саенко (Москва) на тему: «Социально-психологические особенности отношения личности к технологии беспилотного автомобильного транспорта: возрастной аспект».

Заседание круглого стола «Развитие у детей традиционных ценностей в союзе семьи и школы» (ведущий – канд. психол. наук, доц. кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ А.С. Кривцова) было посвящено обсуждению особенностей традиционного общества и специфики традиционных ценностей в современном обществе; особенностей традиций разных народов, в частности этнопедагогических и связанных с обучением традиций, также была поднята тема этнокультурных специфик

традиционных ценностей и их проявления в школе.

На заседании круглого стола «Социально-психологические факторы гармонизации семейных отношений» (ведущие – д-р психол. наук, проф. кафедры психологической антропологии Института детства ФГБОУ ВО МПГУ Л.Б. Шнейдер; канд. психол. наук, доц. кафедры теоретических основ социальной психологии МГППУ В.А. Орлов) дискутанты пришли к выводу, что в последние десятилетия семейные ценности, классическое понимание семьи как ячейки общества не утратили своего значения. Человек – существо социальное, он не может существовать вне общества, как и социум не существует без человека. Начальным же социумом, безусловно, для человека является семья. Обсуждалось нравственное поведение, которое строится на взаимном уважении и учете ценностей и потребностей всех участников взаимодействия. Для сохранения необходимого жизненного пространства, развития доверительных отношений и реализации потенциала семьи необходимо эффективное внутрисемейное коммуникативное поле.

На протяжении двух дней работы конференции проходили четыре мастер-класса.

На мастер-классе «Групповой коучинг как одна из современных технологий работы с группой» (ведущие – канд. психол. наук, председатель президиума ФПКиН О.В. Рыбина; член президиума ФПКиН Л.Б. Бузало) участников познакомили с одной из современных и эффективных технологий работы с группой – групповым коучингом в формате минисессий. Ведущие мастер-класса рассказали о групповом коучинге, его преимуществах и отличиях от других форм работы с группами, о наиболее эффек-

тивных для краткосрочной и долгосрочной работы с группами форматах группового коучинга, а также поделились с участниками сведениями о том, какими компетенциями должен обладать специалист, чтобы проводить групповые встречи.

В ходе работы мастер-класса «Возможности настольных трансформационных игр при работе с семьей: теория и практика» его ведущий — системный семейный психолог, арт-коуч с международной сертификацией ИСТА И.С. Александрова — познакомила участников с технологией проведения настольных трансформационных игр с семьей, в том числе на примерах успешно решенных кейсов. В процессе взаимодействия был смоделирован игровой процесс, где участники мастер-класса смогли посмотреть, каким образом осуществляется семейный формат игр. Участники мастер-класса смогли побывать на месте клиента и ощутить на себе трансформационный эффект при работе с собой через игровые инструменты.

Мастер-класс «Человек как режиссер жизни» (ведущие — понимающий психотерапевт, психодраматерапевт, член Совета Ассоциации ППТ М.Ю. Минакова, понимающий психотерапевт, член Ассоциации ППТ, психодраматерапевт, кинодраматург Т.А. Карнис) был посвящен авторской позиции личности и жизнетворчеству как психологическому феномену и способу бытия. Участники мастер-класса смогли исследовать фигуру внутреннего Режиссера как творческую часть личности, опираясь на концепцию жизненных миров в понимающей психотерапии Ф.Е. Василюка. Через кинообразы и анализ фактов биографий известных кинорежиссеров (Ф. Феллини, И. Бергман, Ким Ки Дук и др.) участникам удалось прикоснуться к атмосфере и

пространству своего собственного творческого жизненного мира.

На мастер-классе «Взаимовлияние в процессе деловой коммуникации» (ведущий — магистр психологии, бизнес-тренер М.А. Иванов) участники познакомились с трехфакторной моделью А.В. Петровского, где объем влияния значимого другого определяется тремя векторами: аттракция, власть, референтность. То есть в статике заранее можно предположить, какой значимостью для другого человека обладает субъект влияния. Однако, если добавить динамический аспект в эту модель, то мы можем стать свидетелями изменения значимости в процессе деловой коммуникации и определить, что именно вызывает смещение по осям аттракции, власти и референтности, даже принимая как аксиому устойчивость власти как функции институализированной роли субъекта влияния. В процессе работы участники разыграли управлеченческую ситуацию, типичную для большинства организаций. Далее участники проанализировали, изменились ли три вектора взаимовлияния. Обсудили, в какой корпоративной культуре получившиеся изменения объема влияния субъектов коммуникации приведут к положительным последствиям, а в какой — к отрицательным. Участники мастер-класса составили рекомендации для эффективной управлеченческой коммуникации.

Подводя итог IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, можно отметить, что в ходе ее работы были затронуты актуальные проблемы современной социальной психологии. Результаты проведенных исследований, выполненных как квалифицированными специалистами из различных организаций, так и студентами и аспирантами отечественных и зарубежных университетов, демонстрируют возможности

практического применения методологии научной школы А.В. Петровского-М.Ю. Кондратьева.

Сборник материалов конференции «Социальная психология: вопросы

теории и практики» [1] опубликован на портале психологических изданий Psyjournals.ru, свободный доступ к нему по ссылке: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2024>.

Литература

1. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (15–16 мая 2024 г.). М.: Издательство МГППУ, 2024. 777 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2024> (дата обращения: 13.06.2024).

References

1. Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Elektronnyi resurs] [Social psychology: questions of theory and practice]. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii pamyati M.Yu. Kondrat'eva «*Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki*» (g. Moskva, 15–16 maya 2024 g.) [Proceedings of the Eight International Scientific and Practical Conference “*Social psychology: questions of theory and practice*”]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2024. 777 p. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/socpsy2024> (Accessed 13.06.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Абалмасова Анастасия Дмитриевна, ассистент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9336-5756>, e-mail: abalmasovaad@mgppu.ru

Information about the authors

Anastasia D. Abalmasova, Assistant of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9336-5756>, e-mail: abalmasovaad@mgppu.ru

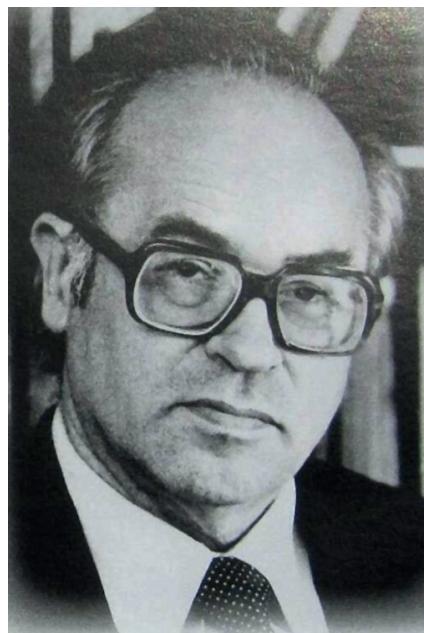
Получена 14.06.2024

Received 14.06.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

К 100-летию А.В. Петровского. Персонализация: уроки Петровского

Начну с того, что термин «персонализация» предложен А.В. Петровским. Было бы странно, если бы этого красивого термина «в природе» ранее не было. Термин, конечно, был, но использовался в совершенно другом значении. П. Тейяр де Шарден говорил о персонализации, имея в виду завершающий этап космогенеза; его предпосылкой является «персонализация», возникновение личности и мысли, образование ноосфера (идеальной, духовной оболочки Земли).

Артур Владимирович еще до моих собственных построений говорил мне,

что понятие «социализация» не должно быть единственным и самодостаточным при описании взаимодействия человека с социумом, — что есть и должен быть обозначен как-то встречный процесс: от человека в социум, и что термин «персонализация» тут очень подходит. В этих его суждениях еще не было идеи полагания своего бытия в бытие другого, не было идеи «инобытия» в другом, но намечался «вектор»: от человека — в мир.

Были потом у некоторых из моих коллег попытки «закрыть» термин (А.Б. Орлов), сводя его к одеванию маски (путая

«персону» и «персон» — «самость», глубинное «я»). «Иметь лицо» и «делать лицо» — бесконечно разные вещи. Например, «безличность» — это когда у человека нет лица. А «лицо» — это когда человек снимает маску. Не надо путать!

В том, что люди оказывают влияние друг на друга, не было ничего принципиально нового. Этим не удивишь ни Бехтерева с его исследованиями механизмов подражания и внушения, ни тех, кто исследовал явления фасилитации и ингибиции. Точно так же и жизнь человека в других людях мало кого удивила бы. Любой психоаналитик или транзакционный аналитик найдет слова для обозначения этого факта. Кто-то скажет «интроверт», кто-то вспомнит об эго-состояниях (берновский «Родитель» как раз про это), кто-то усмотрит другие аналоги.

Новизна появляется уже тогда, когда мы пытаемся проследить превращения кого-либо, существующего «по ту сторону» внутреннего мира, в «значимого другого», далее — в «интроверт» и, наконец, в мое собственное «я», где уже нет различия между «я сам» и «другой во мне» (я говорю в этом случае «претворенное я другого»). Кроме того, появляется важный ход к типологии «значимых других», пониманию этой категории как особой, не сводимой к субъекту воздействия.

Случайный прохожий, например, пьяный на улице, может быть источником пренеприятных воздействий на меня, но мы не назовем его «значимым другим». «Значимый другой» — это тот, в ком я могу увидеть друга или недруга, партнера или противника, «заслуженного собеседника» (А.А. Ухтомский) или «игнорирующего меня обидчика». Значимый другой — тот человек из моего окружения, с которым я потенциально в общении или разобщении, производстве

чего-то общего или раздельного. Иначе говоря, не может быть так, чтобы «значимый другой» не мог стать «интровертом» и, в свою очередь, потенциальным претворенным другим, частицей моего собственного «я».

А.В. Петровский предложил замечательно ясную трехмерную модель «значимого другого», играя категориями «аттракции», «референтности» и «авторитета». Во всех этих ипостасях «значимый другой» — потенциально внутренний другой, тот, кто продолжается в тех людях, для которых он значим. Люди, которых я вижу в зале, люди, пришедшие в этот зал, значимы для меня, они значимые другие. Мы расстанемся, но мы, возможно, друг в друге останемся. Предостережение у Булгакова: «Никогда не заговаривайте с неизвестными!» — они могут оказаться для вас ох как значимыми!

Специфика подхода, его неочевидность и непривычность проявляются, пожалуй, тогда, когда мы меняем ракурс рассмотрения личности. Открывается особая грань в понимании личности. Это — бытие человека в другом человеке, «инобытие» человека в людях.

Позвольте поделиться своим личным воспоминанием. Некогда М.Г. Ярошевский, когда я защищал кандидатскую, говорил, что мне удалось поймать в «пробирку» феномен активности (речь шла о надситуативном — «бескорыстном» — риске). Леонтьев называл это «эксквизитным» проявлением активности. Я уж не знаю, удалось или нет, но некое дерзновение поймать в пробирку «личность» осталось. Я искал решение, у меня было не одно, а «целых два»... Одно из них — что мы никогда не можем построить аутентичный образ себя, постоянно выходя за пределы себя в рефлексии. Я это экспериментально исследовал. Второе решение — пойти еще дальше: за

пределы себя, и это второе решение — персонализация, значимость для другого, интровертированность в другого, претворенность в другом.

Моим первым испытуемым был сам Артур Владимирович Петровский, — в эксперименте на самоатрибуцию. Участнику эксперимента предъявляется список личностных черт. Сначала человек оценивает себя, «каков он есть» («Я, каким я себя чаще всего чувствую»), потом — в присутствии конкретного человека («Я в присутствии другого лица»). Список черт (условный):

«**Аккуратный, Бдительный, Внимательный, Гостеприимный, Доброжелательный, Ершистый, Ёрничающий, Искренний, Критикующий, Лицемерный, Мнительный, Надежный, Остроумный...**»

Артур Владимирович сказал мне: «Вряд ли что-то изменится». А потом (уже после того, как заполнил опросник второй раз) вдруг говорит: «Неужели?! А я и не знал, что в ее присутствии я становлюсь...» (и он сказал мне, кем становится...; повторять его слова здесь не буду, это признание было слишком интимным). Но, заметьте, если я все-таки расскажу вам, *какова была перемена*, то вы легко догадаетесь, о ком шла речь, если хорошо знакомы с этим человеком; но даже в том случае, если раньше вы не видели этого человека, совсем не знакомы с ним, вам удастся мысленно нарисовать портрет этого человека, в общих чертах сходный с оригиналом. Положим теперь, что в присутствии этого человека мы начинаем стесняться говорить какие-то интимные вещи о себе... Вполне можно предположить, что это — человек, контролирующий нас, или, возможно, сам весьма закрытый в общении; а может быть, у него язык-«помело». Здесь возможен разброс интерпретаций. Если в присутствии этого человека я испытываю сильную тревогу,

то это может быть следствием того, что он в моих глазах, например, представляет собой объект переноса с родительской фигуры; но если большинство людей в его присутствии испытывают сходные с моими чувства, то это, скорее всего, свидетельствует о его личности как таковой или, может быть, о его положении в обществе и т.д. и т.п.

В любом случае требуется дополнительный анализ. Но тем не менее все это повод обратить свой взор на себя, присмотреться к нашим отношениям, увидеть партнера в новом ракурсе. Как бы то ни было, изменение, происходящее со мной, несет на себе отпечаток личности другого — он вносит в мою жизнь что-то свое. Его портрет может быть в разной рамке, выглядеть по-разному в разном освещении, быть похожим и не очень, и даже карикатурным, но это именно *он* так действует на нас.

Я мог бы подробнее в этой связи рассказать о работах А.Н. Смирновой, Г.А. Долинского, А.Б. Николаевой, Л.И. Полежаевой.

Приведу гротескный в какой-то мере пример. Если Вы мне приснитесь, я, может быть, и не пойду к психологу, а спрошу у Вас: «Что Вы делали в моем сне? Ведь это *Вы* мне приснились!...» Впрочем, может быть, после этого разговора мне придется пойти к психоаналитику...

Лев Толстой писал: «Описать человека нельзя. Можно сказать только, как он на меня действовал».

Некоторые примеры:

Мы говорим: «**МНЕ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК СМЕШОН...**» (не ЕМУ смешно, это *мне* смешно, ему самому, может быть, совсем не весело).

Я не могу сказать о себе: «Я — герой». Это могут сказать обо мне только другие.

«**Я душевный**» (было бы странно услышать от кого-нибудь такое признание,

хотя «душевность», несомненно, черта личности человека).

«Я — Поэт!» — «Поэт? Бильярд?» (Анна Ахматова, когда ей довелось услышать от одного молодого стихотворца такие слова, произнесла вслух: «Поэт... Бильярд...»).

Все это — *метапсихологические* качества! «Аннушка чума» — это ее *метапсихологическое* качество. Метод отраженной субъектности открывает именно такие качества индивидуума, и следующий вопрос состоит в том, как эти качества сочетаются с *интрапсихологическими* качествами. И такова перспектива развития метода отраженной субъектности, а стало быть, и теории персонализации.

И здесь приоткрывается класс феноменов. Повышение оригинальности ассоциаций в присутствии неординарных учителей (исследования Ю.В. Янотовской и, независимо от нее, И.Г. Дубова), взаимопорождение творческих стилей (В.Г. Грязева-Добшинская), подвижки к бескорыстному риску в присутствии других (исследования А.Л. Крупенина), эффект стимуляции «сильных» учеников «слабыми» (эффект силы в слабости) и наоборот (исследование Е.Ю. Увариной), др. феномены — все это было выявлено на основе метода отраженной субъектности, в основном в лаборатории А.В. Петровского.

Метод отраженной субъектности иногда принимает форму «бесконтактного» исследования личности как источника персонализации человека в других.

Назову такие феномены, как динамика самовосприятия (исследование Аллы Николаевны Смирновой), усиление и ослабление перцептивных иллюзий в воображаемом присутствии других (исследование Елены Ивановны Кузьминой), изменение фрустрационного реагирова-

ния под влиянием актуализации образа значимого другого (исследование Ирины Петровны Гуренковой). В последние годы есть много исследований отраженной субъектности в парадигме транзакционного анализа, что имеет прямое отношение к практике психологического консультирования.

При этом открывается мир инообытия человека в человеке — мир значимых других, имеющих идеальную представленность и продолженность в других людях.

Отсюда и понимание развития личности. Что значит «развиваться» как личность? Это, в моем представлении, становиться «значимыми другими для значимых других». Идея персонализации раскрывается в двух моделях развития личности — моей, трехчастной (социализация, индивидуализация и интеграция) и — Артура Владимировича, тоже трехчастной (социализация, индивидуализация, интеграция).

И в этом контексте я хочу сказать о плотном сотрудничестве с А.В. Петровским не столько по поводу развития личности (тут были некоторые расхождения), сколько по поводу движущих сил человеческого поведения как в развитии, так и в сложившихся формах функционирования.

Изначально идея персонализации для меня была объяснительной в интерпретации общения между людьми. Есть точка зрения, что мы общаемся для обмена: «ты мне — я тебе», информация, эмоции, добрые дела — все это, грубо говоря, «баш на баш». Но я понимаю мотивацию общения — в самых ее истоках — иначе.

Когда в первый раз я докладывал концепцию персонализации в Институте общей и педагогической психологии в 1984 году, я говорил о том, что общение есть проявление потребности в персонализации, а за этой потребностью — более общее стремление к бессмертию. «Все

люди смертны? — Да! Сократ — человек? — Да! Сократ смертен? — Давайте исследуем». Помню, на моем докладе присутствовал тогда Георгий Петрович Щедровицкий, и я захотел взять для себя его интонацию: «Давайте иссследуем!» (с музыкальной лигой на «с»).

Но вот, объединившись с Артуром Владимировичем в подмосковном пансионате «Драматург», я стал работать вместе с ним над статьей — о потребности и способности персонализации. Само это словосочетание появилось там — «способность и потребность». Способность — потому что не всем дано легко превращаться в значимых других для значимых других. А слово «потребность» для Артура Владимира было особенно значимо. Для него потребность так относится к мотивам, как сущность к явлению. Потребность есть зависимость как источник активности (обратите внимание на парадоксальность «зависимость — источник!»), и эта зависимость, в отличие от мотивов (в виде различных интересов, желаний, хотений), объективна. Это они — субъективны, представляют собой *феномены* сознания, а потребности — скрыты, они образуют источник переживаемой активности (потом эта идея была представлена Петровским в нашей общей работе, посвященной категориальному строю психологии, где были рассмотрены 35 категорий теоретической психологии).

А.В. Петровский «вбросил» идею, что потребность персонализации питает не только «общение душ», обеспечивающих, я бы сказал, «бессмертие души», но и другие процессы: самоутверждение в собственных глазах, стремление к риску, творчество в науке, искусстве, поэзии... Этот ресурс идеи персонализации с уходом А.В. (переходом его в миры любящих его людей) остается почти нереализованным, но, я думаю, здесь есть интересные перспективы.

Несколько слов о некоторых эпизодах нашего общения, послуживших для меня уроками.

УРОК 1. КАК ТЫ ЭТО ПОЙМАЕШЬ?

Человек энциклопедически образованный, историк психологии, вплоть до защиты своей докторской он наслаждался психологией как экспериментальной наукой — не разговоры на психологические темы, не философствование по поводу психологии, а именно эксперимент — вот что он любил! В последние годы он вернулся в методологию, теорию, историю психологии, работая над проектом «теоретической психологии». Но за плечами уже был опыт экспериментатора. Я часто слышал от него вопросы: «А как ты это измеришь?», «Как ты это поймаешь?» Его влекла интрига экспериментирования. Опыты с «коллективистическим самоопределением» («во имя группы или против группы?») и многие другие были красивы и парадоксальны по своему смыслу, — Мираб Константинович Мамардашвили, принимая статью о коллективистическом самоопределении в «Вопросы философии», был впечатлен этой идеей. Не конформизм и не негативизм, а нечто третье, что было показано экспериментально.

Сегодня измерения в психологии самоценны, но интрига уходит. Я это очень чувствую. И думаю, вы тоже это чувствуете. Поэтому улиткой на склоне прогресса я держусь за идею красивого эксперимента, производящего нетривиальное знание. Мысленно при этом благодарю Артура Владимира.

УРОК 2. ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ

КАК ЦЕННОСТЬ. Он видел тех, кто видел парадоксальность. Он как-то жестом показывал мне Леонтьева, акцентируя его стремление взглянуть на вещи с другой неожиданной стороны. «Леонтьев видит парадоксальность». Может быть, поэтому для меня Леонтьев был и остается магом и волшебником, заворажи-

вающим своим словом и жестом. Гений экспериментирования и усмотрения. Петровский подарил мне способ видения моего будущего учителя в психологии.

Читаешь работы и думаешь: что происходит в нашей науке? Часто вспоминаю анекдот, который рассказал мне отец однажды. Поезд. Разговор в купе. «Куда едете?» «Еду в Одессу». «Зачем?» «Там конференция, посвященная Эйнштейну». «Эйнштейну?» «Да, великому автору теории относительности. У меня там доклад». «О чём?» «Об относительности. Видишь, мимо нас едут берёзы. Но это мы едем мимо них, а они стоят! Все относительно!» «Слушайте, и с этой хохмой вы едете в Одессу?!

УРОК 3. «УРАВНОВЕШИВАЙ!»
Мне иногда говорили, что я хороший оппонент. Знаете, почему? Все дело в его сотруднице, замечательной Людмиле Карпенко. И в моем отце.

Однажды на заседании его группы я разнес одного человека, в общем-то очень интересного ученого. После меня выступила Людмила. Она была тоже очень критична. Но там было столько деликатности... Такое умение увидеть и показать другим суть. И тогда Артур Владимирович сказал очень простую вещь: «Уравновешивай!» Я решил для себя тогда: «Я буду высказывать все, что думаю, но теперь буду уравновешивать!» Вот почему я такой уравновешенный оппонент.

УРОК 4. «ЗА-НЕ-ЗАЧЕМ!» В школьные годы я мучился «Исповедью Толстого». В чем смысл жизни. Идеи суицида у меня не было, а у великого Толстого эта идея была. Толстой справился, иначе бы не было Толстого. Ну а я пришел к отцу. И он сказал мне тогда: «Знаешь, в данном случае можно сказать “почему”, а ты спрашиваешь “зачем?»». Я тогда не знал (и он мне ничего такого не говорил) о различии действующей и целевой причины по Аристотелю. Это я потом своим чередом к этому при-

шел. Но я для себя уловил: «Если, говоря о смысле жизни, мы не можем ответить на вопрос “зачем”, то...» Ответ у меня появился значительно позже, лет через 8 после окончания школы. Это был ответ «За-не-зачем, а потому-что-не-иначе-как». Это было связано с выделением и критикой «постулата сообразности». Саму эту фразу «за-не-зачем, а потому-что-не-иначе-как» я придумал, когда поднимал своего родственника-одиннадцатиклассника в школу сдавать экзамен на аттестат зрелости. Он категорически не хотел просыпаться. «Зачем?» И тогда я рявкнул: «За-не-зачем, а потому-что-не-иначе-как».

Теперь я понимаю: смысл жизни – исключительно в том, чтобы жизнь продолжалась, своя или чья-то. Продолжалась, «жила себе» бесконечно. Именно так! И в таком случае в чем суть и смысл персонализации? Передать этот импульс к жизни дальше! «Зачем?» За-не-зачем! А потому-что-не-иначе-как!

УРОК 5. НА ВСЮ ЖИЗНЬ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ОПОСРЕДОВАННОЕ ПРИСУТСТВИЕ. Необходимо «просто» признать и принять идею «деятельностно-опосредованного присутствия» человека в человеке; иnobытие деятельного субъекта – активно. Сейчас, в тот момент, когда, как говорят, «автор этих строк» эти самые строки пишет, уже после ухода А.В. Петровского из жизни, а точнее, перехода его в другую жизнь – жизнь в других, особенно остро ощущается то, о чем мы с ним еще никогда не писали. Он присутствует во мне как человек действия, как действующий человек; не просто его присутствие, но его деятельностно-опосредованное присутствие в себе я сейчас ощущаю, ибо теперь, когда я говорю все это, поди разбери, кто сейчас говорит, кто подсказывает, что сказать дальше...

Вадим Петровский

Honoring A.V. Petrowskiy's 100th Anniversary. Personalization: Lessons from Petrowskiy

The term “personalization” was proposed by A.V. Petrowskiy. It would be strange if this beautiful term “in nature” did not exist earlier. The term, of course, there was, but it was used in a completely different meaning. P. Teilhard de Chardin spoke of personalization, meaning the final stage of cosmogenesis; its prerequisite is “personalization”, the emergence of personality and thought, and the formation of the noosphere (the ideal, spiritual shell of the Earth).

Информация об авторах

Петровский Вадим Артурович, доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); член-корреспондент Российской академии образования, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Information about the authors

Vadim A. Petrowskiy, Doctor of Psychology, Professor, Personality Psychology Chair, Ordinary Professor, National Research University Higher School of Economics; Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Получена 14.06.2024

Received 14.06.2024

Принята в печать 29.06.2024

Accepted 29.06.2024

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс – 22209

Сервис по оформлению подписки на журнал

<https://www.pressa-rf.ru>

Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»

www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор А.А. Буторина

Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index – 22209

Service on subscription to the journal

<https://www.pressa-rf.ru>

Internet-shop of periodical editions “Subscription press”

www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepkhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor A.A. Butorina

Maker-up M.A. Baskakova

